ACADEMIA

ФОЛЬКЛОР

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

«ACADEMIA»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

ВТОРОЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ
И ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕРЕВОД И ПРИМЕЧАНИЯ
Я. Хачатрянца

ВВЕДЕНИЕ
М. Шагинян

«ACADEMIA»

1933

Рисунки, форзац, переплет
и суперобложка
работы М. Сарьяна

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Предлагаемые читателю сказки взяты из сборника Сривандэтяна и Навасардяна (где они записаны с некоторой печатью индивидуальной обработки сборщиков); из сборников «Маргаритнер», Эминского сборника, журнала «Базмавеп», рукописных сборников, хранящихся в Государственном музее Армении (где сказки записаны с голоса рассказывающего, почти дословно и без всякого стилистического участия со стороны сборщика), и, наконец, из литературного наследства писателей Хазароса Агаянца (две сказки: «Анаит» и «Арэгназан») и поэта Ованнеса Туманяна (две сказки: «Хозяин и работник» и «Храбрый Назар»), где они даны уже в художественной обработке, со стихотворными вставками (у Агаянца).

Переводчик поставил себе трудную задачу: совместить в этом сборнике (предлагаемом русскому читателю прежде всего *для чтения*) и принцип точной лингвистической передачи народной сказки, и принцип ее читаемости. В дословной записи сказок, в силу особенностей армянской речи, есть утомительнейшие длинноты и нескончаемые повторения: «сказал» — «ответил», «сказал» — ответил», употребляемые.

вдобавок, без личного местоимения, что русской речи несвойственно и что должно охладить читателя. Эти длинноты выпущены и сведены до необходимого минимума. Вместе с тем переводчик сохранил все своеобразие армянских народных выражений, пословиц и поговорок, не пытаясь нигде заменить их аналогичными русскими выражениями и для удобства читателя всюду выделяя их разрядкой, а кое-где поясняя их в сносках.

Я. Хачатрянц

Эривань, 1932

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

1

БИБЛИОГРАФИЯ

В начале прошлого столетия Кавказ посетил просвещенный путешественник барон Гакстгаузен. Ему принадлежит едва ли не первая критическая запись армянских сказок. Не зная языка, он пользовался услугами родоначальника армянской новой литературы, Хачатура Абовяна, и своего соотечественника, колониста Петра Нея, который за легкое усвоение восточных языков и знание множества сказок был прозван им Шехерезадой. В итоге были записаны 24 сказки. Среди них есть и тюркские, и чисто армянские. Вполне полагаться на Гакстгаузена нельзя. При всей его осмотрительности, он все же брал материал из вторых рук. Однако несколько приведенных у него сказок в точности совпадают с эриванскими сказками, собранными позднее, только изложены они у Гакстгаузена изящней и литературней.

Внимание Гакстгаузена к армянской словесности сыграло большую роль в личной жизни Абовяна и в армянской общественной жизни. Появились собиратели сказок из среды образованных армян. Пионером этого дела был выдающийся человек, епископ Гарегин Сrвандзтян, умерший в 1892 году. Ему принадлежат с любовью составленные сборники сказок «Хамов-Хотов», «Манана» и «Гроц-Броц». Дело собирания перешло на более научную почву, когда в 1906 году этнологом Ервандом

Лалаянцем было основано в Тифлисе «Армянское этнографическое общество». В «Этнографическом журнале», существовавшем с 1896 года и посвященном главным образом армянской словесности, им было помещено множество армянских сказок. В Москве, в издававшихся при Лазаревском институте Эминских этнографических сборниках был также напечатан материал, собранный Айкуни в разных местах, преимущественно, турецкой Армении, и 6 сказок кавказских армян, записанных Александром Мхитарянцем, а всего 96 сказок. Они размещены в I, II и IV выпусках. Лалаянцем в 1914 году изданы три тома сказок (тоже около ста) под общим названием «Маргаритнер», записанных в Аштараке, Вахаршапате, Ошакане и других араратских деревнях, а также со слов выходцев из персидской и турецкой Армении. В 90-х годах Т. Навасардяном в араратских деревнях записан ряд сказок, выпущенных им впоследствии в шести маленьких книжках. Наконец во время войны была снаряжена научная экспедиция в завоеванные армянские области, давшая уже через пять месяцев богатые результаты: записано 872 сказки, которые составят в общей сложности 50 — 60 томов. Материал получается необозримый. Конечно, не все в этом богатстве собственно армянское; но неоспоримо, что творчество сказок присуще армянскому народу в высокой степени.

Обратимся к кавказскому армянству и посмотрим, как оно слагает свои сказки.

2

ГЕОГРАФИЯ СКАЗОК

Кончилась страдная летняя пора; зимою, по-светлу, армянский крестьянин работает на дому, иногда превращаясь в ремесленника — ткача. портного, сапожника, столяра.

Но падают сумерки, работа закончена, и вся семья собирается в «от'ах». В каждом более или менее зажиточном крестьянском доме есть от'ах — возвышенное помещение, открытой стороной примыкающее к сараю для животных. Зимой оно согревается теплым паром от дыхания волов. Сюда, в от'ах, приглашают местного или захожего певца-ашуга либо сказочника. Бедные крестьяне, не имеющие средств принять такого почетного гостя, идут послушать сказки в от'ах богатого соседа. Талантливые сказочники прославляются не только на всю деревню, но и далеко за ее пределами. Самым знаменитым дают хвалебные эпитеты.

Почти все без исключения сказочники не знают ни грамоты, ни другого языка, кроме родного. По профессии — это садовники, огородники, мельники, хлебопашцы. Есть и сказочницы: например, знаменитая Антарам из деревни Парии. Как приличествует званию, сказители чаще всего люди старые, но встречается между ними и молодежь. Слушают их крестьяне, отдыхая от дневной работы и однообразного убожества своей жизни.

Но куда, в какую страну переносит их магическая речь сказочника? Принято представлять себе мир сказок как нечто вполне произвольное. Это ошибка. Созданное воображением, обманчивое царство сказок так же ограничено пределами, так же подчинено «географии», как и земное царство людей. Границами такой сказочной географии служат пределы воображения данного народа. Вспомним лесистые равнины средней полосы России; мир русской сказки вырос из них: дремучие темные леса, где не слышно даже птичьего пения, а только разбойничий посвист; степи с перепутьями трех дорог, узорные деревянные терема; и зверье в них родное — бурый Мишка, тощий волк, изголодавшийся, как собака;

лисица-воровка. Вспомним датскую сырость и близость скандинавского севера: не из них ли возникли блуждающие огни на болотах, ветры, кочки и холмики, освещенные гнилушками, с милыми глуповатыми кобольдами, вьюги и ледяные покои снежной царицы в пленительных сказках Андерсена?

Что же могло быть пищей для воображения рассказчика у армян? Пустынные, сожженные солнцем нагорья, наполненные утомительным стрекотанием кузнечиков, с одиноко стоящими на горизонте кристаллами Арарата и Алагеза, редкие сады, тощая растительность—красный лошадиный щавель, высохшие свечки молочая, пахучие, пряные травки на сухой и жаркой земле, камни, горы, скалы — гнездилища змей и ящериц. И вот над этой пустынной землею рисует фантазия рассказчика воздушную географию сказки. Тот же самый плоский и скучный мир возникает в ней таинственно-преображенным. Прежде всего он наполняется бесчисленными городами, с неизменным царем в каждом из них [1]. Разделительным бассейном между ними служит море. [2]

Но тихо и недвижно это море: нет на нем ни веселых «корабликов» (как в русских сказках), ни плотов, ни лодок. Редко-редко упоминается баржа, и звучит это модернизмом, нарушающим стиль сказки. Переправа через море совершается не совсем обычным порядком, о чем речь пойдет ниже. Затем высятся в сказках неизменные горы, иногда высокие, как «Масис» (армянское название Арарата), жилища то добрых духов каджей, то злых красавиц, то дэвов. Они прорезаны пещерами, обителью змей. На этих неприступных горах встречаются драгоценные камни, сверкающие там, как

[1] Отзвук феодальной системы, расчленявшей Армению на княжества, «нахарарства».

[2] Севанское озеро, часто именуемое морем.

солнце. Горы одухотворены. Часто они обладают даром периодических движений [1]. Есть в сказках волшебное ущелье, расходящееся лишь на сутки: через каждые 24 часа горы сдвигаются, точно в могучей спазме, и раздавливают своими грудями застрявшего путника. Есть горы с пещерами сокровищ в своих недрах: в известное время года гора открывается на короткий срок, а потом пещера снова уходит вглубь. Реже попадаются реки. Зато в каждой сказке есть родничок и колодец. Вода, как и солнце, в сказках наделена мифической сущностью. С каждым родничком непременно связано что-нибудь таинственное, у каждого обитает добрый или злой дух, и потому обычно не советуют путнику делать привал у родника. То темной ночью, при крике невидимых куропаток, превращаются там спящие в камень, то безобразный дракон-вишап охватывает их своим кольцеобразным туловищем. Колодцы, напротив, лишены всякой мистики. Зато они часто являются средством для человеческих злых умыслов: муж спускает туда сварливую жену, завистливые старшие братья — более счастливого младшего и т. д. Обычай рыть колодцы повсеместно распространен на безводном Востоке и чтится одинаково мусульманами и христианами; в сказках такую обязанность по доброй воле берут на себя царь или горожане. Долины часты в сказках. Но бывает, что какое-нибудь чудовище строго хранит их число от догадок смертного. Есть сказка о 366 долинах, сосчитать которые не позволяло чудовище; лишь с трудом удалось людям его перехитрить [2]. Зелень в сказках — редкая гостья; она имеет какой-то не настоящий, а показной, декоративный вид. Из деревьев — грустное

[1] В Армении часты землетрясения.

[2] Несомненный отзвук трудности землеустроительных работ в малоземельной Армении.

дерево Армении — ива, чинары, тополь, яблони, излюбленное гранатовое дерево. Есть в сказках чинаровый лес. скорей похожий на рощу. Сады большей частью фруктовые, и описание наделяет их наивной симметрией. Вот, например, сад старшей матери дэвов: «В том саду шел ряд гранатовых деревьев, потом ряды цветов, сперва ряд красных, потом белых, потом голубых; еще был в саду родник и два подсвечника по обеим сторонам. по правую и по левую». В садах обычно устраивают фонтаны и водоемы. Иногда эти сады заколдованы, люди блуждают в них по нескольку лет и не могут проникнуть в их тайны. Волшебные дома часто бывают без окон и дверей, с бесчисленным количеством комнат. Кроме городов с царями, есть еще особые царства: дэвов, птиц, разбойников; медное, серебряное, золотое, темное царство царя Чачонца, владельца мудрого соловья, и т. д. Есть упоминание Египта и Китая. Иногда действие происходит в настоящих деревнях и городах — Стамбуле, Багдаде, Алеппо, славящемся своим мошенничеством. Любопытны заповедные места, хранящие печать седой древности. Так, и в армянских сказках есть перепутье трех дорог: две из них безопасны, а третья называется «пойдешь — не вернешься». Есть заповедный мост: злая ведьма сама поставила его пределом своих преступлений, — она дала зарок дальше него никогда не заходить.

Спрашивается, как же совершаются путешествия по всем этим необъятным царствам, через моря и горы? Не совсем-то обычно. Вот способ выйти из темного царства: перед героем три барана — черный, красный и белый; он садится на черного, черный перекидывает его на красного, красный на белого, а белый выносит на свет. Иногда эту задачу берет на себя огромная птица, Синам. Но постоянным средством передвижения

в сказках является **лошадь**, да не простая, а морская. С ней мы переходим к одной из главных мифических фигур армянских сказок.

3

ДЕЙСТВУЮЩИЕ СИЛЫ СКАЗОК

Морская лошадь — существо сверхъестественное. Она живет в море табуном в сорок коней, с маткой-кобылой во главе. Никакая обычная лошадь с нею не сравнится, трехмесячный путь она делает в день, может летать по воздуху, говорить человеческим голосом, дает мудрые советы, — но все это после поимки. До поимки она — страшная разрушительная сила. Бывает так, что целые новые города в одну ночь разрушаются нашествием морских коней. Поймать ее — дело трудное; оно предназначено смельчаку. Есть много способов поимки; простейший — забрасывание чудесной узды в море: конь, как рыбка, попадает на эту узду. Более сложный таков: в полдень морские кони выходят на берег напиться пресной воды: горлышко водоема затыкают шерстью; вместо воды наливают в водоем вина, и когда кони пьянеют, герой вскакивает на выбранную им лошадь и взнуздывает ее. Пойманная, она служит своему хозяину верой и правдой. Главной, если можно так выразиться, специальностью морской лошади является перенос хозяина через море. Делается это отнюдь не вплавь, а каким-то особенным сказочным способом. Иногда это производится и символически: лошадь, например, велит своему хозяину взять меч, приставить его рукояткой ко лбу, а острием к морю, и когда он это исполняет, они оба оказываются на том берегу.

Чудесным свойством наделены часто и другие животные. Волу дано предвещать своим хозяевам будущее,

верблюды говорят человеческим голосом, корова заменяет осиротелым детям родную мать.

Вполне мифическим существом является «хазаранблбул» — соловей. Он подвешивается к потолку в клетке, и присутствие его в доме служит обыкновенно знаком мощи и силы хозяина. Третьим главным мифическим лицом армянских сказок является змея. Есть много разновидностей змей, и одно изложение армянского змеиного эпоса могло бы наполнить целую книгу. Для начала следует отметить, что в армянских сказках змея вовсе не носительница зла. Это могучая, скрытная, таинственная тварь, но отнюдь не злая. Иной раз она выставлена даже доброю, а высшие ее представители, например, змеиный царь Шах-Марар [1], способны на высокое героическое самопожертвование. Главная черта змеи — ее верность. На верхней ступени змеиной иерархии стоит Хабрмани и разные оборотни, полузмеи-полулюди. Хабрмани — это юноша-змей. Он влюбляется в земную девушку, женится на ней в своем змеином виде, а ночью является к ней юношей и велит скрывать тайну. Девушка не удержалась, похвасталась перед сестрами — и Хабрмани исчез. Тогда она надела железные башмаки, взяла в руки железный посох и пошла отыскивать мужа. Когда башмаки износились, а посох истерся, она нашла Хабрмани. Здесь мы встречаем ту же тему, что послужила в античной древности для создания истории Амура и Психеи. Змеи-оборотни не всегда принадлежат к числу добрых духов. Оборотни-женщины злы и демоничны. Часто повторяется сказка о том, как красивая городская

[1] В Армении существует разновидность неядовитой, но очень злой змеи шахмар красивого чешуйчато-красного цвета. Вместе с ядовитою змеей гюрзой (из породы гадюк) шахмар составляет основной тип армянских змей.

женщина завлекла к себе нищего, накормила и напоила его, а потом взяла в мужья. Два года бедняк жил с нею в мире и согласии, но вот однажды прибыл из Индии купец; у этого купца было кольцо с ониксом, который обладает свойством показывать все предметы в их настоящем виде. Оникс отразил вместо жены бедняка — змею. Купец понял, что это оборотень, научил бедняка накормить жену соленою пищей, а с вечера вылить всю имеющуюся в доме воду и двери крепко-накрепко запереть. Бедняк так и сделал. Ночью он видит, что жена стала шарить и, не найдя воды, вытянула шею к потолку; шея стала удлиняться, голова ушла в трубу. Спустя некоторое время он увидел, как по вытянутой шее стали пробегать судороги, — это его жена, дотянувшись головой до колодца, пила воду. Уничтожают таких женщин-оборотней тем, что сжигают их. Зола их имеет свойство обращать все предметы в золото. За оборотнями следуют просто змеи. Над ними властвует змеиный царь Шах-Марар. Змеи жестоко мстят за его убийство, но нередки случаи, когда змея жалеет людей и приносит себя им в жертву. Например, пожалев одного бедняка, змея посоветовала ему убить ее, высушить ее голову и зарыть в землю, а когда он исполнил это, из земли выросло гранатовое дерево с плодами, полными драгоценных камней.

Нечистью, представителями зла в сказках являются дэвы. Они страшно сильны, иногда многоголовы, но отнюдь не непобедимы. Часто они бывают даже подчинены людям; например, дэвы обязаны платить царям подать, хотя плательщики они неисправные, и за податью приходится отправлять храбреца. Если побрататься с дэвами, они служат человеку и помогают ему; сильных людей они даже немного побаиваются. Гораздо страшнее самих дэвов их матери. С матерями дэвов мы

переходим в жуткую область армянских сказок, в старушечью. Без обыкновенной земной старухи не обходится ни одна из сказок. В предместьи каждого города живет много одиноких старух — «нани», бабушек, у которых путешественники находят приют и ночлег. Такие старухи радеют герою, часто даже усыновляют его, сватают за него царскую дочь. Не менее благожелательны и пещерные старухи. Они сидят со своим веретеном в горных пещерах, одаряют вежливых девушек, помогают словом и делом добрым молодцам. За этой доброжелательной группой следует гнусная городская старуха, занимающаяся обманом, сводничеством и воровством; она еще не колдунья, но уже и не человек по полному своему бесстыдству. Обычно в сказках дела ее остаются безнаказанными, и она, одурачив всех, успевает во-время сгинуть. За нею идет страшная лесная старуха; эта уже вполне ведьма: она точит ночью свои зубы о кору деревьев, в предвкушении человеческого мяса; жестокость ее была бы беспредельной, если б она сама не положила ей предела, дав зарок не переходить упомянутого выше моста ертымкерац. Если жертве ее случится перебраться за этот мост, старуха ее уже не преследует. И, наконец, венцом этой старушечьей лестницы являются матери дэвов. Их много. Власть их почти безгранична; сыновья им подчинены. Самая старшая мать дэвов проводит жизнь свою почти сплошь в спячке; младшие обычно изображаются с прялкой и веретеном (что наводит на мысль о тождестве их с парками), а возле старшей иногда висят четки; они раскачиваются, как маятник, и каждый час падают ей в руку, а она сквозь сон снова их вешает [1]. Говорится в сказках, что попавший

[1] Символ времени, — опять сближение с парками.

к ней никогда не возвращался обратно. Разумеется, это преувеличение, так как герои сказок и даже героини ухитряются благополучно посещать ее и воровать четки.

Скажу несколько слов о других действующих лицах сказки. Загадочен некий кеоса[1], что значит — безбородый, бритый, плешивый, жидкобородый; часто кеоса, вместе с тем, и голубоглазый. Встреча с кеоса предвещает несчастье; на Востоке с ним избегают вести дела, и по профессии это — темная личность. Попадается в сказках Джамполат (Джембулат), т. е. человек с телом из стали. Над ним не властно никакое оружие, но и он, в конце концов, уязвим. Дело в том, что душа Джамполата заперта в сундуке под видом трех птичек, — стоит зарезать этих птичек, и он умрет. Следует заметить, что символы души, свободы, силы в армянских сказках очень часты и притом вполне реальны, т. е. при овладении ими овладеваешь и всем человеком: отрезав косу у злой красавицы, становишься господином и самой девушки. Вот символ свободы спящей царевны: в пустой запертой комнате висит на стене ниточка с бусинкой; когда кто-либо входит в эту комнату, ниточка начинает качаться из стороны в сторону; качаясь, она удлиняется, достигает окна, бусинка пробивает стекло, выскакивает из комнаты и бросается в море. «Свобóда» девушки вырвалась наружу, — теперь, кому попадет в руки бусинка, тот завладеет и самой девушкой.

Но вернемся к героям сказок. Среди них — фигура странная и, несомненно, очень древняя, — это так называемый «мертвый молодец», «мертвый жених». Он лежит в подземельи множество лет; если девушка найдет его, сядет к нему и семь лет продержит его

[1] Иногда под кеосой подразумевается гермафродит.

голову у себя на коленях, мертвец воскреснет, превращается в прекрасного юношу и женится на ней. В сказках часто бывают случаи подмена: в последнюю минуту верную девушку заменяет у мертвеца какая-нибудь самозванка и выдает себя воскресшему за семилетнюю сиделку.

Иногда, хотя очень редко, в сказках упоминаются исторические лица. Между ними Александр Великий (Искандер), Тамерлан, Соломон, грузинская царица Тамара. Заслуживает внимания полуисторическое лицо арабского происхождения, врач Лохман. В армянских сказках он попадается очень часто, как и вообще в словесности и письменности Востока, особенно мусульманского. Он представлен врачом не всегда безобидным: он, например, боится соперничества и старается погубить своих талантливых «коллег». Происхождение его мудрости сказки объясняют очень интересно. Раньше он был простым охотником, по имени Пурто. Однажды он зашел в пещеру, где увидел змеиного царя Шах-Марара с четырьмя змеями. Пурто не испугался, развел огонь, изжарил шашлык и угостил змеиное общество, а потом, по просьбе царя, провел в пещеру родничок. Шах-Марар наложил ему на спину свою печать. что равносильно усыновлению, и потом оказывал ему важные услуги, вплоть до пожертвования самим собою: он позволил Пурто убить его, Шах-Марара, чтобы вынуть из его черепа целебные и ядовитые мозги, взамен чего попросил только посылать еженедельно пищу его подданным. После этого охотник Пурто сделался великим врачом Лохманом. В одной из араратских деревень показывают до сих пор могилу Шах-Марара, а по субботам приносят пищу в змеиную пещеру.

Любопытно проследить, какою изображена в сказках женщина.

Первым в мире красавицам суждено обыкновенно оставаться в девицах. Герои из-за них проделывают всевозможные подвиги, но сами редко когда на них женятся. Они жестоки, бездушны, коварны и властолюбивы, любят драку, войну, верховую езду. Одна из таких красавиц долго наводила ужас на соседних царей, разбойничая в маске арапа, у которого «верхняя губа на небе, а нижняя на земле». Среди царских жен и дочерей попадаются образцы распутства и своеволия. Царевна видит красивого юношу в городе и тотчас же велит прорыть подземный ход из его лавки к себе в комнату. Случается, что избранником ее сердца оказывается даже не человек, а мерзкий старый колдун, по причудливой любви к которому она дурачит и губит своих законных женихов. Часто в женщине распутство соединяется с лицемерием. Вот сказка довольно обыкновенная. У царя жена была такая скромница, что не выносила возле себя ни слуг, ни даже домашних животных мужского пола. Однажды царю принесли в подарок двух золотых рыбок. Он велел отнести и показать их царице, но та потребовала, чтоб сначала определили, какого они пола, и самцов не смели бы к ней вносить. Рыбки услышали эти слова царицы, высунули головки из воды и засмеялись. Царь поразился и пожелал узнать, почему засмеялись рыбки. Созвали всех мудрецов, но ни один не смог дать ответа. Наконец нашелся мудрый мальчик. Он велел царю взять арбуз и ножик и итти в покои к царице. По дороге он тихонько украл и спрятал ножик, а когда царь хватился его, посоветовал приказать обыскать всех служанок. Сколько ни плакала царица, служанок раздели, и между ними оказался мужчина. «Вот почему смеялись рыбки», — ответил царю мудрый мальчик. Крестьянские жены отличаются неописуемой сварливостью. Часто крестьянин, не вытерпев

такой жены, бросает ее в колодец, а следом за ней еще волка, лисицу и змею, чтоб верней ее сгубить. Но когда через неделю он приходит посмотреть, что сталось с его женой, звери наперебой умоляют его освободить их от такого соседства, а жена сидит в колодце жива-живехонька. Верные и хорошие женщины в армянских сказках бывают образцами терпения, преданности и мудрости, оправдывая поговорку: нет ничего хуже плохой женщины, но и нет ничего лучше хорошей женщины.

4

СОДЕРЖАНИЕ СКАЗОК

Одною из главных тем армянских сказок является превращение. Волшебное кольцо или жезл превращает людей в камни, оставляя им только один живой глаз, чтоб видеть свое несчастье; упрямая жена превращается в ослицу. Когда за Хабрмани и его невестой, убегающими от родителей, посылается погоня, Хабрмани бросает за плечо гребешок, и позади него вырастает лес, щепотку соли — и воздвигается гора, бутылку воды — и разливается море; но погоня все-таки близко, и тогда Хабрмани превращает свою невесту в розовый куст, а себя в змею и крепко обвивается вокруг цветка. Часто безобразные вещи ждут только доброго слова или привета, чтоб сбросить свое безобразие. Царевичу попадаются колючки, но он называет их «чудной травкой», — и вдруг, вместо терновника, под ногами его на самом деле оказывается душистая трава; он доходит до отвратительной реки, полной гноя и крови, но вежливость заставляет его отпить этой жидкости и похвалить ее, — и тотчас же по жилам его разливается благодатная вода бессмертия. Страшный дракон или змея превра-

щаются в красивых юношей, если девушка полюбит их, не побоявшись их уродства.

Борьба — другая тема сказок. Борются с драконами — дэвами, старухами; за обладание волшебной вещью, за любимую девушку, за царство; борются и без всякой цели, только бы показать свою удаль. Победы достаются, как водится в сказках, самому сильному, самому доброму и умному или, наоборот, самому глупому, но тогда уж беспросветно глупому — дурачку. Когда победа одерживается силой, перед нами явные отголоски героического эпоса; то ударом меча отсекается девятнадцать голов, то герой съедает, не поморщась, семерых вареных баранов и полпуда пилава, то побеждает семиголового дэва, вырывает деревья с корнем, очищает окрестность от разбойников. К чести армянских богатырей надо сказать, что они почти всегда бескорыстны, великодушны и не проливают крови зря. Обратно поступают богатырши, свирепствующие иной раз без всякой надобности, лишь бы снести лишнюю голову с плеч. К числу любимых сказочных героев принадлежат царевичи Ало-Дино и Чукко, бесстрашные добыватели хазаран-блбула и волшебных красавиц. Интересно, что имена этих героев носят следы курдского, а не армянского происхождения.

Победа нравственными качествами встречается реже других: сказочники — завзятые «милитаристы». Но вот тихая девушка Аревхат, закабаленная своей мачехой, одной добротой и вежливостью побеждает пещерную старуху. Благородство юноши смягчает сердце дракона, а правдивость и прямота — самого непобедимого царя Чачонца. К числу положительных качеств героя принадлежит непременное мужество, вежливость, великодушие, верность своему слову. Царевич по просьбе дракона проникает в Чинмачину (Китай) и завладевает

китайской принцессой. После свадебного пиршества он вынимает меч и кладет его меж собой и молодой женою. И когда она спрашивает, что же это значит, он отвечает: «Я завладел тобою не для себя». Жест, напоминающий европейский рыцарский роман. Вот еще черта сказочной героической этики: приехал витязь сражаться с дэвом, но дэв спит и должен проспать сорок дней. Жена дэва советует витязю убить спящего мужа, но тот сперва пытается его разбудить, а потом терпеливо высиживает все сорок дней и поднимает руку только на пробужденного и вооружившегося врага. Таких примеров можно было бы набрать множество. Доброта — тоже важное качество в сказках и не остается без награды. Часто повторяется рассказ о богаче, который пожалел мертвеца, уплатил его долги, спас его тело от поругания и похоронил с честью, а благодарный покойник воздает за это его детям.

Но все же на первом месте стоит в сказках хитрость, ловкость, умение найтись и вывернуться.

Большая часть сказок прославляет именно такие деянья. И среди всяческих проделок, описываемых в сказках, попадаются иной раз действительно остроумные. Любопытна бытовая сказка о том, как эриванский купец, вопреки советам отца, решился поехать торговать в Алеппо. В первом же караван-сарае его ловко провели три мошенника: безбородый (кеоса), хромой и кривой. Но и он не замедлил надуть всех трех. Тогда кривой, чтоб отомстить ему, разузнал стороной про домашние дела купца, сказался другом его родителей, привел тому доказательства и заявил, что, когда тот родился, ему недоставало одного глаза и он, по дружбе к его родителям, вложил в него свой собственный глаз; теперь же он требует этот глаз обратно. Судья, разобрав дело, присудил эриванского купца

к возвращению глаза. Тогда тот предлагает выход, достойный решения Порции в «Венецианском купце». Он говорит: «Пусть кривой вынет свой глаз и я свой, взвесим их на весах, — если они весят одинаково, я согласен на уплату». Кривой, разумеется, тотчас же убежал из боязни лишиться и последнего глаза. А вот как два умника провели чудовище, стерегшее 366 долин: оно никому не позволяло считать долины; когда путник отваживался на это, оно подкрадывалось к нему ночью и высасывало у него кровь из пяток. Однажды пришли два умника, сосчитали долины и улеглись спать лицом в разные стороны, да так, что ноги одного пришлись с головой другого. Чудовище прилетело, стало искать пятки — наткнулось на голову; взялось за другой конец — и там тоже голова. Ему осталось лишь испустить проклятие и исчезнуть.

Иной раз мы встречаем в сказках так называемые «мудрые ответы» на мудреные вопросы. В одной из сказок турецких армян царь допытывается у своих мудрецов, в какую сторону обращено лицо бога. Думали-думали мудрецы, да так ни до чего и не додумались. Встретился им простой мужичок, узнал, в чем дело, и говорит: «Лицо бога смотрит оттуда, куда глядит человек».

Не малую роль играет в сказках колдовство. Им занимаются большей частью женщины, дервиши, кеоса. Любопытно, что среди армян колдовство было распространено еще в XII веке. Епископ Нерсес Благодатный пишет в своей грамоте к тамошнему духовенству о том, что «женщины у них занимаются ворожбой, колдовством, приготовлением всяких напитков».

В армянских деревнях до сих пор верят колдунам. Еще совсем недавно, лет восемьдесят — сто назад, когда чума захаживала на Кавказ, ходили легенды о «цасман-

цогах», двух предвестниках чумы. Перед тем как наступить чуме, два всадника, — один в черной одежде, с черной палкой в руке, другой в красной одежде, с красной палкой, — въезжали будто бы в деревню. Первого встречного они заставляли итти вперед и указывать дома; для всех людей, кроме этого невольного проводника, цасманцоги оставались невидимыми. Войдя в дом, они метили людей и животных красными либо черными знаками. Помеченный черным умирал, помеченный красным выздоравливал. Бабушка писателя Абовяна рассказывала своему внуку, что сама была свидетельницей посещения таких цасманцогов. Разумеется, все эти поверья, еще живущие среди армянских крестьян, пышно цветут и в сказках. Помимо обычных колдовских предметов, каковы шапка-невидимка, скатерть-самобранка, ключ-всеотмычка, есть еще подсвечники, в перестановке которых скрыто тайное значение, чудодейственные цветы и травы, сушеные мозги животных, бессмертная вода, яблоки, дающие молодость, и много другого. Но все же колдовство само по себе, как полная власть над природой, в армянских сказках не встречается. Обычно служит оно средством для второстепенных, низших лиц сказки, и над ним всегда есть более высокая власть; герои пользуются им лишь временно и, добившись своей цели, дарят волшебные предметы кому-нибудь другому. Несравненно более таинственное значение имеют в сказках естественные дары природы и в особенности части и соки человеческого тела. Чудодейственна зола сожженного человека, его печень, внутренности, мозги; но ни с чем несравнимую важность имеет молоко животных или женщины. Быть может, тут сказывается пастушеская душа Армении; но, конечно, полного объяснения «культа молока» этим еще не дано. Самой важной клятвой в сказке является «клятва молоком своей матери».

В деле питания молоко стоит на первом месте. Богатыри, будучи детьми, отличаются тем, что сосут свою бедную мать чуть ли не до десяти лет. Красная корова выкормила двух сироток одним только своим молоком. Пососать грудь женщины, даже самой свирепой, — значит расположить ее к себе навеки и заставить относиться по-матерински. Страшные матери дэвов укрощаются только этим способом. Царевич забрел в пещеру и видит там мать дэвов, крутящую веретено; она стоит к нему спиной, перебросив через плечо свою грудь. Он тихонько подошел к этой груди и стал сосать ее. Страшная мать дэвов обернулась к нему, встретила его по-матерински и помогла во всех подвигах.

Вот несколько обычаев, упоминаемых в сказках. Часто происходит усыновление детей (иногда и зверей), причем усыновляют маленьких и взрослых, сирот и имеющих родителеи. Любовь к потомству — отличительная восточная черта; на детей смотрят как на богатство. Усыновление происходит так: либо с матери снимают рубашку и надевают ее на усыновляемого, либо ворот ее рубашки продевают под ворот его рубашки. Сватовство — тоже обычно, без него почти ни одна сказка не обходится. Перед дворцом каждого царя имеется камень (или сиденье), предназначенный для свах. Сюда садятся старухи, и царь сам к ним выходит. Пастухи в конце сказок часто играют роль счастливого вестника; их посылает герой, встретясь с ними в поле, возвестить царю о своем возвращении, и счастливый царь дарит обыкновенно пастуху «халат и розовую воду» — самый почетный подарок на Востоке. Священный обычай гостеприимства играет в сказках большую роль. Существует так называемый «час для харибов», т. е. для странников, когда в городе при колокольном звоне собирают всех странников и чуже-

родных на «трапезу», пожертвованную богатыми горожанами. Дервишей всякий считает за честь принять и накормить у себя. Если гость отказывается от пищи, он наносит тяжелое оскорбление хозяину. Смерть на Востоке имеет характер ухода. Обычно в час смерти кто-нибудь приходит по душу человеческую, иногда «хогеар» — ангел смерти, а иногда монах — «вардапет». Умирающий не хочет отдать душу, и с ним приходится спорить; иногда он просит ангела взять взамен душу отца или матери. В таких случаях отец и мать решительно отказываются, и молодая жена от себя предлагает за мужнину душу свою собственную. Последняя подробность часто встречается и в армянских народных песнях.

5

ФОРМА СКАЗОК

Прежде чем рассказать о ней, — несколько слов о сравнительной морфологии азиатских и европейских литературных форм. Возьмем для примера восточную лирику. Она довольствуется весьма скромными (по количеству) средствами, концентрируя их обыкновенно в пределах одного образа и стягивая все стихотворение к двум или четырем строкам. Любимые формы восточных стихов — двустишия, четверостишия. Но и очень длинные стихотворения сразу могут быть опознаны в их «атомном», частичном строении; пусть на протяжении длинной персидской газели вьется одна тема, пусть касыда развивает целый сюжет, — все же строение этих стихов резко распадается на законченные двустишия и четверостишия. Эта атомная распадаемость длинных стихотворений на краткие афоризмы — характерная черта Востока с его очень короткими ритмами; там берется только нужное коли-

чество слов, а той ритмики лишних слов, иногда вовсе бессмысленной, но таинственно волнующей душу, как в западной и русской поэзии (Шелли, Верлен, Фет и пр.), такой ритмики на Востоке нет. Оттого, при всей музыкальности восточных стихов, общее впечатление от них все же остается пластическим, образным, а не певучим [1]. В противоположность этой «атомности», где каждая часть, каждая единица стиха самоценна, западные формы можно уподобить организму с его зависимостью всех частей друг от друга. Художественное произведение Запада тем выше, чем полнее и нерасторжимей проведена эта зависимость. На Востоке такая органичность заменяется обыкновенно бесконечным чередованием самоценных частей друг за другом. Не останавливающееся движение равноценных единиц — идеал Востока; органичность — самозамкнутое совершенное целое — идеал Запада. Это приложимо и к сказкам. По отношению к армянским сказкам можно сказать, что в них всегда налицо атомность формы, распадение на ряд кратких самодовлеющих сказочек, ничем не связанных друг с другом. Такие «сказки в сказке» чаще встречаются у армян персидских, реже у турецких. Встречаем мы ванскую сказку, в точности совпадающую с рамкой Шехерезады, только значительно более короткую. Налицо и жестокий царь, убивающий своих жен, и дочь визиря с запасом сказок, и самые эти сказки, чередующиеся до тех пор, нока гнев царя не сменяется на милость.

[1] Тут, между прочим, налицо связь между музыкой данного народа и его поэзией; интересно сопоставить короткие, однообразные (но бесконечно чередующиеся), почти целиком умещающиеся в одном такте мелодии Востока и органично-длинную мелодику, например, Шуберта.

Сказочники Араратского нагорья предпосылают своим сказкам одно и то же стихотворное начало, довольно бессмысленное и однообразно-ритмическое. В русском переводе оно звучит приблизительно так:

Сказочка-бабушка,
Подо мной чалая лошадушка.
Поскачу я в Эривань,
Привезу хлебушка.
Хлебушка дам курочке,
Курочка снесет яички.
Понесу яички плотнику,
Плотник даст за яйца дудочку.
Снесу дудку пастуху,
Пастушок мне даст овцу.
Принесу овечку богу,
Бог мне братца даст родного.
«Братец, братец мой родной,
Жду тебя я под горой,
Ты под крепостью стоишь,
Где коровы, не следишь».
Все коровушки пасутся на лугу
Исподволь нам молока дают.

Значение этой прелюдии в том, чтобы ритмически раскачать рассказчика и подготовить внимание слушателя. Стихотворные вставки часто попадаются и в середине сказок, и в конце. Присказки же почти всегда одинаковы. Если дело кончается свадьбой, то говорится «семь дней и семь ночей длилась свадьба», потом добавляется: «все достигли своей цели, да достигнете и вы своей». «С неба упали три яблока: одно рассказчику, другое тому, кто слушал, а третье тому, кто услышал». Эти заключительные три яблока с небольшим вариан-

том можно встретить решительно во всех сказках кавказских армян; у турецких они встречаются редко. В художественно обработанном стихотворном виде такая присказка есть у Агаянца в «Арегназане». Там герой Арег остается наедине со своей молодой женой Нунуфар. Следует присказка:

Молитве Арега небо вняло,
Сбросило небо вниз три яблока.
Было одно зеленым-зелено,
Словно сейчас сорвано с ветки.
Было другое красным-красно,
Словно летом алая роза.
А третье было подобно снегу.
Арега тогда Нунуфар спросила:
— К чему, скажи, таковы три яблока?
— Не знаю, милая, — Арег ответил,
Должно быть, они подобны жизни.
Взгляни, зеленое словно младенец,
А это белое словно старец.
Третье ж, красное, краше первых,
Цветом похоже на нашу зрелость.
— Дай же поделим красное яблоко,
Арегу тогда Нунуфар сказала.
Она пожелала, — а он исполнил.
Красное яблоко съели вместе,
И утолили сердечную жажду.

* * *

Исполать вам, красные юноши и девушки
Небо да исполнит и ваше желанье.
А на меня прошу не гневаться,
Коли наскучило мое сказанье.

6

МИФОЛОГИЗМ

Таков, в самых общих чертах, многообразный материал армянских сказок. Перечисленным он не исчерпывается, а только намечается. Но даже и в этом частичном материале можно проследить повторные очертания характерных мифов, принявших национально-армянскую окраску.

Солнечный миф. Солнце — источник постоянного мифотворчества у всех народов; стало быть, армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Доныне крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет «солнечный», прибавляют его к именам. Уцелели выражения: «призываю в свидетели твое солнце», «знает про то твое солнце»; подразумевается, что у каждого человека есть свое солнце, подобно представлению об «ангеле каждого человека». Для армян солнце — символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила. В сказке часто попадаются таинственные существа, матери которых известны, а отцы или прадеды под сомнением; догадка сказочников восходит до самого бога-солнца, которому миф приписывает оплодотворяющую силу. Так произошли многочисленные герои сказок: Ареваманук (дитя солнца), Аревхат (отпрыск солнца), Арегназан и т. д. Отсюда идеал красоты армянской расы — златокудрость. В массе своей армяне черноволосы и смуглы; блондины попадаются редко, большей частью в детском возрасте, и с годами темнеют [1].

[1] Впрочем, среди жителей деревень Даралагеза и Зангезура (особенно Сисианского района) много белокурых и голубоглазых.

Казалось бы, идеалом расы должна быть черноволосость, т. е. типическая красота, узаконенная многими веками подбора. Но культ златокудрости у армян не менее силен, нежели, например, на Западе, у германских народов. Высшая красота, доступная воображению армянских сказочников, это солнечные волосы и даже солнечное лицо. В солнечном мифе армян явственно проступает культ мужественной силы, причем мужественное становится синонимом доброго, вечного и правдивого. Это разъясняет нам отчасти женоненавистничество армянских сказок и приближает к разумению другого важного мифа — о девушке, заслужившей себе мужской пол. Сказка часто рассказывает про вдову, рядившую свою дочь в мужское платье, чтоб она могла играть с мальчиками. Своею ловкостью девушка услужила царю, и тот, считая ее юношей, выдал за нее замуж свою единственную дочь. Когда обнаружилось, что новый зять женского пола, царь и царица решили его погубить. Они дают ему труднейшие поручения (последнее из них — отнять у старшей матери дэвов четки). Девушка-зять храбро выполняет все задачи и, когда, наконец, ворует четки, то проклятием матери дэвов преображается в юношу. Есть несколько вариантов этой сказки. Лучший из них — художественная обработка Агаянца. Но во всех вариантах события располагаются одинаково: личное мужество заставляет променять женское платье на мужское; любовь не играет для девушки-мальчика никакой роли, — все инстинкты ее сосредоточены на борьбе, оружии, охоте; целым рядом опасных героических подвигов подготовляется преображение ее пола, и, наконец, совершается самое это преображение, но не естественным, а уже сверхъестественным путем, волею другого лица.

7

ВЛИЯНИЯ И ЗАИМСТВОВАНИЯ

Разумеется, не все в перечисленном нами материале самостоятельно. Наоборот, армяне, лежащие географически на «проезжем пути» между Востоком и Западом, и в сказках роковым образом отражают эту промежуточность, сложившуюся под целым рядом перекрестных влияний. По существу своему эти сказки уже не Восток и еще не Запад; с Востоком роднят их фабулярный мир и особая пластика, незнакомая Западу; но от того же Востока их отталкивает некоторая бедность и скудость фантастики, сухость и аскетизм в изображении чувственного мира и постоянный привкус нравственного дидактизма, что особенно бросается в глаза, если мы сравним их с чувственной роскошью Шехерезады.

Отметим в общих чертах основные влияния в армянских сказках: Индии обязаны они не малым числом своих фабул, иногда употреблением типичных для Индии образов («красная корова», «красный бык»); сохранилось по сию пору отношение ко всему индийскому как к волшебному, искушенному в мудрости; сказки иногда выводят факиров — разгадчиков тайн и учителей магии. Египет (Мсур) часто упоминается в сказках — так же как и Китай (Чинманчина); не без египетского влияния и культа мертвых сложилась странная армянская сказка о мертвом женихе; знаменитой египетской сказке о двух братьях обязаны армяне и своим очень распространенным рассказом о жене купца, влюбившейся в усыновленного юношу. Отзвук Китая в целом ряде условных вежливостей, в образе летающих рыб, чудовищ, деревянного коня, в симметрии садов. Черты мусульманского Востока бесчисленны: дервиши — почетные гости. много-

жество — обычная вещь. Много персидских и турецких слов встречается в словаре армян. Курдские и грузинские влияния выступают еще отчетливее, но это уже особая тема. Для сравнительной филологии армянские сказки вообще могут служить богатейшим материалом. И еще больший материал могут они представить для социолога, отражая на себе всю нехитрую экономику армянской деревни, роковую разделенность районов, — наследие феодальной эпохи, — ремесленный уклад, малоземелье, беспрерывную втягиваемость в войну, сопротивляемость завоевателю, иногда полное равнодушие к вопросам националистическим и вероисповедным, — вопросам, которые десятки лет навязывались крестьянской массе сверху и почти никак не отразились в ее творчестве, наконец, своеобразную и глубокую философию среды (влияния среды на человека), отразившуюся в такой неувядаемой по красоте и силе вещи, как сказка о Змее и Шиваре.

Мариэтта Шагинян

АРМЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

МУДРЫЙ ТКАЧ

Однажды, когда царь сидел на троне, из дальних стран пришел к нему путник, очертил полосу вокруг его трона и молча стал поодаль. Царь ничего во всем этом не понял. Он вызвал своих приближенных, но и те ничего не могли понять. Для царя было большим позором, что во всей его стране не нашлось человека, кто бы мог разгадать, что это значит. Он издал строгий приказ, что казнит всех мудрецов своей страны, если они не разрешат этой загадки. Приближенные царя, искавшие мудреца, который мог бы разгадать эту тайну, случайно набрели на один дом. Войдя во внутрь, они увидели в комнате колыбель, которая качалась, хотя вокруг никого не было. Вошли в другую комнату, там тоже стояла колыбель и качалась, хотя и тут не было людей. Поднялись на крышу дома — там нашли разостланную мытую пшеницу, а рядом с ней качался воткнутый в землю тростник и разгонял птиц, чтоб те не клевали пшеницу, хотя и не было ветра.

Диву дались люди царя. Спустившись в нижнюю комнату — они увидели ткача за работой на станке. Ткач этот привязал одну нитку за основу, другую за уток, а третью за ремизку.

В то время как он ткал, нитки двигались и качали обе колыбели и тростник на крыше.

— Вот так мастер, не хуже мудреца!

Рассказали ему люди царя о том, как один странник провел полосу вокруг трона царя и никто не может узнать, что хочет он этим сказать, а потом предложили ему пойти и разгадать эту тайну.

— Если ты это разгадаешь, большие подарки получишь от царя, — прибавили они.

Ткач призадумался, взял две бабки и курицу и пошел с ними к царю. Придя во дворец и увидя странника, ткач бросил перед ним две бабки. Странник при виде этого достал из кармана горсть проса и посыпал наземь. Ткач же бросил курицу, которая стала быстро клевать просо. После этого странник мгновенно надел лапти и удалился.

— Что хотел сказать странник? — спросили у ткача.

— Странник этот хотел сказать нашему царю, что его царь собирается притти и осадить нашу землю, и хотел узнать, думает ли царь наш ему подчиниться или пойдет ему навстречу войною. Я бросил перед ним бабки — дескать, вы перед нами дети, — играйте лучше у себя дома в бабки и перестаньте думать о войне с нами. Странник посыпал просо, чтоб показать, что войску их числа нет. Я же, пустив курицу, ответил ему, что наш один воин укокошит все ихнее войско.

Царь удостоил ткача больших почестей. обильно наградил и хотел было назначить его визирем, но ткач не согласился. За свою услугу

он взял очень мало и на прощание сказал царю:

— Я бы хотел, государь, лишь одного, — чтобы ты знал, что среди твоих слуг можно найти людей более умных, нежели твои визири, и чтоб отныне ты считал за людей ткачей и лапотников.

Г. Сргандзтян. «Хамов-Хогоз». Записана в Турецкой Армении.

ТРИ БРАТА

О багдадском халифе гремела слава, как о человеке очень мудром и справедливом. Трое ученых мужей решили пуститься в путь в Багдад и убедиться в этом лично. Дорогою один из них сказал:

— Товарищи, по этой дороге шел верблюд, у него недоставало одного глаза да не было и передних зубов.

— Да, это правда, на горбе верблюда с одной стороны висела пшеница, с другой — мед, — сказал второй.

— На верблюде этом ехала беременная женщина, — сказал третий.

Несколько времени спустя путники заметили, что за ними бежит человек. Поровнявшись с ними, он спросил, не видели ли они верблюда, которого он потерял.

— Слепого на один глаз и лишенного передних зубов? — спросил первый.

— Навьюченного с одной стороны пшеницей, с другой — медом? — спросил второй.

— Да.

— На котором ехала беременная женщина? — спросил третий.

— Да.

Человек принялся их умолять, чтоб они

сказали ему, по какой дороге пошел этот верблюд.

Тогда все трое в один голос ответили, что этого верблюда они не видели. Но человек принял их за воров, пошел с жалобой к халифу и сказал:

— Люди эти описали моего верблюда, знают, что было на нем, но твердят, будто его не видели.

— Откуда же знаете вы эти приметы, если не видели верблюда? — спросил их халиф.

— О том, что верблюд был слеп на один глаз и у него недоставало передних зубов, я узнал из того, что он щипал траву только на одной стороне дороги и щипал он лишь оба края травы, не задев середины, — ответил первый.

— Что на одной стороне горба верблюда висела пшеница, а на другой — мед, я узнал из того, что по одну сторону дороги, где прошел верблюд, сидели мухи, а по другую прыгали птицы, — ответил второй.

— О том, что на верблюде ехала беременная женщина, я узнал по тому, что на том месте, где сошла она с верблюда, на земле были заметны следы рук. Поднимаясь на ноги, упираются на обе руки одни лишь беременные женщины, — сказал третий.

Халиф удивился мудрости этих людей и приказал вечером пригласить их во дворец на обед. После обеда, когда они вошли в отведенную им комнату, служитель дворца подслушал следующий разговор, происходивший между ними.

— Рис, которым нас угощали, был славный

да жаль — от него несло мертвечиной, — сказал один.

— Не хуже было и мясо, но отдавало запахом собаки, — сказал второй.

— Доброе было и вино, нами выпитое, но по вкусу и запаху несколько походило на кровь, — сказал третий.

Когда об этом разговоре донесли халифу, тот велел расследовать: выяснилось, что поле, отведенное под посев этого риса, раньше было кладбищем; что зарезанный барашек в первые дни своего рождения питался молоком собаки и что при давке винограда, из которого приготовили выпитое ими вино, случайно порезал ногу давильщик, и его кровь смешалась с вином.

Халиф вызвал к себе этих трех мужей и за мудрость и ученость удостоил их больших почестей.

Владелец же верблюда вернулся к себе с опущенной головой.

Г. Срвандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

РАЗУМ И СЕРДЦЕ

Однажды разум и сердце заспорили. Счастье[1] твердило, что люди живут для него, а ум настаивал на обратном. Они не стали прибегать к помощи судьи, а порешили действовать в одиночку и не вмешиваться в дела друг друга. Свой уговор они решили испробовать на одном поселянине.

Поселянин этот, по обыкновению, взял соху и пошел в поле. Когда он приступил к запашке, то заметил, что соха его неожиданно застряла в борозде. Нагнувшись, он увидел в земле медный кувшин, полный золота.

«Как мне теперь быть? — подумал он. — Большие дела я могу сделать на это добро, могу стать заметным человеком...»

С другой же стороны, пришло ему в голову: «А что, если узнают об этом воры и придут за ним? Коли стану перечить — меня убьют...»

Занятый этими мыслями, он вдруг заметил судью той страны, проходившего по дороге.

«Лучше дам я золото судье и сам спокойно продолжу свою работу», — решил поселянин и, бегом пустившись за судьей, привел его в свое поле.

[1] В точном переводе сказка называется «Разум и счастье», но под «счастьем» здесь подразумевается внутреннее побуждение, противоположное разуму.

Но тут вернулся к нему разум. Опомнившись, поселянин немедленно закрыл золото и сказал судье:

— Ага [1], ты судья и человек ученый, скажи-ка мне — из этих двух моих быков какой лучше?

Судья, услышав эти слова, в сердцах бросил поселянина и ушел. С его уходом ушел от поселянина и разум.

Он вновь призадумался: «Зачем я не дал ему золото, что я буду с ним делать, где я его буду держать?»

Бросив работу, он этак размышлял до вечера, пока не заметил вновь судью, возвращавшегося из деревни.

Бросился он к нему и стал умолять-упрашивать его разок притти к нему в поле.

Судья, решив, что тут что-нибудь да есть, пришел.

Разум опять вернулся к поселянину, и он сказал судье:

— Умоляю тебя, не сердись, посмотри на это мое поле, ты человек ученый, что больше — вчерашняя моя запашка или сегодняшняя?

Судья, решив, что поселянин сошел с ума, засмеялся и ушел. С ним вместе отошел от поселянина и разум — и уселся на краю поля.

— Боже, боже, — сказал вне себя от ярости поселянин, — зачем я не дал ему золото, где и как я буду его держать?

И, недолго думая, запрятал кувшин с золотом в мешок, в котором доставляли ему в поле

[1] Слово «Ага» на Востоке означает «господин» и употребляется всеми восточными народами.

нищу, взял его на плечо и, возвратившись домой, вызвал жену:

— Жена, живо, привяжи быков, дай им сена и убери соху, я иду к судье, — сейчас вернусь.

Заметив за плечом мужа что-то в мешке и видя, что муж не хочет показать ей это, жена решила узнать, что там завернуто.

— Не мое женское дело привязывать быков, я вожусь только с овцами да коровами. Лучше привяжи сам и иди куда хочешь.

Покуда муж, положив мешок на землю, гнал быков в хлев и привязывал их, жена успела вынуть из мешка кувшин с золотом и, завернув в мешок камень величиной с кувшин, положила его на то же место. Выйдя из хлева, поселянин торопливо подхватил мешок и пустился прямо к судье.

— Вот тебе подарок, бери, — сказал он судье.

Когда развязали узел, поселянин опешил. Судья рассердился, но, решив, что тут что-то неладно, велел посадить его в тюрьму и приставил к нему двух людей, наказав им сообщить ему все, что тот будет делать и говорить.

Поселянин в тюрьме, наедине с самим собою, стал что-то бормотать и показывать руками: кувшин-де был таких-то размеров, нос такой-то, объем такой-то, дно такое-то и столько-то в нем золота.

Приставленные к нему люди доложили судье: так и так, он махал руками, а говорить — ничего не говорил.

Судья велел вызвать его к себе.

— Расскажи, что это ты махал руками и измерял?

Ум сейчас же вернулся к поселянину, и он ответил судье:

— Измерял я тебя: голова твоя такая, шея такая, живот такой, борода такая, — и говорил про себя: кто больше — ты или наш бородатый козел.

Судья вышел из себя и велел его повесить. Поселянина повели, но когда, надев ему на шею петлю, хотели ее затянуть, он взмолился:

— Не казните меня, я пойду к судье и скажу ему всю правду.

Привели его к судье:

— Ну, скажи правду, что это ты измерял в тюрьме?

— Нечего тебе мне говорить: поверь, если б не сняли петлю с моей шеи, я бы погиб, вот и вся правда, — ответил поселянин.

Засмеялся судья при этих словах и освободил поселянина.

Раскаялись разум и сердце в том, что сделали, и дали зарок отныне действовать вместе, решив, что человека делают человеком разум с сердцем, сердце с разумом.

Г. Сриандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

НАГОВОР ЖЕНЫ

Один благочестивый человек каждый раз, отправляясь в поле и возвращаясь оттуда, молился богу.

Однажды жена сказала ему:

— Муженек, почему ты в своей молитве не просишь бога, чтобы он избавил тебя от наговора жены?

— Этого еще недоставало! Что такое женщина, чтоб я стал молиться из-за страха перед ней!

Услышав это, жена решила проучить мужа и сыграла над ним такую штуку: купила несколько рыб, завязала их в узел и понесла вместе с обедом в поле. В то время как муж, взяв пищу, пошел обедать у родника, она тайком от него зарыла рыб поодиночке в землю.

Сделав это, она собрала посуду от обеда и вернулась домой.

Муж, приступив к запашке, вдруг увидел, что из разрытой земли выходят рыбы. Собрал он рыб, принес вечером домой и рассказал жене, как выкопал их из земли, и выразил свой восторг по поводу того, что господь бог и в земле может сотворить рыбу. Муж наказал жене их сварить, чтоб на следующий день

пообедать ими в поле. Жена сварила рыб, сама съела их и, взяв с собой немного похлебки, понесла мужу в поле.

— А где же рыбы? — спросил муж.

— О каких это рыбах ты говоришь?

— Да о тех, которые я достал из-под земли.

— Ты, право, рехнулся. Никаких таких рыб ты домой не приносил, и я их видом не видела.

Муж при этих словах рассердился, взял дубину и хотел было наброситься на жену, но та подняла вой и позвала на помощь крестьян, работавших в соседних полях.

— Пустите, — сказал муж, — я проучу эту дрянь. Она съела мои рыбы и называет меня сумасшедшим.

Крестьяне, пришедшие на крики, спросили жену, о каких рыбах идет речь.

— Умоляю вас, — ответила жена, — свяжите его, он с ума спятил и хочет меня убить. Лучше уж вы сами спросите у него, о каких рыбах идет речь.

— Да я говорю о тех самых рыбах, что я вырыл в поле из-под земли, — сказал муж.

— Бедная, бедная женщина, ты права, он потерял рассудок, — решили собравшиеся и, сочтя крестьянина за сумасшедшего, связали ему руки, доставили домой и там привязали к столбу.

Когда люди разошлись и жена осталась с мужем с глазу на глаз, она сказала ему:

— Ну, что, ты все еще не боишься наговора женщины? Знай, — это наименьшее, что могло с тобой случиться.

— Молю тебя, жена, именем бога, — ответил муж, — развяжи веревку и избавь меня от этой напасти. Даю зарок в каждодневной молитве в первую очередь молиться за избавление меня от наговора женщины.

Г. Срвандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

ГЛУПЕЦ

Жил когда-то очень богатый человек. Ведя беспутный образ жизни, человек этот постепенно растерял все свое добро и в один прекрасный день остался гол как сокол. Потупив взор и понурив голову, он ахал и охал, вспоминая былые дни.

Однажды пришли к нему его знакомые, и один из них, человек бывалый, ему сказал:

— Видимо, ты провинился в чем-нибудь, что счастье твое ушло от тебя. Мой совет: пустись за своим счастьем, — может, его найдешь и будешь богат, как прежде.

Человек внял его словам и пустился по долам и горам в поисках за своим счастьем. Однажды он увидел во сне свое счастье висевшим со скалы головою вниз. Проснувшись утром, он немедля направился к той скале.

Шел он долго и встретил дорогою льва.

— Куда держишь путь? — спросил лев.

— Иду за своим счастьем.

— Я его знаю, — сказал лев. — Счастье твое очень умное, — может быть, ты спросишь у него, чем я могу исцелиться. Вот уже семь лет, как я стал немощным. По возвращении сообщи, что оно скажет, и я сделаю для тебя все, что смогу.

Человек обещал исполнить его просьбу и продолжал путь.

Идя дальше, он набрел на сад, полный множества разных плодов. Но срывая плоды и пробуя их, он нашел, что все они горькие. Увидев его, хозяин сада сначала разбранил его; затем, когда человек рассказал ему о своем горе и о том, куда он держит путь, хозяин сказал:

— Коли уж так, спроси, братец, чем исцелить мой сад, чтоб плоды его не были горькими. Сколько я ни бился, делал новые посадки, прививки — ничего не помогло. Если по возвращении ты мне принесешь ответ, я сделаю для тебя все, что в моих силах.

Человек обещал исполнить просьбу владельца сада, пошел дальше и дошел до замка, расположенного у высокой горы. Войдя в него, он увидел во дворе молодую, прекрасную женщину. На ее вопрос, что он делает в этих местах, человек рассказал все, что с ним случилось.

— У меня, — сказала женщина, — очень много всякого добра, но я страдаю от головной боли, которая мучает меня днем и ночью. Если спросишь об исцелении у твоего счастья, я сделаю для тебя все, что ты захочешь.

— Ладно, узнаю, — сказал человек, продолжал путь и, наконец, нашел свое счастье висящим с горы.

Поздоровавшись с ним, человек рассказал ему о своей обиде, передал порученья и, получив ответы, предложил своему счастью пойти с ним вместе.

— Поди ты вперед, я приду за тобой, — сказало счастье.

На обратном пути человек, встретив красивую женщину, сказал ей:

— Если ты выйдешь замуж за молодца, исцелишься от своей болезни.

Хозяину сада сказал:

— Вода, которая орошает твой сад, протекает по золотоносной земле. Золотая пыль, находящаяся в воде, впитывается деревьями, и оттого плоды их делаются горькими. Чтоб плоды твоего сада перестали быть горькими, ты должен или изменить русло реки, или достать золото из воды.

Придя ко льву, человек рассказал ему все, что он видел дорогою и у счастья.

— Что предложила тебе молодая женщина?— спросил лев.

— Она предложила мне жениться на ней и вместе с ней пользоваться ее добром — я не согласился.

— А что предложил владелец сада?

— Владелец сада достал из реки все золото — вышло очень много. Предложил он мне взять его себе, но я не взял и сказал: «Стану я его таскать такую даль к себе домой».

— Ну, ладно, а теперь скажи, какой совет ты получил против моей болезни? — спросил лев.

— А для тебя счастье сказало, что лев исцелится, если съест голову глупого человека.

Лев, хорошенько поразмыслив над этими словами, тихонько протянул лапу к голове этого человека, схватил ее, ударил оземь, размозжил и сожрал.

— Клянусь богом, — сказал лев, — человека глупее тебя вряд ли я сыщу на земле.

Г. Сргандзтян. «Манана». Записана в Турецкой Армении.

ДИЖИКО

Бедный и несчастный человек был Дижико. Все его богатство состояло из двух козликов да прыгающей коровы. Жена Дижико была женщина злая. Она изводила мужа и все твердила:

— Отправляйся в дальние края на заработки, привези денег, платья и купи волов, овец, лошадей.

Встал однажды утром Дижико, взял дубину и, погнав корову, вышел из дому, говоря про себя: «Уйду, чтоб избавиться от этой женщины». Жена только этого и хотела. В пути он питался молоком коровы, а когда уставал, садился на нее верхом, с дубиной на плече, и дрожал от страха, как водная зыбь. Но бедняге ничего другого не оставалось: он предпочитал попасть в руки злодеев и хищников, чем оставаться во власти злой жены.

Как-то раз, когда его корова паслась на траве, а сам Дижико спал, кусаемый мухами, он спросонок выругал свою жену, поймал с размаху несколько мух и со злости смял их ладонью. Сосчитав, он увидел, что с одного размаху убил семь мух. На него нашла храбрость. Он собрался в путь и к вечеру зашел в одну деревню.

Здесь он попросил дервиша, чтоб тот написал ему: «Я — Дижико, одним взмахом уложил

семерых!» — и повесил эту бумажку меж рогов своей коровы.

Идя дальше, он дошел до поля, в конце которого высился большой замок. Тут он лег и заснул. У замка работало семь братьев. Один из них, завидя издалека человека, осмелившегося вступить в их поле, поскакал к Дижико. Но, увидя сначала корову и прочитав надпись меж ее рогов, призадумался и сказал себе:

— Этот человек одной рукой уложил семерых. Если б он не был таким отважным, разве он решился бы заглянуть в наши края и беспечно уснуть? Ну и храбрец же он: без оружия, без товарищей, без лошади!

Повернув обратно, он рассказал братьям о виденном, и они все семеро приехали посмотреть на Дижико. Корова при виде них испугалась, вспрыгнула и замычала. От голоса коровы Дижико проснулся и, увидя семерых братьев, схватил от испуга дубину, попятился и начал дрожать. Они же, решив, что Дижико собирается одним ударом уложить всех семерых, взмолились и стали объяснять ему, что их семеро, что они славятся, как отменные храбрецы, и что, если он согласится стать их старшим братом, они будут счастливы, будут ему во всем подчиняться и дадут распоряжаться своим имуществом так, как он пожелает. Дижико, немного успокоившись, сказал:

— Пусть будет по-вашему.

Братья взяли Дижико к себе домой, посадили его на почетное место, отлично угостили, и все семеро, скрестив руки, были готовы исполнить каждое его приказание. Дижико впал в раз-

думье и все размышлял, как бы выкрутиться, чтобы братья не догадались об истине и не убили его. Эти же в свою очередь размышляли: «До чего он великодушен, даже не смотрит на нас и не говорит». Братья закашляли, чтоб он обратил на них внимание и разрешил бы сесть. Усевшись и немного посмелев, братья спросили Дижико:

— Ага, где твое оружие, конь, слуги? Разреши, чтобы мы поехали и доставили их сюда.

— Оружие и лошадь имеют лишь одни трусы. Я ими пользуюсь только во время очень больших боев. Что же касается слуг, то на что они мне? Мои слуги — весь мир. Видели же вы, что я с одной дубиной, гоня перед собой корову, добрался до этих мест. Я — Дижико, одним взмахом укладываю семерых.

День ото дня братья все больше и больше ухаживали за Дижико и наконец они решили выдать за него свою единственную сестру-красавицу. Дижико, конечно, знал, что он недостоин ее, но делать было нечего, пришлось сказать:

— Так уж и быть, из уважения к вам — согласен.

Когда весть о пышной свадьбе Дижико разнеслась повсюду, на братьев пошли войною четверо пашей, давно желавших жениться на красавице, но получивших отказ.

Дижико-ага от испуга еле держался на ногах, хотел провалиться сквозь землю и размышлял о бегстве, но убежать не было никакой возможности. И вот, в то время как Дижико раз-

мышлял о бегстве, пришли к нему братья и сказали:

— Враги приближаются. Как прикажешь: нам сначала биться или сам изволишь вступить в бой?

От испуга у Дижико стучали зубы, но братьям это показалось зубным скрежетом, — видно, до того он обозлен, что хочет всех врагов уничтожить одним взмахом.

— Бейтесь сначала вы, — сказал он.

Слава о храбрости семи братьев гремела всюду. Трусили их враги. Теперь же, узнав, что у братьев есть зять, одним взмахом укладывающий семерых, струсили еще больше. Но во время битвы, когда враги стали одолевать, братья послали за Дижико, чтоб тот подоспел на помощь, выбрав себе вороного коня и лучшее оружие.

Дижико опешил. Ему ничего не оставалось, как дать свое согласие: «Пусть уж лучше погибну и избавлюсь от позора», — подумал он.

Конь под Дижико сейчас же почуял, что ездок неопытен, и помчался как стрела, не обращая внимания на усилия Дижико сдержать его. Со стороны же казалось, будто он нарочно так гонит коня, чтобы подоспеть на помощь братьям. Его появление в рядах врагов вызвало замешательство. Но душа Дижико от испуга превратилась в зернышко проса. На свое счастье, он зацепился за сучья гнилого дерева, дерево повалилось, и конь выскочил из-под него. Когда Дижико очутился на земле, со стороны показалось, будто он вырвал дерево с корнем. Увидя это, враги

обратились в бегство, решив, что им никак не справиться с великаном, вырывающим одной рукой дерево с корнем.

Братья, подбежав к Дижико, окружили героя, упали к его ногам и с большими почестями доставили домой.

Враги же стали размышлять: как быть, чтобы Дижико не выместил на них своей злобы? Паши, захватив по тысяче овец, по десятку жеребцов и много других подарков, явились к Дижико и обещали быть его верноподданными.

Г. Срвандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

НЕВЕСТА РОДНИКА

Жили-были три сестры. Однажды их мать пошла купить платья для своих дочерей, но забыла купить для младшей. Она вспомнила об этом лишь на обратном пути, когда села у пригородного родника, и испустила вздох: «Эх!» Немедленно из родника выскочил старик.

— Почему ты воскликнула: «эх»?

— Да вот я забыла купить младшей дочери платье, а сейчас вспомнила и пожалела.

— Поди приведи сюда свою дочку, скажи: «эх!» — и я дам ей платье.

Мать пошла, привела дочку и сказала: «Эх». Немедленно выскочил из родника старик, взял дочку и увел ее к себе. Мать осталась одна у родника, но сколько ни говорила «эх!» — не показались больше ни старик, ни дочка. Мать вернулась домой.

Спустя месяца два пришла она опять к роднику и сказала: «Эх!» Услышав это, старик обратился к сыну!

— Пришла твоя теща повидать свою дочку.

— Поведи, отец, свою невестку к ней, и пусть она пойдет к матери в гости, — сказал сын и, обратившись к жене, обещал навещать ее у матери.

Вышла девушка из родника принаряженная, поцеловала руку матери и пошла с ней. Доро-

гою она попросила у матери отвести ей отдельные сени. Та исполнила желание дочери.

Ее муж каждый день, с наступлением темноты, прилетал к девушке в образе куропатки, проникал к ней через отдушину и до наступления рассвета улетал обратно.

Сестры позавидовали ее счастью. Они достали бритвы, расставили их вокруг отдушины, и когда вечером муж в одежде куропатки, прилетев, хотел проникнуть к жене, он наткнулся на бритвы и поранил себя. Весь в крови, он повернул обратно, поклявшись отомстить жене: он думал, что это ее дело.

Молодая, видя, что уже прошло пять-шесть дней как не показывается ее муж, решила пойти к себе домой и, взяв мать, отправилась к роднику.

Мать сказала: «эх», и немедленно появился старик. Увидя обеих, он вернулся и сказал сыну:

— Пришли, сынок, твоя теща и жена.

— Надень, отец, свой орлиный наряд, — ответил сын, — возьми на крылья жену и сбрось ее в пустыню.

Отец исполнил поручение сына и сбросил невестку в пустыне. Но та упала на песок и осталась жива.

— Боже ты мой, в чем я провинилась? — сказала она в слезах и стала бродить по пустыне. Вечером, легши спать и зарывшись в песок, она вдруг заметила двух дервишей, которые пришли и уселись неподалеку от нее.

Дервиши начали свистеть, собрали вокруг себя множество змей и стали совещаться. Они

расспрашивали друг у друга о средствах против тысячи болезней, ран и, между прочим, заговорили о средстве против ран, причиненных бритвой.

— Если раненому бритвой полить на рану молоко женщины, родящей мальчиков, да посыпать порошком высушенной крови, взятой из жилы молодой женщины, — он исцелится.

Услышав это, женщина чуть свет пустилась в путь и после долгих блужданий добрела до своей земли. Тут она стала ходить по домам и молить, чтоб ей дали молока женщины, родящей мальчиков. Собрав сколько нужно молока, сама она выпустила из своей жилы кровь, высушила ее, приготовила из нее порошок и, взяв все с собой, пошла к роднику.

— Эх! — сказала она у родника.

— Чего тебе надо? — спросил ее выскочивший из родника старик.

— Я врач, позабыл свои лекарства в селе и потому вздохнул про себя: «эх».

Старик, вернувшись, сказал сыну, что к роднику пришел врач и что, если сын хочет, он приведет врача.

— Ладно, приведи, — ответил сын.

Женщина пошла со стариком, осмотрела больного и сказала:

— Я тебя исцелю. — И взяла молока, обмыла им раны мужа, посыпала их порошком сушеной крови, и тот исцелился.

— Что же я дам тебе за твой труд? — сказал он.

— Мне ничего не надо, — ответил врач, — прошу у тебя лишь одного, вспоминай мое имя.

— А как тебя зовут?

— Имя мое — Хнкапрак.

— Да ведь так звали мою жену!

— Я и есть твоя жена! — воскликнула она, со слезами бросилась в объятья мужа и рассказала ему все, что случилось. Они снова полюбили друг друга и доныне живут счастливо.

Г. Срвандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Одна старуха усыновила бедного мальчика: одевала, обувала, кормила его, но мальчик все время водился с озорниками и научился от них всему дурному. Старуха решила его женить, думая, что, может быть, он поумнеет. Юноша обзавелся женой, у него родились дети, но он каждый вечер колотил и жену и детей. Старуха говорила ему:

— Сынок, поумней, будь человеком и не мучай жену, не то превращу тебя в осла, станешь таскать тяжести, и будут тебя гнать и бить.

Сын не угомонился.

— Молчи, не то и тебя прибью, — отвечал он старухе.

Выведенная из терпения старуха достала зеленую палочку, ударила сына, и сын, превратившись в осла, выбежал из избы. Один крестьянин, схватив его за ухо, повел к себе, и он семь лет под ряд таскал ему ношу.

По прошествии семи лет у осла сошла кожа, и он, превратившись в прежнего человека, вернулся к себе и постучал в дверь. На стук выбежала жена и дети и, увидя его, закричали старухе:

— Бабуся, бабуся, твой сын вернулся!

Но сын старухи пуще прежнего стал мучить домашних и поносить старуху.

— Сынок, лучше поумней, — говорила старуха, — не то превращу тебя в зверя, и тебя будут травить люди и собаки.

— Молчи, не то и тебя исколочу!

При этих словах старуха ударила его зеленой палочкой, и он превратился в волка. Сельчане натравили на него собак и прогнали дубинами в горы.

Семь лет спустя с него сошла волчья шкура, и он вернулся к жене. При виде его жена и дети обрадовались. Но он не унялся и попрежнему колотил домочадцев. Видя, что нет надежды на его исправление, старуха ударила его зеленой палочкой, и он, превратившись в ворона, с карканьем вылетел из избы. Потом он, найдя своих товарищей-озорников, карканьем объяснил им все, что с ним случилось. Товарищи, собравшись, пришли задушить старуху. Она стала молить их бросить злую затею и не трогать ее, но те не унимались. Тогда старуха подняла на них зеленую палочку, и все они превратились в черных воронов, вылетели, догнали своего товарища и составили стаю.

Это вот они до сих пор летают по городам и селам и занимаются кражей. Потому-то люди любят всех птиц, но при встрече с воронами гонят их камнями.

Г. Сврандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

СОЛОВЕЙ ХАЗАРАН

Когда-то некий царь повелел построить церковь, Строили семь лет. Освятили. Отправился царь помолиться. Поднялась буря. Царь уже стал задыхаться, вдруг пред ним предстал отшельник.

— Царь, — сказал он, — многие лета. Прекрасный храм построил ты, но одного ему недостает.

Буря усилилась, отшельник исчез.

Царь велит разрушить церковь. Принимаются сызнова, строят семь лет, прекрасней прежнего. Освящают. Отправляется царь помолиться. Поднимается неописуемая буря. Снова тот же отшельник является царю.

— Царь, — говорит он, — многие лета. Пресветлый храм воздвиг ты, одного лишь ему недостает.

Опять царь велит разрушить церковь.

— На этот раз работайте девять лет, — велит он, — воздвигните такой, чтобы ему подобного не было на свете.

Выстроили. Освятили. Отправился царь помолиться. Поднялась буря. Пред ним предстал отшельник.

— Царь, — сказал он, — многие лета. Бесподобен воздвигнутый тобой храм. Жаль только, что одного ему недостает.

Схватил царь отшельника за ворот.

— Так скажи же, чего недостает моей церкви? Вот уже третий раз ты заставляешь меня разрушать.

— Этому храму нужен соловей Хазаран.

Отшельник исчез. Царь вернулся домой.

У него было трое сыновей. Дети заметили, что отец огорчен, и спросили:

— О чем ты тужишь, батя?

— О том я тужу, — сказал он, — что состарился. Для церкви понадобился соловей Хазаран, а как мне за ним поехать?

— Мы поедем, — сказали юноши.

Сели на коней и поехали.

Через месяц они добрались до перекрестка. Видят — дорога расходится в три стороны. Они в смущении остановились.

Навстречу им тот же отшельник.

— Куда, удальцы? — спросил он.

— За соловьем Хазаран, да не знаем, по какой дороге ехать.

Отшельник сказал:

— Кто по этой дороге, по широкой, поедет, тот вернется назад. Тот, кто по средней дороге поедет — либо вернется, либо нет. А кто по нижней дороге поедет — тому нет никакой надежды на возвращение.

— Почему?

— Поедешь, — сказал он, — повстречается река. Обладательница соловья Хазаран отравила его колдовством и не пьет из нее. А ты должен испить и сказать: «Ох, живая вода!» Переедешь реку, встретишь цветок. Она превратила его в колючку. А ты должен сорвать,

понюхать, сказать: «Ох райский цветок!» Поедешь дальше — увидишь привязанного волка и подле него ягненка. Перед волком трава, перед ягненком — мясо. Ты должен мясо переложить волку, траву — ягненку. Поедешь дальше — увидишь большие ворота: одна створка притворена, другая — растворена. Притворенную ты должен раскрыть, а растворенную — притворить. Войдешь и увидишь спящую обладательницу соловья Хазаран. Она семь дней спит, семь дней бодрствует. Сумеешь выполнить все сказанное — привезешь соловья Хазаран, а нет — ни проехать не сумеешь, ни вернуться.

Старший брат поехал по широкой дороге. Ехал, ехал и доехал до дворца. «Зачем мне ехать на убой, — подумал он, — поступлю-ка в этот дом на службу, послужу да поживу».

Средний брат поехал по средней дороге. Объехал гору и по другую сторону увидел дворец, горящий как факел. Слез с коня. Привязал его. Отправился в роскошный сад и сел на зеленую траву. Видит — между небом и землей идет черный араб. Дошел до парня, ударил его хлыстом — превратил его в круглый камень, который и покатился под скамью.

Младший брат поехал по нижней дороге. Ему повстречались: река, цветок, волк, ягненок, ворота. Он проделал все, как сказал отшельник. Вошедши во дворец, он видит: лежит прелестная, как лань, девушка. Выпорхнул из своей клетки соловей Хазаран, спустился к сердцу девицы и защелкал-залился на тысячу ладов. Задремала девушка, царевич поймал соловья

Хазаран, поцеловал девушку и по той же дороге пустился в обратный путь.

Проснулась девица, видит — нет соловья Хазаран.

Она сообразила, что его украли, и крикнула:

— Ворота, поймайте!

Ворота в ответ:

— Бог с ним, мою растворенную створку он притворил, а притворенную — растворил.

Она крикнула:

— Волк, ягненок, ловите вора!

Те в ответ:

— Бог с ним, он траву дал ягненку, а мясо волку.

Она крикнула:

— Колючка, лови!

Та в ответ:

— Бог с ним. Ты меня превратила в колючку, а он — в райский цветок.

Она крикнула:

— Река, поймай вора!

Та в ответ:

— Зачем мне ловить? Ты меня превратила в отравленный напиток, а он — в живую воду. Пусть себе едет, бог с ним!

Делать было нечего: девушка села на своего коня.

Между тем юноша доехал до отшельника, поздоровался и сказал:

— Вот тебе соловей Хазаран.

Осведомился о братьях. Тот в ответ:

— Не проезжали.

Парень отдал отшельнику соловья Хазаран на хранение, а сам поехал по широкой дороге,

Доехал до большого города, отправился пообедать к стряпчему. Видит: старший брат — слуга, Тайком дал ему знать о себе, взял его с собой, вернулся, оставил его у отшельника, а сам поехал к младшему брату. Ехал, ехал, объехал гору, видит — дворец, горящий как факел. Слез с коня, привязал лошадь, отправился в роскошный сад, уселся на зеленой скамье. Явился черный араб, крикнул:

— Гей, разве это место свободно, что ты уселся?

И размахнулся хлыстом, чтобы ударить. Но юноша оказался ловчей, вырвал из рук араба хлыст и ударил его самого. Араб тут же превратился в камень. Юноша подумал: «Верно, моего брата так погубили». Ударил он хлыстом по круглым камням — все камни превратились в людей и побежали. А своего брата среди них не заметил. Видит: под скамьей еще камень. Ударил хлыстом. Поднялся брат и побежал. Он окликнул:

— Брат, не беги!

Тот вернулся и узнал младшего брата. Вместе поехали к отшельнику.

Взяли три брата соловья Хазаран и поехали домой. Захотелось им пить. Подошли к колодцу. Спустили младшего брата за водой. Воду вытащили, а брата оставили в колодце. Два старших брата между собой сказали: «Если он будет с нами, как же мы покажем отцу?» Взяли они соловья Хазаран и поехали дальше. Доехали до дому, сказали отцу:

— Наш младший брат погиб, Мы добыли и привезли тебе соловья.

Повесили соловья Хазаран в церкви, а он не только не поет, а даже и не дышит.

Девушка на коне доехала до царя.

— Кто тот удалец, — сказал она, — который увез моего соловья Хазаран?

Два брата ответили:

— Мы.

— Что вы видели по дороге?

— Ничего.

— Не вы добыли, — сказала она, — вы воры.

И, схватив их, посадила в темницу и царя, и двух братьев, сама захватила город и осталась в нем.

— Пока не явится тот, кто добыл соловья Хазаран, вам свободы не будет.

Между тем жницы вытащили юношу из колодца. Одна старуха приютила его как приемного сына. Прошло несколько недель. Распространилась молва и дошла до юноши, что прибыли два брата с соловьем Хазаран, а за ними — сама владелица. Юноша попросил позволения у старухи:

— Дай мне съездить в город посмотреть на новую церковь.

Отправился. Приехал к себе домой. Видит: ни отца, ни братьев.

Он спросил:

— Где они?

Отвечают:

— Прибыла владелица соловья Хазаран, схватила их и посадила в тюрьму.

Юноша отправился в тюрьму, освободил отца и братьев.

Девица воскликнула:

— Я владелица соловья Хазаран, ты меня не боишься?

Он в ответ:

— Я добыл соловья Хазаран, чего мне бояться?

Она говорит:

— Что ты видел по дороге?

Парень рассказал про реку, колючку, волка, ягненка, ворота — все, что сделал, все, что видел.

— Если не веришь всему этому — мой поцелуй на твоем лице. Ты — моя невеста.

— Ты достоин меня! — воскликнула девушка.

Справили свадьбу. Отправились в церковь венчаться. Соловей Хазаран защелкал, залился на тысячу ладов, уж как он заливался!

С неба упали три яблока.

Г. Срвандзтян. «Манана». Записана в Турецкой Армении. Сказка переведена П. Н. Макинцианом.

ЗЛАТОГЛАВАЯ РЫБА

Как-то раз ослеп царь Мысирский [1]. Сколько ни старались врачи — не помогло. Царю сообщили, что в инглизской стране [2] живет трехсотлетний врач, который может его исцелить, и царь велел написать владыке инглизской земли следующее письмо:

«Августейший великий государь, умоляю вас послать ко мне живущего в вашей стране старика врача Джинджина, чтобы тот исцелил мои глаза. Ваше благодеяние не будет забыто моими семью коленами, и я стану считать его равносильным тому, как если бы вы мне подарили Лондон.

Царь Мысирский»

Инглизский царь послал врача Джинджина, и тот, приехав и осмотрев царя, сказал:

— Поймайте в океане златоглавую рыбу, я из ее крови приготовлю лекарство и исцелю ваши глаза.

Врач Джинджин дал изображение этой рыбы и предупредил:

— Я не могу тут ждать более ста дней. Если не поймаете рыбу к этому времени — я уеду.

[1] Мысир — восточное название Египта.

[2] В Англии.

У царя был один-единственный сын. Взял царевич с собой сто рыбаков, сел на корабль и пустился в океан. Бились они долго, наловили множество рыб, но златоглавой рыбы не оказалось. Между тем срок приходил к концу, и врач должен был уехать обратно. Тогда сын царя попросил бросить невод в последний раз на его счастье. Бросили — и поймали златоглавую рыбу. Ее впустили в стеклянную банку, наполненную водой, и вернулись домой. Царевич, смотря на рыбу, сжалился над ней и, когда приближались к суше, взял и бросил ее обратно в море, сказав:

— Пусть себе живет.

Вернувшись, люди рассказали царю о поступке царевича:

— Значит, сын мой хочет моей смерти, чтобы самому царствовать? Палачи, идите и отрубите ему голову! — воскликнул разгневанный царь.

Но так как царевич был единственный сын, народ не решился его убить. Палачи надели одежду царевича на другого и повесили того человека. Мать же царевича, дав ему много денег, устроила так, чтоб он убежал на дальний остров, заклиная его, что если он будет нанимать слугу, взял бы такого, который не станет просить помесячной платы.

Прибыв на остров, царевич нанял себе дом, но не мог нанять слуги: все приходившие требовали помесячной платы.

Однажды явился к нему араб и сказал, что хочет наняться в слуги.

— А сколько тебе дать за твою работу? — спросил у араба царевич.

— Денег мне не надо, дай мне только жить у тебя.

Нанял его царевич, и араб стал жить с ним вместе.

На том острове находилось страшное чудовище. Жители острова трепетали перед ним и не могли выходить из дому; а поэтому там прекратились все дела — торговля, полевые работы, — и люди думали только об одном: как бы выбраться оттуда на другую землю. Вали (губернатор) того острова обещал большие деньги тому, кто убьет этого дракона — но не находилось смельчаков. Араб, слуга царевича, пошел к вали и сказал:

— Мой хозяин убьет дракона, но скажи, что ты ему дашь за это?

— Я отдам за него свою дочь и дам в приданое все, что он захочет.

— Хорошо, выдай за него свою дочь, отдай все свое богатство и половину того, что ты будешь наживать после их свадьбы.

Заключив это условие, араб пошел и убил чудовище, отрезал у него уши, передал царевичу, а тот понес их к вали. Вали сделал его своим зятем, передал ему свое богатство, а после его смерти царевич занял его должность. К этому времени у него родился сын. Однажды араб сказал своему хозяину:

— Посади сына вместо себя губернатором, а мы с тобой поедем в Париж.

Понакупили они массу дорогих вещей и пустились в путь. В Париже араб сказал хозяину:

— Поди проси себе в жены франкскую царскую дочку.

Когда царевич исполнил это, франкский царь сказал:

— Дочку свою, вали, я выдам за тебя, но мне тебя жалко. Сто девяносто юношей сватались за мою дочку и погибли.

Царевич испугался, но араб посоветовал не робеть и жениться. Тогда он женился. Устроили маленькую пирушку; слуги же царя стали приготовлять для царского зятя смертный саван и рыть ему могилу. Вечером, когда настал брачный час, араб залез в стенной шкаф. Не успели молодожены уснуть, как он вышел из шкафа и стал у изголовья, держа в руках щипцы и меч.

В полночь изо рта царевны вышла черная змея и хотела было ужалить царевича, но араб мигом схватил ее щипцами, искромсал мечом и спрятался в шкаф. Царские слуги пришли поутру, чтоб взять труп молодого супруга, но, найдя его живым и здоровым, побежали и поздравили царя. В следующую ночь также появилась змея, но араб убил и ее. С тех пор молодые зажили в мире и согласии.

Так как у парижского царя не было наследника, после его смерти престол достался зятю.

Прошло много времени, и однажды из Мысирской земли получилось письмо от матери царевича. Мать писала, что отец его умер, и звала сына, чтоб тот приехал и занял отцовский трон. По совету араба царевич посадил на свое место франка и, взяв жену и сына, поехал в Мысир и занял отцовский трон.

Однажды араб попросил у него разрешения вернуться к себе,

— Ты мне оказывал так много услуг, — сказал царевич, — что не знаю, как вознаградить тебя. Все, что я имею — твое. Бери, что хочешь, и уезжай.

— Я ничего у тебя не возьму, но давай поделим меж нами твоих жен.

— Бери из них какую хочешь.

— Нет, — сказал араб, — я этак не возьму. Чтоб после не говорили, что лучших взял я, я должен каждую из них поделить пополам.

Царевич сначала хотел было перечить, но мог ли он отказать в чем-нибудь подобному человеку?

— Сделай, как хочешь, — ответил он.

Араб повесил вниз головой парижскую жену царевича и, взяв меч, хотел было ударить, но жена со страху так сильно закричала, что изо рта ее выпала еще одна черная змея. Араб убил ее и освободил жену.

— Пусть будет тебе на радость твоя жена и все твое добро, я заплатил свой долг, — сказал араб. — Больше тебе ничего не грозит. Живи с миром. Ты даровал мне жизнь, и я все, что сделал тебе — считаю еще недостаточным. Я не араб, я — златоглавая рыба.

Г. Сргандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

БАДИКАН И ХАН-БОХУ

Жил был царь. Было у него сорок сыновей. Каждого из них, как только он достигал зрелости, царь отправлял в далекие страны проявить мужество и подвигом добыть себе подходящую жену. Так поступил он с тридцатью девятью сыновьями, но какие они подвиги совершили, сказка об этом умалчивает. Дошел, наконец, черед и до последнего сына, которого звали Бадиканом. Отец дал ему свой меч, лук и стрелы, наделил деньгами и благословил в путь-дорогу. Царевич сел на коня и пустился в путь.

Долго странствовал он по чужим землям, попал в темное и светлое царства и кого только не повстречал на пути — Гога-Магога, Азнавура, разных диких зверей. Со всеми ими он бился, всех он поборол, но и из слуг его никто не уцелел. Наконец, спустив все свое добро и оставшись гол как сокол, он добрался до одного чудесного, невиданного дворца. Дворец этот был построен в незапамятные времена из больших каменных глыб и железа. Бадикан обошел его со всех сторон, но не встретил ни одной живой души.

— Боже ты мой, куда это я попал?

Подождав наступления вечера, он увидел, как ко дворцу подходит стальное чудовище в мед-

ной шапке и в медной обуви, а лук его и стрелы из прочнейшего железа, и когда ступало оно, то дрожала земля.

Подойдя ко дворцу, оно понюхало воздух и сказало:

— Человечиной пахнет. Я рыщу по горам и по долам в поисках дичи, а дичь сама пришла в мой дом. Эй, кто здесь, явись немедля, не то поймаю и сотру в прах!

Бадикану ничего не оставалось, как предстать перед чудищем, так как его меч и стрелы не могли бы сразить этого зверя.

— Кто ты такой, что осмелился показаться в этих местах, неужто не слыхал ты имени Хан-Боху?

— Как же, слышал, потому-то и явился, чтоб поглядеть на него. Я — Бадикан, исходил весь свет, бился с дэвами и чудищами — и всех поборол; пришел, чтоб и с тобой померяться силами.

Хан-Боху, посмотрев на Бадикана, чихнул, отчего Бадикан отскочил на целую десятину, а потом и говорит Бадикану:

— Вернись, Бадикан, не бойся, вижу ты тоже храбрец, я тебя не трону. Если хочешь, оставайся у меня, прислуживай мне. А что до твоего меча и стрел — они мне не страшны, продолжай их носить — на охоте пригодятся.

Бадикан согласился и на время поступил к нему в услужение.

Однажды Хан-Боху сказал Бадикану:

— Видишь, братец, мне смерть и болезни не страшны, но сердце мое гложет одно горе: у восточного царя имеется дочь — она краше

солнца; семь раз пробовал я ее похитить — не удалось. Достань мне ее, — дам тебе все, чего ни попросишь. Бери из казны моей денег, бери лошадь и оружие и отправляйся в путь.

Бадикан согласился и поехал за царской дочерью. Добравшись до города, где сидел ее отец, он переоделся в тамошнюю одежду, поступил в работники к садовнику и работал при царском дворце. Царская дочь, смотря из своего окна в сад, приметила, как Бадикан в свободное от работы время, принарядившись, расхаживает по саду, и он приглянулся ей. И стал Бадикан сниться ей во сне. Снилась и она Бадикану.

Не раздумывая долго, царевна послала служанку сказать Бадикану о своей любви. Бадикан же дал ей знать о том, что он — царевич, совершил много подвигов и, услышав об ее славе, явился сюда поглядеть на нее. Поглядев — полюбил и ждет ее приказа.

Город тот охранялся строго, так как царь ожидал нападения. В этом городе бились с врагами женщины наравне с мужчинами. Царевна дала знать Бадикану, чтоб он вышел погулять за черту города, куда выйдет и она, и если он храбрец, пусть похищает ее.

Как только царевна с сорока служанками появилась на берегу моря, Бадикан, прискакавший на коне, схватил ее, посадил за собой, ударил коня и улетел как орел. Служанки растерялись от неожиданности. Пока докладывали царю о случившемся, и стар и млад собирались на выручку царевны. Бадикан успел спрятать девушку в укромном месте, вышел навстречу

царской рати и перебил ее. Потом он снова взял девушку к себе на седло, помчался, переплыл море и стал у дворца Хан-Боху.

— Бадикан, да чтоб я стала твоей жертвой, — промолвила девушка, — за всю дорогу ты мне ничего не сказал — умоляю, скажи, — для себя ли ты меня похитил?

— Уж раз называешь имя бога, я должен сказать тебе правду. Я тебя похитил для Хан-Боху, — ему я дал слово.

— Сколько бы ни старался Хан-Боху, не мог бы завладеть мною. Не думай и ты, что меня мог бы похитить, если бы я сама не пошла на это. Да чтоб в черном ходили девушки — они рабыни своего сердца. Я ради тебя дала себя похитить, если ты меня не возьмешь, утоплюсь в море, брошусь со скалы, стану кормом рыб и хищников.

И стала девушка проклинать мужчин за их жестокость и коварство, дав себе слово живою не даться в руки Хан-Боху.

Сжалился над царевной Бадикан и поклялся освободить ее из рук Хан-Боху и жениться на ней. Но тут пришел Хан-Боху, поблагодарил Бадикана за услугу и повел девушку в свои покои. Он обращался с царевной очень ласково, боясь, как бы не наложила она на себя руки.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая моя, чего бы тебе хотелось, чтобы я мог утолить твое желание?

— Будь здоров, я хорошо чувствую себя у тебя, но знай — отец и мать с меня взяли слово, что семь лет я должна оставаться непорочной, иначе они проклянут меня.

— Хорошо, — ответил Хан-Боху, — уж раз ты у меня — вытерплю не семь, но и семнадцать лет.

Заключив такое условие, оба они попросили Бадикана остаться у них во дворце и быть посаженным отцом на свадьбе.

Так жили они некоторое время. Но царевна и Бадикан были в смущении. Замышлять убийство Хан-Боху они и думать не смели, так как стрела и меч против него были бессильны; а если бы тайком убежали от него, все равно он бы их настиг.

Однажды, когда Хан-Боху, положив голову на колени девушки, беседовал с ней, царевна попросила его:

— Расскажи-ка мне, как это ты умудряешься оставаться в живых, когда на тебя нападает так много врагов? Где же хранишь ты свою душу? Значит не любишь меня, если скрываешь. Нечего мне тогда и жить на белом свете!

Хан-Боху не мог устоять перед этими словами девушки.

— На семь дней пути отсюда есть белая гора. Там живет белый, непобедимый бык, он не допускает к себе ни человека, ни зверя. Раз в семь дней он поднимается на вершину горы, утолить из родника жажду. Выпив семь глотков, бык возвращается вниз. В животе этого быка живет белая лисица, в животе белой лисицы есть белый ларец, а в ларце живут семь белых птичек. Они-то и есть моя душа, — тайны моих семи сил. Нельзя ни быка побороть, ни лисицу поймать, ни раскрыть ларец, ни изловить птичек. Если убьют быка, убежит лисица;

поймают лисицу — не откроется ларец; откроют ларец — улетят птички.

Девушка, выведав все эти тайны, рассказала Бадикану и прибавила:

— Я свое сделала, если ты мужчина — сделай свое.

Выждав время, Бадикан отпросился у Хан-Боху на месяц, чтоб поехать в дальние места поохотиться. Хан-Боху согласился. Бадикан поехал к дервишам и ворожеям и спросил:

— Как побороть чудище, ничем не уязвимое?

— Если оно мужчина — значит, женщиной; а если зверь — так вином, — ответили те.

Бадикан, захватив семь нош семилетнего вина, повез их и вылил в водоем белого родника, находящегося на белой горе, а сам поблизости вырыл яму и притаился в ней. Вскоре он заметил, как белый бык подошел к роднику и, услышав запах вина, подпрыгнул на высоту, равную высоте семи тополей, и с ревом отошел. Изнуренный жаждой, он явился к роднику на следующий день и, выпив вина, опьянел, потерял рассудок и упал наземь. Бадикан стремглав подбежал к нему и одним ударом меча снес ему голову. Хан-Боху в это время охотился. Как только отлетела голова быка, у Хан-Боху голова упала на грудь, и он весь задрожал:

— Будь проклят я, что выдал девушке свою тайну... белого быка зарезал либо Бадикан, либо кто другой... но раз мне она не досталась, не достанется никому!..

Произнеся эти слова, он побежал к себе, чтоб убить царевну.

Но в это время Бадикан распорол живот быка и, вынув оттуда обезумевшую лисицу, зарезал ее. У Хан-Боху сейчас же стал омрачаться рассудок и потекла кровь из носу. А Бадикан, обмакнув ларец в горячую кровь лисицы, открыл его. У Хан-Боху из ушей и изо рта стала литься густая кровь. Но, напрягая последние силы, он все же добрался до своего замка и так заревел, что кругом вздрогнула земля. Обезумевшая от испуга девушка, увидя приближающегося Хан-Боху, быстро поднялась на крышу, чтоб броситься оттуда и не достаться ему живой. Бадикан же в это время раздавил двух из птичек — и подогнулись колена Хан-Боху. Бадикан раздавил двух других — опустились руки Хан-Боху. Раздавил Бадикан двух остальных — выпали внутренности. И когда Бадикан схватил за ножки последней, седьмой, птички и разбил ее об камень, Хан-Боху изо всех сил ударился головой об утес, и у него высыпался мозг, — дым пошел изо рта и носа, и весь он одеревенел и остался неподвижным.

На вороном коне примчался Бадикан к девушке. Та сошла с крыши и обняла Бадикана...

Г. Срвандзтян. «Хамов-Хотов».
Записана в Турецкой Армении.

ВОЛШЕБНЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Жила-была старуха, и у нее был сын. Старуха ежечасно учила сына, чтобы тот не причинял вреда ни людям, ни животным, ни зверям. Жили они бедно. Каждый день сын ходил в лес, таскал на спине хворост, продавал на базаре и на выручку покупал хлеб себе и матери. Однажды, возвращаясь в село, паренек увидел, как детвора мучает кота, обвязав его веревкой. При виде страданий животного парень сжалился над ним и стал молить детей отпустить кота.

— Если уж так жалеешь, дай нам грошей, — выпустим кота!

Сын старухи отдал детворе свою дневную выручку — двадцать пиастров — и вырвал кота из рук мучителей. В тот день мать и сын легли спать голодными.

На другой день, когда сын старухи пошел в лес за хворостом, за ним поплелся и кот. Вечером он продал хворост на базаре за сорок пиастров и на двадцать купил хлеба. Возвращаясь домой, парень увидел, как детвора, поймав собаку, колотит ее. Сын старухи отдал мальчикам двадцать пиастров и освободил собаку.

На следующее утро с ним пошли в лес и кот, и собака. Выручив от продажи хвороста

шестьдесят пиастров, он на двадцать купил хлеба, на двадцать накормил кота и собаку и с оставшимися двадцатью пиастрами вернулся домой. На этот раз по дороге в село он увидел, как дети, поймав змею, истязают ее. Выкупив змею за двадцать пиастров, парень положил ее в глиняный кувшин. На следующий день, когда сын старухи хотел выпустить змею на волю, та не захотела уйти от него. В полдень, когда он вместе с котом, собакой и змеей пошел к холодному роднику обедать и накормил также и змею, та вдруг превратилась в красавца-парнишку, уселась рядом с сыном старухи и рассказала ему следующее:

— Я — царевич. Колдуны меня похитили и превратили в змея. Они наложили на меня зарок — оставаться до тех пор змеем, пока я не получу хлеба из рук человека. Потому-то я и приполз в село. Ты меня избавил от мученья, ты освободил меня от чар — я век буду тебе обязан.

Тогда сын старухи решил пойти и рассказать царю о случившемся с ним. Узнав об этом, царевич посоветовал парню:

— Когда царь спросит, чего бы ты хотел за услугу, проси перстень с его пальца. Перстень этот — волшебный, покрутишь камень в перстне — получишь, чего ни пожелаешь.

Когда сын старухи пришел к царю, тот сказал:

— Ты освободил моего сына, проси, чего хочешь!

— Хочу перстень, что на твоем пальце, царь! — ответил тот.

— Да согнется шея того, кто тебя научил этому! Однако я должен дать тебе его, раз обещал, — сказал царь и, сняв с пальца перстень, отдал его сыну старухи.

Несколько времени спустя мать посоветовала сыну взять себе в жены дочь царя. Сын согласился. Старуха пошла и села на скамье, предназначенной для свах. Царь вышел к ней и спросил — чего она хочет. Старуха ответила, что пришла сватать царевну за своего сына.

— Дочь я выдам, но сумеешь ли ты собрать мне такой халат (плату за дочь), какой я захочу? — спросил царь представшего перед ним парня.

— Достану все, что ты пожелаешь.

— Так достань золотую казну, дворец, равный тому, где я живу, два ряда деревьев от моего дворца до твоего дома, да чтоб посредине ковер был и по бокам ковра — всадники на белых конях.

Сын поклонился царю и побежал домой. Тут он повертел камень перстня, и царское желание исполнилось. Парень женился на царевне и поселился во дворце.

Прошло немного времени, как проведал о кольце один старик, знавший его чудесную силу. Он тотчас же проник во дворец под видом продавца колечек. Старухи уже не было, она умерла. Не было дома и сына старухи. Перстень лежал на полке, и старик его тотчас узнал. Он сказал царевне:

— Вот ты выбрала из моих перстней три — уступлю их все три за тот самый, что лежит на полке.

Ничего не знавшая царевна охотно достала перстень и передала его старику. Тот повертел камень и сказал:

— Пусть этот дворец с царевной и со всем ее добром перенесется на остров за семью морями.

И желание старика тотчас же сбылось.

Когда вечером вернулся сын старухи, он увидел на месте дворца свою прежнюю жалкую хижину. Понурив голову, царский зять пустился бродить по долам и по горам.

Кошка и собака сильно опечалились, узнав о горе, приключившемся с сыном старухи. Они дали зарок во что бы то ни стало раздобыть перстень и вернуть его своему хозяину. И вот, пустившись в путь, собака и кошка через моря и сушу добрались до царства мышей. Войска, оберегавшие границы, в испуге разбежались, и весть о появлении кота разнеслась по всей стране.

Мышиный царь собрал великий совет, укрепил границы и написал письмо царю черепах с просьбой послать ему на помощь против кота несколько тысяч воинов в броне. Написал также царю ежей, прося от него несколько тысяч колючих воинов. За эту помощь мышиный царь обещал царям черепах и ежей платить им дань в течение десяти лет, если только избавится царство мышей от кота. Не успел он подписать бумагу, как прибежала собака и сказала, что пришла послом от кота.

— Если хотите, — говорила собака, — чтоб всемогущий кот не истребил все мышиное племя, пусть мышиный царь пошлет к коту не-

сколько жирных мышей, умеющих плавать, и пусть они повезут кота и меня по морям.

Мышиный царь выполнил это требование кота. Он выделил семь жирных мышей.

— Довольно! — сказала собака.

Когда мыши предстали перед котом, тот велел им броситься в море, за ними бросилась в море собака, на которую сел кот, и они стали плыть по морям. Добравшись до средины семи морей, они увидели остров, на котором высился дворец. Кот приказал мышам войти во дворец и достать у старика перстень. Дело было ночью. Во дворце все спали. Мыши прогрызли в стене дырочку, добрались до покоев, где спал старик. Но на пальце старика перстня не оказалось. «А может, он спрятан у него во рту?» — решили мыши. Тут одна из них запустила хвостик в лежавшую рядом со спящим табакерку с нюхательным табаком и потом сунула кончик хвоста в ноздрю старика. Тот чихнул, перстень вылетел изо рта, мыши подхватили его и доставили коту. Кот за эту услугу возвел семерых мышей в ханский сан. Когда кот и собака вернулись к своему хозяину и положили перед ним перстень, тот повертел камень и вернул себе на старое место дворец и царевну. Во дворце был и тот старик, высохший от испуга.

С этих пор сын старухи никогда не расставался с котом и собакой и не чаял в них души.

Г. Сրвандзтян. «Хамов-Хотов». Записана в Турецкой Армении.

ПО ОДЕЖКЕ ПРОТЯГИВАЙ НОЖКИ

Однажды царь вызвал к себе всех портных своей страны и приказал им сшить ему одеяло по его росту: не длинно и не коротко. Никто из портных не мог исполнить желания царя, и он велел отрубить всем им головы.

После этого пришел к нему еще один портной.

— Царь, — сказал он, — я сошью тебе одеяло, и оно тебе будет впору: не длинно и не коротко. Прикажи — возьмусь за работу.

— Ладно, шей, — ответил царь, — но смотри, предупреждаю заранее, если оно будет хоть немного длинно или коротко, прикажу отрубить тебе голову.

— Согласен, — ответил портной.

Он взялся за работу, сшил одеяло нарочно немного покороче, принес и положил перед царем; сам же под фартуком спрятал хлыст.

— Царь, будь здоров, — сказал портной, — я принес тебе одеяло, какое ты хотел; посмотри, доволен ли ты.

— Дай-ка погляжу, впору ли оно.

Царь лег, натянул на себя одеяло, но ноги его остались непокрытыми. Тогда портной достал из-под фартука хлыст и стегнул им по голым ногам царя. Царь сейчас же спрятал ноги под одеяло.

— Держи ноги по длине своего одеяла, — сказал портной.

Услышав эти умные слова, царь ничего не сказал портному, щедро вознаградил его и отпустил с миром.

Недаром говорит пословица:

— По одежке протягивай ножки.

Т. Навасардян. «Армянские народные сказки», кн. III. Записана в араратской деревне.

ЛГУН

Жил-был царь. Однажды он послал во все стороны трубачей, которые стали кричать народу:

— Эй, вы! Кто из вас лучше всех солжет, тому царь даст золотое яблоко!

Стали приходить к царю отовсюду: царевичи, дети назиров, визирей, — одним словом, очень много людей, но никто не мог угодить царю.

Пришел, наконец, к царю бедняк с большим кувшином в руке.

— Чего тебе надо? — спросил царь.

— Здравствуй, царь, — ответил бедняк, — я пришел получить свои деньги: ты ведь мне должен кувшин золота.

— Врешь ты, — ответил царь, — я тебе ничего не должен.

— Вру? Так дай мне золотое яблоко, коли я вру.

Царь, поняв его хитрость, стал отнекиваться:

— Нет, ты не врешь.

— А не вру, так плати долг.

Царь, видя, что лгун выиграл, ни слова не сказав, достал и дал бедняку золотое яблоко.

Т. Навасардян. «Армянские народные сказки», кн. III. Записана в араратской деревне.

ЖЕНЩИНА, ДАВШАЯ СЕБЯ ПОЦЕЛОВАТЬ НИЩЕМУ

Жил-был поп. Однажды, когда надо было служить обедню, он встал рано утром и пошел в церковь.

Его жена должна была в этот день печь хлеб. Растопила она тондир и начала выпекать хлеб. От жара тондира лицо попадьи до того покраснело, что стало похоже на яичницу.

В это время по улице проходил нищий. Услышав запах свежего хлеба, он сказал про себя: «пойду-ка попрошу кусочек».

Открыв дверь, он вошел и остановился у тондира. Но, увидев раскрасневшиеся щеки попадьи, нищий совсем забыл о хлебе и все смотрел ей в лицо. При виде нищего попадья, по тамошнему обычаю, сейчас же вынула из тондира горячий хлебец и протянула ему. Но нищий отказался.

— Так чего же ты хочешь, дядя? — спросила попадья.

— Мне ничего не нужно. Молю тебя только об одном: дай, ради бога, расцелую тебя в обе щеки и уйду.

Попадья, услышав имя божие, не устояла: осмотрелась по сторонам и, видя, что никого нет, молча подставила щеки нищему. Тот

хорошенько, со смаком, поцеловал ее в обе щеки и пустился наутек.

После службы поп вернулся домой и, увидав жену, занятую выпечкой хлеба, сказал:

— Жена, я хочу спросить у тебя одну вещь, но, смотри, говори правду.

— Ну, что ж, спрашивай, отчего не ответить.

— Не согрешила ли ты сегодня?

Попадья стала было отпираться, но, видя, что поп сильно настаивает, рассказала подробно все, что с ней случилось.

— Сегодня, — начала она, — пришел к нам нищий. Дала я ему хлеба, а он не взял. «Чего же тебе надо?» — спрашиваю я его. «Умоляю именем бога, подставь мне щеки, поцелую разок». Ради бога я подставила ему щеки, он поцеловал и ушел. Вот и все, муж мой: не знаю теперь, согрешила я или угодила богу — поступай со мной, как хочешь.

— Если, жена, ты так любишь бога, — ответил поп, — то погляжу я, бросишься ли ты ради него в тондир.

При этих словах попадья положила в сторону рапату [1], перекрестилась и бросилась в пылающий тондир.

По велению бога, тондир сейчас же наполнился водой, а попадья превратилась в прекрасную рыбку и начала в ней плавать.

Т. Навасардян. «Армянские народные сказки», кн. III. Записано в араратской деревне.

[1] Подушка, на которую натягивают тонкие полосы теста, когда пекут армянский хлеб — «лаваш».

ОХИК [1]

Жили-были муж и жеиа. Был у них один-единственный сын. Однажды отец взял его с собой, чтоб отдать мастеру в ученье. Дойдя до родника, крестьянин остановился напиться, утолил жажду и сказал: «Охай!» Сейчас же из-под воды вышел Охик и, став перед ним, спросил:

— Что тебе от меня нужно? Куда держишь путь?

— Иду отдать сына в ученье, — ответил мужик.

— Дай его мне, я хороший мастер.

Отец отдал ему сына, и Охик, взяв мальчика, спустился к себе вниз под воду. Крестьянин вернулся домой.

Прошло некоторое время, и родителям мальчика стало житься плохо.

Отец пришел к роднику, напился и сказал: «Охай!»

Сейчас же вышел из-под воды Охик и спросил:

— Зачем ты вызвал меня?

— Да вот живется нам туго; я пришел, чтоб взять к себе сына, пусть он нам помогает, — ответил отец.

[1] Охик — имя, образованное от междометия «охай», означает: «Ах, как хорошо!»

— Он еще не обучился мастерству, — сказал Охик.

— Коли так — дай нам что-нибудь, чтоб мы могли перебиваться.

Охик спустился в воду, вынес скатерть, дал ее мужику и сказал:

— На, бери это себе. Если захочешь есть — разверни ее, она вся покроется пищей.

Мужик взял скатерть и вернулся к себе. Дома он разостлал ее и увидел, что на ней появилась всяческая пища.

С тех пор они стали жить без нужды. Однажды жена говорит мужу:

— Я хочу пригласить к нам в гости жену мелика [1].

— Не надо, жена, — ответил мужик, — увидит она у нас скатерть и отнимет ее.

— Ну, а я все-таки приглашу ее, — настаивала жена.

— Не надо, говорят тебе, сама не обрадуешься.

Но жена настояла на своем и пригласила жену мелика и других соседок в гости.

Гости пришли к ней и заметили, что у хозяйки ни очаг не горит, ни приготовлений к обеду не сделано.

— Зачем же она зря нас пригласила? — стали они спрашивать друг у друга.

Когда настала пора обеда, женщина достала скатерть, постлала ее, и она сейчас же покрылась всякими явствами. Увидя это, жена мелика подумала: «Дай-ка я украду у нее эту

[1] Мелик — феодальный князь.

скатерть», — и, обратившись к находившемуся тут деревенскому старосте, шепнула:

— У нас дома есть точь-в-точь такая же скатерть, беги и принеси ее, мы их обменяем.

Староста побежал в дом мелика, принес, что она просила, и жена мелика тайком подменила скатерть крестьянки.

Гости разошлись.

Вечером, когда мужику и его жене захотелось есть, они достали скатерть и постлали ее, но, к их удивлению, скатерть ничем не покрылась. Тут они догадались, что скатерть украла жена мелика.

На следующий день мужик с женой пришли к роднику, напились и сказали: «Охай». Немедленно выскочил Охик:

— Чего вам надо?

— Голодны мы, — ответили они.

— Да ведь дал же я вам скатерть?

— Пришла к нам жена мелика и украла ее.

Охик спустился к себе и принес им тыкву.

— Вот вам, берите. Если вы станете ее трясти, из нее выскочит конница; она пойдет войною на мелика.

Муж и жена взяли тыкву и вернулись к себе. Дома они стали ее трясти, и из тыквы выскочили вооруженные всадники. Собравшись, они пошли войною на мелика и начали ломать стены, двери, окна его дома. Собравшиеся спросили, почему они воюют:

— Мы приехали взять обратно скатерть, украденную женою мелика, — ответили воины.

Мелик испугался и сейчас же отдал скатерть воинам, а они возвратили ее крестьянину. Тот

снова спрятал конницу в тыкву и повесил ее на стене.

Прошло несколько лет, и, наконец, крестьянин сказал жене:

— Наверное, наш сын уже обучен. Пойдем-ка за ним.

Они отправились к роднику, напились воды, сказали: «Охай».

Охик появился и спросил — зачем его вызвали.

— Верни нам нашего сына, — ответили родные, — обучен или нет — довольно с него.

— Пойду и посмотрю — если увижу, что обучен — приведу, — сказал Охик и спустился к себе.

У Охика была дочка. Она сказала юноше:

— Видишь, сколько здесь отрубленных голов, — это все головы учеников моего отца. Если отец спросит тебя, научился ли ты ремеслу, отвечай — нет. А не то и ты тоже лишишься головы.

Охик, придя к себе, спросил юношу:

— Ну, паренек, скажи, обучен ли ты, чтоб я вернул тебя твоим родным?

— Нет, мастер, не обучен.

Охик стал его бить, исколотил и все требовал, чтоб парень сказал, что обучен. Но тот все твердил, что не обучен. Видя, что старания его бесполезны, Охик взял юношу и вернул его родным. Дорогою сын сказал родителям:

— Идите вы вперед, а я вас догоню.

Юноша превратился в вороного коня, обогнал родителей, задев по дороге отца, и, опять превратившись в юношу, подошел к ним.

Увидя сына, отец сказал:

— Сынок, жаль, что ты отстал от нас. Когда тебя не было, мимо нас промчался огненный конь. Будь ты с нами — мы бы его поймали.

Покуда они дошли до дому, сын превращался в десять различных животных и пробегал мимо родителей. Дома он сказал отцу:

— Батя, бежавшие мимо тебя конь, лань, олень и другие животные — был я. Мое ремесло — превращение. Вот я превращусь в коня, и ты возьми меня и продай на базаре. Но смотри, продай без узды. Узда — это я, если ты ее продашь вместе с конем, я больше не вернусь.

Несколько раз превращался он в вороного коня, отец продавал его без узды, и сын вечером прибегал домой. Однажды, когда отец продавал сына, превращенного в коня, Охик был на базаре; он узнал в коне своего ученика и его отца и подошел к ним. Отец не узнал Охика.

— Что дать тебе за этого коня? — спросил Охик мужика.

— Сто пятьдесят, — ответил отец.

— Но ты должен продать мне с уздой.

— Нет, я продаю без узды.

— Я дам тебе двести, только продай коня с уздой, — сказал Охик.

Мужик соблазнился деньгами и уступил. Охик взял коня к себе в родник, привязал к столбу и сказал дочери:

— Присмотри-ка за ним, я пойду принесу лук и пронжу его стрелой.

По уходе Охика девушка освободила коня, и тот, превратившись в птицу, улетел. Охик пу-

стился за ним, превратившись в ястреба. Птичка, завидя свадьбу, превратилась в розу и упала среди пирующих. Ястреб превратился в ашуга[1] и с сазом[2] в руке пришел к пирующим. Все гости по очереди стали нюхать розу, когда же черед дошел до ашуга, он взял розу, смял и хотел разорвать ее, но роза превратилась в горсть проса и рассыпалась по земле. Одно из зерен попало в чувячок одного из гостей. Ашуг превратился в курицу-наседку, и та со своими цыплятами стала клевать просо. Но зерно, застрявшее в чувячке гостя, превратилось в лисицу, задушило наседку с ее цыплятами и вновь превратилось в юношу.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье всему белому свету.

Т. Навасардян. «Армянские народные сказки», кн. VI. Записана в араратской деревне.

[1] Ашуг — народный певец на Востоке.
[2] Саз — струнный инструмент в роде мандолины.

ТРОЕ БЕЗБОРОДЫХ И РАЗОРИТЕЛЬ ЯРО

Жили-были в одном городе трое безбородых. Они занимались тем, что каждый день выходили на проселочные дороги и надували встречных крестьян. Безбородые нарочно не работали вместе, чтоб показать крестьянам, что они не знают друг друга.

Как-то раз один мужичок, по имени Яро, послал своего сына в город с коровой, наказав ему продать ее:

— Смотри, сынок, бери за корову не меньше трех золотых: корова наша красивая и молочная.

Рано утром сын крестьянина пустился в город, погнав перед собою корову, единственную кормилицу семьи. За селом он встречает одного из безбородых.

— Здорово, братец, куда держишь путь? — спросил безбородый.

— Доброго здоровья, я иду в город. Отец мой наказал продать там эту корову, — ответил парень.

— Да что с тобой, не говори другим, что это корова, — над тобой посмеются. Это телка, а не корова. Если ты хочешь ее продать, так и быть, я куплю ее за тридцать курушей [1].

[1] Куруш — пиастр, турецкая мелкая монета, равная девяти копейкам.

— Дурака, что ли, ты нашел, брат, что смеешься надо мной? — сказал мальчик и пошел дальше.

— Хе-хе, — расхохотался безбородый, — вот придешь в город и там поймешь, что животное твое не корова, а телка.

Пройдя немного дальше, мальчик встретил другого безбородого.

Тот сказал ему то же самое, что и первый. Мальчик не послушался.

— Паренек, — добавил безбородый, — я за телку дам на десять курушей больше, чем другие, послушай ты меня — не то пожалеешь. Мне тебя жалко: вижу, что ты человек бедный.

Пройдя дальше, мальчик стал говорить про себя: «Боже, неужто отец подсунул мне телку и сказал, что она корова? Будь, что будет, ведь не безбожники же все горожане, чтобы обмануть меня. Если встречу еще покупателя, который скажет, что это телка — продам».

Прошел мальчик еще немного и добрался до города. Тут его остановил третий безбородый. Повторив все, что сказали двое первых, он добавил:

— Братец, пойми, ведь мы христиане, окрестили нас в одной купели, почему же ты упираешься? Дай мне телку, человек я недурной и заплачу за нее на пятнадцать курушей больше, чем другие.

Увидя, что все встречные в один голос говорят, будто у него телка, а не корова, и боясь, что другие, может быть, не дадут за нее и сорока курушей, а этот встречный дает целых сорок пять — мальчик сказал безбородому:

— Давай деньги, я продам телку тебе.

Мальчик взял деньги, радостно вернулся домой и закричал на отца:

— Батя, да обрушится твой дом[1], почему ты зря выдал телку за корову? Кого я ни встречал, все мне говорили, что это телка, и я ее спустил за сорок пять курушей.

— Да чтоб ты ослеп, дурачина! — ответил отец. — Кому это ты спустил, ведь тебя надули!

— Нет, батя, люди, которых я встретил дорогой, были хорошие. Их было трое.

— Ах, сынок, знаю, это безбородые. Хорошо, не беда. Я буду не я, если не отомщу.

Бедняк был человек добрый и умный, но денег у него не было и неоткуда было их ему раздобыть.

После долгих поисков он пошел к соседу и сказал:

— Молю тебя, бери себе, если хочешь, мою избу, но дай мне в долг три золотых.

Сосед дал ему три золотых, и он, вернувшись домой, взял своего осла и погнал в город. Завидев одного из безбородых, он немедленно всунул в зад осла золотые. Поровнявшись с ним, Яро пырнул осла острым концом палки; осел поднял хвост и выбросил один золотой, а крестьянин сейчас же поднял его и положил себе в карман.

Заметив это, безбородый страшно обрадовался и сказал:

— Братец, продай мне своего осла, я его куплю.

[1] Точный перевод общеупотребительного восклицания.

— Нет, брат, осел этот не имеет цены, если семь колен твоих дедов соберутся — не смогут заплатить за него.

Пошел Яро дальше и, поровнявшись со вторым безбородым, вновь подтолкнул осла палкой — тот снова выбросил золотой. Яро поднял, положил его себе в карман. То же проделал Яро и перед третьим безбородым. Все трое безбородых, убедившись, что осел Яро выбрасывает золото, собрались и пристали к нему:

— Продай, братец, осла, мы хотим его купить.

— Да рехнулись вы, что ли? За него вы не можете мне заплатить. Одно я могу сделать для вас — уступлю я вам своего осла на двадцать четыре часа.

После долгих разговоров Яро спустил осла безбородым за восемь тысяч курушей и, продав, научил их, как ухаживать за ослом, чтобы тот выбрасывал золото.

Осла взял к себе один из безбородых, ходил за ним, как наказал Яро, продержал его у себя двадцать четыре часа, но осел не выбрасывал ничего, кроме навоза. Безбородый же был человек себе на уме: ничего не сказав об этом своим товарищам, он передал им осла. Те тоже стали ходить за ослом, как им говорил Яро, но не добились ничего, кроме навоза. Они схватились за головы.

— Вот так дело! — сказали они. — Армянин этот нас надул и забрал наши деньги.

Яро же, придя домой, стал размышлять, как поступить ему дальше. Он знал, что так легко ему не избавиться от безбородых.

Он пошел и купил двух зайцев, заплатив за них пять золотых. Денег, что ли, у него не было! Да ослепнет нужда! Он совал руку в один карман — доставал золото, совал в другой — доставал серебро. Благо, не таскал камни, чтоб болели плечи!

Купив зайца, Яро сказал жене:

— Жена, я иду в поле. Возьми одного из зайцев себе и спрячь, другого я возьму с собой. Я знаю безбородые придут и спросят меня. Если придут — направь их ко мне в поле, а сама не забудь: приготовь двадцать разных кушаний и жди нас. Я хочу сыграть над ними шутку, — может, мне удастся обмануть их опять и подсунуть им зайца в оплату осла.

Чуть свет безбородые, запыхавшись, прибежали к Яро и спросили:

— Куда делся разоритель Яро?

— Дьявол ведает его. Наверно, работает в поле! — ответила им жена.

Узнав, где работал Яро, безбородые прибавили к своим двум ногам по двенадцати новых и стремглав пустились за ним. Найдя Яро в поле, безбородые чуть было его не убили.

— Братцы, — сказал им Яро, — зря вы сердитесь. Хотите ваши деньги — ладно, я их вам верну, они у меня дома. Посидите немного, я кончу работу, пойдемте со мной домой. Там позакусим малость, и я вам верну ваши деньги. Будьте покойны, я их не съел.

Сказав это, Яро достал из сетей зайца и, сказав: «побеги домой, скажи жене, чтоб она приготовила обед мне и гостям», — выпустил его.

Заяц, конечно, во всю прыть пустился в горы, но Яро так ловко подстроил это, что безбородые поверили, будто заяц побежал прямо домой.

Немного времени спустя Яро обратился к безбородым:

— Ну, братцы, двинемся ко мне. Там позакусим, верну я вам ваши деньги, и идите с богом. Знайте, что я не из тех людей, которые присваивают чужое.

Под вечер, когда они дошли до дому, Яро, еще не переступив порога, закричал:

— Ну, жена, живо подай нам покушать! Поедим малость, отдам я им их деньги, и пусть идут с богом.

Когда жена Яро стала расставлять двадцать кушаний, безбородые опешили. «Как ловко понял заяц слова Яро и передал жене его поручение», — думали они про себя, но не знали, что один такой же заяц у него был припрятан дома. Яро, конечно, сейчас же догадался, о чем они размышляли, и, не подавая виду, что знает их мысли, сказал гостям:

— Полно вам, братцы, думать. Кушайте на здоровье! Сейчас вот встану и верну вам ваши деньги.

Как только безбородые съели свой обед, разоритель Яро закричал:

— Жена, живо, дай ключ, я верну им их деньги!

Когда жена немного замешкалась, Яро напустил на себя гнев, взял палку и сделал вид, будто поколотил бы жену, не будь гостей.

— Ну, брат, успокойся, побойся бога, — ска-

зали безбородые, — зря не доставай денег, мы хотим у тебя купить зайца.

— Нет, братцы, шалите вы, зайца я вам не продам. Какая была мне польза от того, что я вам продал осла, а сейчас вы хотите, чтоб я вам зайца продал.

Но безбородые были люди жадные, душу свою продали бы за деньги, и потому решили между собой: «Если мы купим зайца, не только вернем наш убыток, но и наживемся». Они дали за зайца Яро столько же, сколько заплатили ему за осла, и, взяв зайца, ушли.

Когда они приблизились к городу, достали из мешка зайца и выпустили, наказав ему, чтоб он побежал и велел их женам приготовить обед. Но, придя домой, безбородые увидели, что жены их и палец о палец не ударили, и хорошенько поколотили их. Жены клялись и божились, что они не видели никакого зайца. Тут только безбородые догадались, что опять стали жертвой разорителя Яро и повернули назад к нему. Но Яро заранее приготовился к встрече безбородых. Он наполнил пузырь кровью и сказал жене:

— Я знаю, безбородые придут опять. Привяжи этот пузырь на шею. Когда они придут — я тебе скажу: «Скорей принеси деньги». Ты ни с места, будто не тебе говорят. Я рассержусь, закричу на тебя. Ты опять будто не слышишь. Тогда я схвачу острый нож и тебя зарежу. Ты не бойся — я проколю только пузырь. Как хлынет кровь — ты притворись мертвой.

Не успели войти безбородые, как Яро заорал на жену:

— Ну, жена, живо, достань и принеси их деньги!

Та — как будто не ей говорят.

— Да что это — ты не слышишь? Говорят, принеси деньги!

— Чтоб вы все очумели — не знаю, где ключ!

— Тебе говорят, негодяйка, живо!

— Чего ты кричишь, — говорят тебе, нет у меня ключа: девочка взяла да потеряла.

— Достань немедля ключ, не то зарежу тебя, как собаку.

— Руки коротки. Так я и поверила!

При этих словах Яро, будто вне себя от ярости, схватил жену за волосы, поволок в угол, повалил наземь и сделал вид, будто режет ее. Земля покрылась кровью.

Безбородые, увидя это, порядком струсили, подумав, что они еще могут оказаться причиной убийства. Они бросились к двери, но со страху и замешательства не находили ее.

— Радуйтесь, глупцы, из-за вас я понапрасну зарезал человека. Теперь — ваша очередь, не удерете вы от меня! — заорал на них Яро.

Покуда нашли дверь, у безбородых душа превратилась в зернышко проса. Они пустились без оглядки, дав себе зарок не показываться больше в тех краях, покуда там будет слышен голос Яро.

«Aht ahta khalmas»[1], — говорит турок, который сам проклят, но слово его священно.

[1] Турецкая пословица, по смыслу аналогичная библейской: «Кто другому яму роет, сам в нее попадет».

Теперь вернемся к Яро. После бегства безбородых жена его встала живая и здоровая. Муж и жена обняли друг друга, ели, пили, веселились, сбросили свои лохмотья и надели новые наряды. С тех пор полы шубы Яро всегда доходили до земли.

«Хлеб дурака в желудке голодного».

Да не покинет их никогда веселье, а безбородых — божий огонь!

Эминский сборник, вып. II. Москва. Записана в Турецкой Армении С. Айкуни.

ВРАЧ ЛОХМАН

В стране Аданы жил пятнадцатилетний охотник. Однажды, попав под проливной дождь, он был вынужден укрыться в пещере. Войдя в пещеру, юноша увидел там царя змей, старика с человеческой головой и змеиным туловищем.

Юноша развел огонь и высушил свою промокшую одежду. Царь змей правой рукой наложил печать на его спину. На разведенном им огне юноша изжарил шашлык из дичины, взял немного себе, а остальным накормил царя и четырех змей, находившихся при старике.

— Сынок, — сказал старик, — дающий пищу, дает и воду.

Юноша взял бурдюк, пошел к колодцу, наполнил его водой и вернулся в пещеру. Здесь он выдолбил в камне ямочку и наполнил ее водой. Приползли змеи к ямочке, напились и ушли.

— Сынок, — сказал старик, — меня мучает жажда, в чем ты дашь мне воду?

Юноша смастерил из бревна ковшик и дал старику напиться. Дождь лил под ряд три дня и три ночи, и юноша не мог выбраться из пещеры.

— Не можешь ли ты, сынок, откуда-нибудь поблизости провести ко мне источник?—спросил старик.

Юноша, проработав шесть дней, нашел источник, вырыл в пещере бассейн и провел туда воду. Потом он зарезал оленя, развел огонь, нанизал мясо на прутья и сказал старику:

— Вот тебе пища, когда изжарится — съешь, а я ухожу и приду потом.

— Не верю, чтоб ты вернулся, сынок. Оставь мне залог.

Юноша оставил залог и ушел. Но вскоре он вернулся и опять угостил старика и змей. Когда он собирался уходить, старик достал камень и отдал его юноше:

— Сынок, бери его и никому не показывай. Он драгоценный. Его секрет в том, что он ночью горит, как огонь. Ты его заворачивай в синее полотно.

Потом старик, усадив юношу, добавил:

— За то, что ты меня накормил и напоил, я тебя усыновляю. Но смотри, перед другими не раздевайся, чтоб не видели моей печати на твоей спине.

Юноша пустился в путь, продал камень в Франгистане (Франция), заплатил свои долги, построил дом и, купив сорок овец, опять пришел в пещеру. Поцеловав старику руку, он зарезал овец и угостил всех змей. Потом, зарезав барашка, зажарил шашлык и поставил его перед стариком. Старик достал новый драгоценный камень и, передав юноше, сказал:

— Кто бы тебя ни встретил, ты про меня никому не говори ни слова. Я — царь змей. Имя мое — Шах-Марар.

Юноша поцеловал ему руку, и, когда хотел пуститься в путь, Шах-Марар поднял палец, и

появились четыре змеи. Они проводили его — две спереди, две сзади. Дойдя до дома, юноша поблагодарил змей, и те, свернувшись, лизнули ему ноги.

Царь Аданы тяжело заболел: на нем появились страшные язвы, разъедавшие ему тело. Вызвали всех лучших врачей. Лечивший царя франгистанский врач приказал зарезать и ощипать двух кур и положить их на язвы. Боли царя стихли на время, равное времени выкурки чубука, но потом опять начались с прежней силой.

Развязали язвы и увидели, что они пожрали кур.

Царя этого звали Кюном, он основал Адану, и по его имени земля та называется Киликией.

Среди врачей, лечивших царя, был один очень знающий. Осмотрев язвы, он сказал царю:

— Царь, если раздобудут нужное мне средство, я поставлю тебя на ноги в один час. Дай мне сроку три дня.

— Хоть целый месяц, лишь бы ты меня исцелил, — ответил царь.

Главный врач поворожил и узнал, что печать Шах-Марара на спине охотника Пурто, и сказал царю, что если Пурто не приведет Шах-Марара, царь умрет.

Вызвали Пурто, и царь сказал ему:

— Освободи мою душу, сынок.

— Трудное это дело, царь, змеи меня ужалят.

Рассвирепел главный врач, привязал Пурто к столбу и стал его стегать. Крики Пурто наполнили небо и землю. Кричал он не

переставая. Но главный врач продолжал его бить. Он велел изрезать уши Пурто, посыпать в раны соли и перцу, выщипать из его тела мясо и довел Пурто до того, что тот, наконец, согласился пойти за Шах-Марапом.

Дорогой Пурто настрелял десять оленей, принес в пещеру и поклонился Шах-Марару. Шах-Марар, знал, зачем явился Пурто, и сказал:

— Так как я тебя усыновил, я не могу допустить, чтоб тебя мучили. Время сейчас неудобное, ляжем и поспим, а утром двинемся в путь.

Утром они пустились в путь, причем Пурто шел спереди, а Шах-Марар — сзади. Вместе с ними тронулись в путь и все змеи, но царь сделал им рукою знак, и они остановились.

— Вернитесь назад, — сказал Шах-Марар змеям. Пока вы будете получать подарки, будьте спокойны за меня, а дальше — поступайте, как хотите.

Дойдя до горы Навруз, покрытой благоухающими цветами, Шах-Марар сорвал один цветок и, передав Пурто, велел проглотить его, не жуя. Потом он нарвал еще пять пучков из дивно пахнувших «бальзамовых» цветков и, дав их Пурто, сказал:

— Эти цветы троекратно вскипяти и навар их выпей. Тогда будешь знать целебную силу всех трав и цветов.

Придя к себе домой, Пурто выпил навар цветов. Шах-Марар велел ему лечь спать. После сна Шах-Марар его спросил:

— Ну, что, Пурто, как ты себя чувствуешь? Скажи, какая целебная сила есть во мне?

— Царь, — ответил Пурто, — у тебя в голове четыре мозга: два правых — ядовиты, два левых — целебны.

Пурто получил эту мудрость от цветов.

Тогда Шах-Марар велел Пурто напоить его натощак семилетним красным вином, уложить, связать ему руки, отрезать голову, а тело похоронить [1]. Потом он наказал ему не переставать посылать подарки змеям, чтоб те не узнали о смерти Шах-Марара.

— Смотри, — предупредил его Шах-Марар,— если узнают змеи о моей смерти, то разорят всю землю.

Шах-Марар выпил семилетнего красного вина и лишился рассудка. Пурто связал ему руки, вырезал его мозг, приготовил два лекарства — ядовитое и целебное — и пошел к царю. Царь велел главному врачу отведать лекарство. Пурто протянул ему ядовитое. Тот не успел пригубить его, как лопнул, издав звук, точно выпалили из ружья.

Царь был поражен.

— Так-то ты хотел меня исцелить! — вскричал он.

Охотник Пурто, отведав целебного лекарства, дал его выпить царю. Царь выпил и исцелился. Пурто назначили главным врачом и с тех пор стали его называть врачом Лохманом.

[1] Примечание С. Айкуни: «Не раз приходилось мне видеть в Турецкой Армении, когда, убивая змею, тело ее непременно предавали земле. У народа существует поверье, что если змея останется незарытой, то она сосчитает звезды и вернется к жизни.

Народ уверен, что могила Шах-Марара существует и доныне».

Одна из змей того города, узнав о смерти Шах-Марара, сообщила об этом другим змеям. Змеи собрались и стали истреблять жителей. Дали знать царю. Тот вызвал врача Лохмана и спросил — как быть.

Лохман, захватив сорок тюков печени и четки Шах-Марара, отправился к змеям. Увидя четки Шах-Марара, змеи приняли Лохмана за своего царя и успокоились.

Лохман сказал змеям:

— Покуда вы будете получать подарки из печени, не трогайтесь с места — знайте, что ваш царь жив.

Пока врач Лохман был жив, подарки посылались. А народ и доселе по воскресным дням посылает змеям подарки.

Слава Лохмана стала расти. Лекарством, полученным из мозга Шах-Марара, Лохман оживлял мертвецов, и в течение семи лет никто не умирал.

Одна женщина каждый день ходила к врачу Лохману и стирала его белье. Однажды, когда она была занята стиркой, пришел к ней прекрасный юноша, молча всунул руку ей в карман и достал ключи. По уходе юноши жена Лохмана спросила:

— Кто был этот парнишка, что, не сказав ни слова, достал из твоего кармана ключи?

— Это мой сын. Он немой. Умоляю тебя, дорогая, упроси врача взять его к себе в ученики.

Когда Лохман вернулся домой, жена сказала:

— У прачки нашей глухонемой сын, возьми его к себе в ученики.

Жена Лохмана послала за сыном прачки, тот явился и поцеловал руку Лохману.

Спустя месяц Лохман сказал своей жене:

— Жена, я вижу, что этот юноша не глух и не нем.

С тех пор Лохман стал его мучить, чтоб тот ушел от него. Но ученик все притворялся глухонемым и стойко переносил все пытки, каким подвергал его учитель. Он в точности исполнял все поручения Лохмана, а учитель всячески старался, чтоб он не выведал тайн его лечения. Так он остался у Лохмана семь лет.

Однажды приехал к Лохману из дальних стран богатый человек, сильно страдавший от головной боли. Лохман заперся с ним в сенях, дал больному шербет, и тот лишился чувств. Тогда он, взяв нож, приподнял верхушку его головы и заметил внутри восьминогого гада. Сколько ни бился Лохман, чтоб поймать и вытащить гада щипцами и другими инструментами — это ему никак не удавалось. Он выбился из сил. За все время врачевания с ним не бывало подобного случая. Между тем за ним все время тайком следил ученик. Наконец он не вытерпел и закричал учителю.

— Дай раскалиться щипцам докрасна и схвати ими гада, — этак легко его вытащить.

Лохман поступил так, как сказал ученик, и исцелил больного; ученик же пустился от него наутек.

Придя домой, юноша достал три больших котла, полученные им в наследство, один наполнил молоком, другой вином, сам же полез в пустой котел, поставив под себя котел с мо-

локом, а над собой — котел с вином. Пусть он там пока сидит, а мы вернемся к Лохману.

Стал разыскивать Лохман юношу, но все напрасно. Он поворожил и узнал, что юноша находится меж Красным и Белым морями. Нанял моряков, пустился в поиски по всем морям, — но ученика не нашел. Тогда он явился к матери ученика и сказал:

— Мне сто сорок лет, я стар. Хочу видеть твоего сына. Поворожив, вижу, что сын твой на суше меж Красным и Белым морями. Верни его ко мне. Клянусь, я ему ничего худого не сделаю.

Мать вытащила сына из котла и привела его к Лохману.

— Сынок, измучил ты меня. Я — стар, после моей смерти никто не будет знать о тайнах моего врачевания, и имя мое исчезнет.

Юноша поцеловал руку учителя, и они выпили по чарке вина. Так как ученику еще не было известно, как Лохман возвращал к жизни мертвых и омолаживал стариков, то Лохман сказал ему:

— Поставь на огонь котел и дай мне выпить шербету. Когда вода вскипит, ты положишь меня в котел и закроешь его крышкой. Спустя сорок часов, вынешь меня из котла, укутаешь в вату и вольешь мне в рот этих капель.

Юноша сделал так, как ему наказал учитель, но когда он вливал Лохману в рот капли, архангел Гавриил подскочил и ударил юношу по руке, и в рот Лохмана попала лишь одна капелька. От этой капельки он только чуть-чуть ожил и успел лишь крикнуть:

— Лей, лей, лей!

Ученик похоронил учителя рядом с Шах-Мараром.

С тех пор юноша не имел покоя. В его ушах все время раздавалась мольба Лохмана:

— Лей, лей, лей!

Пустился он бродить по миру — но голос учителя преследовал его всюду.

Однажды он остановился в одном доме, где были епископ, поп, два чернеца и свыше ста гостей. Прожил он тут шесть дней и за это время ни разу не заметил, чтоб кто-нибудь здесь смеялся.

— Батюшка,—спросил ученик священника,— почему тут все такие мрачные? Если я тому причиной, так я уйду.

— Сын мой, нет. Тут рожает одна женщина, да никак не может разродиться. Днем и ночью она кричит от боли. Вызвали всех врачей, и никто не может ей помочь.

— Сказали бы мне, и я бы ей помог, — ответил ученик Лохмана и пошел помочь женщине.

Женщина родила мальчика и избавилась от страданий. Ученика Лохмана поблагодарили, сделали его крестным и устроили ему широкое угощение. Только тут он в первый раз после смерти Лохмана спокойно заснул. Он не спал в течение двадцати пяти лет, а теперь проспал двадцать четыре часа, и голос Лохмана замолк.

Отсюда он вернулся к своей матери. Та его женила. Свадьбу играли семь дней, семь ночей.

Однажды он зашел в кофейню. Ашуги узнали

в нем ученика Лохмана и стали задавать загадки друг другу.

— А вот я вам задам загадку, разгадайте, — сказал он ашугам.

— Нет, ты ученик Лохмана, мы с тобой тягаться не сможем.

— Я саза[1] вашего не возьму, не нужны мне также и ваши деньги, — ответил ученик Лохмана ашугам и стал петь:

Кто тот, кого вода не мочит,
Кого земля не кроет ржой?
Кто в небесах гремит-грохочет,
Кто тот, что стонет под землей?

Никто не мог разгадать. Тогда он сказал:

То селезня вода не мочит,
То золото не кроет ржой,
То тучи на небе грохочут,
То Лохман стонет под землей.

Эминский сборник, вып. II. Записана в Турецкой Армении С. Айкуни.

[1] По обычаю, существующему у народных певцов-ашугов Армении, побежденный при состязании певец обычно отдает свой музыкальный инструмент (саз, кяманча) победителю.

МЕРТВЕЦ-МОЛОДЕЦ

I

Жили-были муж и жена, да была у них дочка, которую они отдали в ученье соседу. Прошло месяц, два, три. Однажды мастер и говорит девушке:

— Возьми кувшин, поди за водой.

С тех пор месяц, два, три девушка ходила за водой.

Раз, когда она подошла к роднику, вышел оттуда седобородый старик и говорит:

— Девушка, быть тебе прахом—если умрешь; быть тебе мертвецом-молодцом, — если поживешь!

С тех пор месяц, два, три девушка стала таять. Она сильно исхудала. Раз, когда она пошла к родным, отец ей говорит:

— Ты больна, дочка, верно, тебя отравили чем-нибудь, что так исхудала.

— Меня не отравили, и я не больна: мой мастер послал меня к роднику за водой. Из родника вышел старик и сказал мне: «Быть тебе прахом — если умрешь; мертвецом-молодцом — если поживешь».

Подумали-подумали отец с матерью.

— Муженек, ты должен взять дочку нашу в чужой край, — сказала мать.

Отец взял дочку и пустился в путь.

Долго ли, коротко ли они шли: день-два, месяц-два — неизвестно, наконец, дошли до одного города.

— Ты подожди меня, я пойду за нуждой — вернусь, — сказал отец дочери.

Девушка стала поджидать отца у стены.

Вернувшись, отец не нашел дочки на месте: стена раскрылась, и дочка вошла в нее. Не найдя дочки, отец решил про себя: «Это дело рук мертвеца-молодца, это он похитил мою дочку», — и вернулся во-свояси.

Девушка же, идя дальше, раскрыла семь дверей и, войдя в последнюю, нашла там мертвеца. «Нашла-таки мертвеца-молодца!» — подумала она.

Тут девушка села, положила голову мертвеца на колени, берегла и ухаживала за мертвецом: год, два, три, четыре. Раз как-то, взглянув в окно, видит девушка цыган, а за ними плетется молодая цыганка и просит, умоляет взять ее с собой:

— Берите, молю вас, меня с собою, я — бездомная сирота!

Но цыгане ушли, даже и не посмотрев на нее. Тогда цыганка стала плакать. Девушка пожалела ее и подозвала:

— Иди, сестрица, схватись за подол моего передника, я тебя подниму наверх.

Цыганка схватилась за подол передника, и девушка подняла ее к себе. Три года она прожила у девушки.

Видя, что семь лет истекли, и мертвец-молодец должен проснуться, девушка говорит цыганке:

— Положи голову мертвеца-молодца к себе на колени, я пойду и помоюсь. Когда молодец шевельнется раз — ты меня не зови; шевельнется два — ты меня не зови. На третий раз ты меня позовешь: молодец проснется, и мы дождемся нашего счастья.

II

Девушка пошла помыться, а цыганка села и положила голову мертвеца-молодца к себе на колени.

Мертвец-молодец дважды шевельнулся — цыганка не позвала девушку. Шевельнулся третий раз — не позвала, и мертвец-молодец, проснувшись, взял себе цыганку в жены. Девушка же, выходившая молодца, стала служанкой у цыганки.

Мертвец-молодец каждый день наказывал цыганке кормить, поить девушку.

Часто молодец выходил побродить и возвращался домой через день — два — неделю. Однажды цыганка говорит ему:

— Поди, купи мне для платья полосатую манусу [1].

— Да ведь манусу носят курдянки, лучше я тебе куплю платье, которое носят армянки, — ответил мертвец-молодец.

— Нет, я хочу манусу, ее мне и купи.

— Ладно, — согласился молодец, — а теперь поди спроси свою служанку, чего бы она хотела, чтобы я ей купил.

Цыганка пошла, спросила.

[1] Мануса — ткань, вырабатывавшаяся в г. Манусе, находящемся в Малой Азии, недалеко от Смирны.

— Я бы хотела, чтобы мне мертвец-молодец купил куколку, кувшинчик и чашку яду, — ответила та.

Молодец отправился на рынок, купил для цыганки манусу и повернул домой, но по дороге вспомнил поручение служанки и опять пошел на рынок, купил куколку, кувшинчик и чашку яду.

Придя домой, молодец сказал цыганке:

— Видать, у служанки твоей большое горе, не то не просила бы меня купить ей яду. Смотри за нею — как бы она не наложила на себя рук.

Получив свои вещи, девушка расставила их перед собою и стала рассказывать им все то, что произошло с ней. И она спрашивает их:

— Куколка, кувшинчик, кому из нас сгинуть? Семь лет я ходила за молодцом, но пришла цыганка — отняла его у меня!

А куколка и кувшинчик ей в ответ:

— Мы сгинем, а ты живи!

Когда девушка трижды повторила свои слова, мертвец-молодец крикнул ей:

— Пусть сгинут куколка и кувшинчик, а ты живи!

При этих словах куколка и кувшинчик сгинули.

Тут только и узнал мертвец-молодец, кто его настоящая суженая.

Эминский сборник, вып. IV. Москва. Записана в Турецкой Армении С. Айкуни.

ЗМЕЯ ПРЕДАННЕЙ ЖЕНЫ

Жила-была злая женщина. Она изводила мужа, а тот ничего не мог поделать с ней. Однажды, когда стало мужу невмоготу, он взял мешок и говорит жене:

— Пойдем соберем в поле сухого навозу.

Жена пошла с мужем. Когда они добрались до колодца, муж говорит жене:

— Дай-ка я спущу тебя в колодец, достань воды — напьемся.

Та согласилась. Но, спустив жену, он тотчас же побежал, раздобыл большой камень и закрыл им отверстие колодца. Потом он поискал змею и тоже бросил ее в колодец. Поймал волка и медведя — бросил тоже вслед за змеей. Жена снизу крикнула:

— Что же, ты этак думаешь избавиться от меня? Погоди, выйду отсюда, проучу я тебя!

— Звери не дадут тебе выйти из колодца! — ответил муж сверху и вернулся к себе домой.

Спустя неделю он говорит себе: «Дай-ка пойду к колодцу посмотрю, что стало с женою».

Придя туда и сдвинув камень, он услышал вой зверей:

— Умоляем, спаси нас от этой женщины, покою от нее нет, — век не забудем твоего добра.

Муж, спустив веревку, поодиночке вытащил змею, волка и медведя и отпустил их на все четыре стороны.

— Вытащи и меня, не то худо тебе будет! — крикнула жена.

— А ты поумнела, чтоб я тебя вытащил?

— Это не твое дело, говорят тебе — вытащи!

Муж спустил веревку и вытащил жену.

Как только она вышла, тут же, у колодца, набросилась на мужа и хорошенько его исколотила:

— Да чтоб я тебе посыпала голову пеплом, — как это ты посмел лишить меня моего очага! Пойдем-ка домой, не такую еще головомойку тебе задам! — накричала она на него в сердцах и вернулась домой.

Ночью раздался стук в дверь. Муж, открыв дверь, увидел волка, гнавшего в избу пять овец:

— Этих овец бери себе за то добро, которое ты мне сделал, — сказал волк.

— Кто доставил этих овец? — спросила жена мужа.

— Волк, которого я бросил к тебе в колодец, — ответил муж.

— А посмел бы он не доставить? Это он от страха передо мной.

На следующий день перед их домом остановился верблюд, нагруженный всяким добром.

— Кто доставил верблюда? — спросила жена мужа.

— Медведь, — ответил муж.

— Видно, и медведь не забыл головомойки, которую я ему задала, — сказала жена — Ви-

дишь, как трепещут хищники передо мною, посмей только после этого ослушаться меня!

Муж решил верблюда и овец зарезать и сделать ховурму [1], а добро, нагруженное на верблюде, отдал жене.

Вскоре царские гонцы стали кричать на улицах: «Пропал нагруженный царский верблюд! Кто его доставит царю — будет награжден. А у кого его найдут — тому голову снимут!»

Услышав об этом, жена побежала домой и говорит мужу:

— Ты зарезал царского верблюда, пойду-ка я сейчас об этом скажу царю: меня наградят, да заодно и от тебя избавлюсь!

Муж взмолился:

— Не губи меня! Не ходи к царю!

Та не послушалась — пошла и донесла царю:

— Так и так, — мой муж зарезал верблюда и сделал из него ховурму, а добро припрятал. Сколько ни говорила: не надо красть царского добра, — не послушался.

Царские гонцы пришли, забрали мужа и бросили его в темницу. По приказу царя на следующий день утром должны были отрубить ему голову.

Узнав о беде, случившейся с крестьянином, змея приползла во дворец, проникла в сени, где лежал шестимесячный царский внучек, и обвилась вокруг его шеи. Невестка царя, увидя змею, вскрикнула и бросилась бежать. Дали знать царю. Он пришел, увидел и потерял го-

[1] В скотоводческих районах так варят мясо, что оно держится обычно всю зиму, залитое в своем жиру.

лову: змею убить было нельзя, иначе мог бы погибнуть и ребенок. Когда весть об этом дошла до крестьянина, сидевшего в темнице, он сказал про себя: «Это моя змея — она приползла выручать меня!»

— Подите доложите царю, что я так сниму змею с шеи ребенка, что он останется невредим, — сказал крестьянин.

Царь велел привести его к себе.

— Если ты снимешь змею с шеи моего внучка, получишь все, что хочешь, — сказал царь.

— Царь-батюшка, — ответил крестьянин, — я избавлю твоего внучка, но ты дай слово, что не тронешь моей змеи.

— Обещаю!

Крестьянин подошел к царскому внучку, приподнял полу чухи, подставил ее змее и сказал:

— Дорогая змея, ты оказалась преданней моей жены, — сползи с шеи ребенка!

Змея сейчас же сползла с шеи ребенка, заползла на чуху крестьянина и свернулась клубком. Закутав змею, крестьянин поднял ее и предстал перед царем.

— Как же ты снял ее с шеи ребенка? — спросил тот.

— Да никак. Только сказал, что она преданней моей жены, и змея сама снялась с шеи ребенка, — ответил крестьянин.

— Видно, тут что-то кроется, — расскажи-ка ты мне, в чем дело?

— Расскажу, царь, если ты разрешишь сначала пойти в поле — выпустить змею на волю.

Выпустив змею, крестьянин вернулся к царю и, рассказав ему про проделки жены, спросил у царя:

— Ну, что же, имел ли я, царь, право сказать змее, что она преданней жены?

— Имел! — ответил царь и велел отрубить жене голову, чтобы муж навсегда избавился от ее напастей.

Эминский сборник, вып. IV. Москва. Записана в араратской деревне С. Айкуни.

СЫН ПАХАРЯ

Однажды один крестьянин пошел в поле пахать землю. В полдень его жена захотела послать мужу обед. А у этого крестьянина был семилетний сын. Он сказал матери:

— Мать, дай-ка я понесу обед отцу.

— Сынок, ты мал, ты не найдешь отца, — ответила мать.

Сын стал упрашивать:

— Не бойся, матушка, молю тебя. Дорогу я знаю, дай понесу обед.

Мать, наконец, согласилась, завязала хлеб в узел, прикрепила ему на спину, похлебку налила в миску, дала сыну в руки, и тот пустился в путь.

Малыш не заблудился — доставил обед прямо отцу.

— Сынок, как это ты нашел меня? — спросил отец. — Коли так, возьми понеси обед к роднику, я туда приду, и поедим.

— Нет, отец, — сказал сын, — маленько обождем, сейчас к нам подъедут два гостя. Как подъедут — и поедим с ними вместе.

— С чего это ты взял, что к нам гости едут? Неужто не знаешь, что люди мы простые?.. Тысячу раз говорил я тебе, чтоб ты зря не болтал! Поди расстели супру (скатерть), маленько поотдохну, приду, — сказал отец.

А в это время издали показались два всадника. Когда они приблизились, мальчик сказал им:

— Пожалуйте, пообедайте с нами!

Всадники удивились и глазами-бровями дали знать друг другу — дескать, что бы это могло быть хорошего у таких бедняков, что собираются их потчевать...

Мальчик, не долго думая, разложил еду и предложил всадникам покушать с ними. Те сошли с коней, поели и поблагодарили пахаря и его сына.

— Аги, откуда едете и куда держите путь? — спросил после обеда гостей сын пахаря.

— Сын нашего царя тяжело захворал, вот мы и едем в Алеп (Алеппо) за врачом Лохманом. Говорят, только он и может его исцелить, — ответили всадники.

— Лохман сейчас не в Алепе, а в городе Шаме, — сказал мальчик.

— С чего ты взял, что он в Шаме? Нам известно, что он в Алепе.

— Это уж мое дело. Послушайтесь меня, не ездите зря в Алеп, поезжайте прямо в Шам, он живет на краю города, вы его там встретите, возьмете и повезете с собой.

Всадники поступили так, как им посоветовал мальчик, — нашли врача Лохмана и повезли его с собой к царевичу.

— Откуда вы узнали, что я в Шаме, ведь об этом никто не знал? — дорогою спросил Лохман у всадников.

Те рассказали про сына пахаря. Услыхав об

этом, Лохман весь затрясся. «Если в такие годы мальчик до того умен, так что же из него выйдет, когда он подрастет! Отнимет он у меня хлеб и опозорит меня! Я должен во что бы то ни стало его погубить!» — думал Лохман про себя.

Когда они приехали к царю (царь сидел в Багдаде), тот спросил Лохмана:

— Что нужно сделать, чтобы мой сын выздоровел?

Лохман нарочно стал подольше расспрашивать и щупать больного, как будто хотел определить болезнь, хотя с первого же взгляда узнал, чем исцелить царевича, и, наконец, сказал царю:

— В Анатолийской земле живет семилетний пахарь. Твои всадники знают его. Нужно доставить сюда этого мальчика, зарезать его, достать из него почки и сердце и дать их покушать царевичу, — тогда он исцелится и будет как ново рожденный, — другого средства нет.

Царь немедленно снарядил гонцов и приказал им хитростью ли, деньгами ли, но заманить и доставить сына пахаря.

— Только смотрите, — сказал царь гонцам, — не заикнитесь, что его хотят убить. Говорите, что царю он нужен на время, и потом вернется к себе домой.

Долго ли, коротко ли ехали всадники и, наконец, приехали они в Анатолийскую землю, нашли пахаря и передали ему волю царя.

Услышав об этом, пахарь опечалился и сказал:

— Да здравствует царь, откуда он знает

меня и моего сына?.. Человек я бедный, на что ему мой сын?..

Умный мальчишка сейчас же догадался в чем дело и тайком сказал отцу:

— Ты не бойся, бери за меня от царских гонцов сколько можешь денег, — я поеду. Бог милостив — не пропаду...

Эти слова мальчика подбодрили пахаря; он потребовал за мальчика от гонцов много золота и отпустил его.

Гонцы, прихватив мальчика, радостные вернулись к себе и показали его царю и Лохману. Так как в тот день у царя было много других важных дел, он велел визирю держать у себя мальчика до следующего утра.

Визирь вместе с мальчиком пошел к себе, поместил его в особой комнате, а сам стал у дверей на страже и принялся вздыхать и охать.

Мудрый мальчик заметил это и спросил визиря о причине его горя. Визирь, испустив глубокий вздох, сказал:

— Горя у меня до сего дня не было, а сейчас я горюю потому, что утром тебя, по приказу Лохмана, должны зарезать, вынуть из тебя сердце и почки и дать их покушать царевичу.

— Если ты меня жалеешь, так окажи милость. Найди в городе покойника моих лет, достань его сердце и почки, покажи их царю и Лохману, но про меня скажи, будто я хотел убежать, а меня настиг ты и убил — и эти почки и сердце вынул из меня. Этак спасемся и я, и ты!

Визирь послушался мудрого мальчика, достал еще теплого покойника, вынул из него сердце

и почки, понес их и положил перед царем и Лохманом.

Когда те спросили визиря, как это он убил мальчика до срока, тот им рассказал, что мальчик хотел убежать, и пришлось поймать, отрубить ему голову мечом, а почки и сердце он вынул и доставил царю. Лохману только этого и хотелось. Он поверил словам визиря, очень обрадовался и тотчас исцелил царевича, — конечно, не почками и сердцем покойника, а другими лекарствами. А визирь ночью тайком послал сына пахаря к нему на родину.

Много ли, мало ли протекло с тех пор времени, но вот однажды мысирские (египетские) рыбаки с утра до вечера бились у воды и не могли поймать ни одной рыбы. Под вечер, когда рыбаки хотели вернуться к себе, один из них сказал:

— А ну-ка я на мое счастье еще разок брошу невод — авось что-нибудь да поймаю, — бросил невод и вытащил одну до того красивую рыбку, что от блеска ее красоты больше семи секунд под ряд нельзя было смотреть на нее.

— Вот ровно двадцать лет я рыбарю, — сказал рыбак, поймавший рыбку, — а такой прелестной рыбки не видывал. Понесу-ка я ее к царю, он мне за это даст «пешкеш» (подарок)...

Когда рыбаки доставили рыбку царю, он долго не мог отвести от нее глаз и, вдоволь налюбовавшись, велел понести показать ее царице. Царица, узнав об этом, велела сказать царю через своих служанок, что она пустит

в свои покои рыбку только в том случае, если рыбка не самец, а самка.

Услышав об этом, рыбка подпрыгнула в чаше и громко засмеялась. О смехе рыбки немедля дали знать царю.

«Знать, что-нибудь тут да кроется, — неспроста рыбка засмеялась!» — подумал про себя царь и велел непременно узнать причину смеха рыбки. Собрали всех мудрецов и ученых, но никто из них не мог разгадать этой тайны. После долгих расспросов, узнали, что тайну эту может разгадать лишь мудрый сын пахаря, живущий в Анатолийской земле. Царь приказал послать за ним.

На этот раз отец также не хотел отпустить сына, но тот успокоил его, сказав: «Ты бери за меня золота, сколько дадут, и не печалься, — авось не пропаду».

Приехав в землю царя, сын пахаря явился к нему, поклонился семь раз и на восьмой скрестил руки и стал. Царь рассказал ему про смех рыбки и велел разгадать причину. Быстро смекнув, в чем тут дело, мальчик ответил:

— Царь, будь здоров, знаю причину смеха рыбки, но не скажу!

Как ни заставлял его царь объяснить причину, тот заупрямился и не отвечал. Чтоб его запугать, царь велел посадить мальчика в темницу, наказав утром отрубить ему голову, если он не расскажет тайны смеха рыбки. Утром опять царь стал убеждать его выдать тайну, но мальчик молчал. Тогда царь велел отрубить ему голову.

— Ежели так, царь, — попросил мальчик, —

разреши мне рассказать тебе сказку, а уж потом поступай со мною, как хочешь.

Царь разрешил.

«Однажды один царь пошел на охоту, — начал мальчик. — Долго он бродил и почувствовал сильную жажду. Но кругом воды не было. Жажда изводила царя.

— Дам что угодно тому, кто раздобудет мне чашечку воды! — сказал он своим людям (до того ему хотелось пить)...

Наконец одному из людей царя удалось в расщелине камня найти немного воды. Осторожно собрав ее в чашку, он понес царю, и тот, взяв чашку, хотел было поднести ее ко рту, как находившаяся неподалеку от царя собака толкнула его руку своей лапкой и разлила воду.

— Подлая ты тварь, неужто жалко тебе каплю воды, которой я хотел утолить жажду! — сказал царь и ударом меча рассек животное пополам.

— Царь-государь, это неспроста толкнула она тебя лапой, зря ты убил собаку, — заговорили люди царя. — Дай-ка сначала попить немного этой воды одному из коней, а затем пей и ты.

Не успел конь глотнуть этой воды, как сейчас же раздулся, лопнул и околел.

— Жаль, зря я погубил бедную тварь! — сказал царь, увидя это».

Рассказав сказку, мальчик добавил:

— Смотри, царь-государь, как бы ты не сожалел, приказав отрубить мне голову. Подумай хорошенько!..

При этих словах царь задумался и велел вновь взять и посадить мальчика в темницу.

На следующее утро опять привели мальчика к царю. Царь сколько ни старался, заставляя его объяснить причину смеха рыбки, но мальчик, словно сел на коня сатаны... заупрямился — и царь ничего не мог с ним поделать. Тогда он вышел из себя и велел взять мальчика и отрубить ему голову.

— Царь, воля твоя, — сказал сын пахаря,— поступай, как знаешь, но прежде чем меня убить, позволь расскажу еще одну сказку.

Царь согласился, и тот начал:

«У одного царя был любимый визирь. Однажды этот визирь позвал к себе в гости царя со всеми его домочадцами. После обеда, когда все были навеселе, визирь решил показать на дворе игру обезьяны. С царем вышла и царица, оставив своего грудного ребенка в колыбели, под охраною верного царского пса. Откуда ни возьмись, из щели в стене выползла змея и хотела ужалить ребенка, но пес, увидев это, бросился на змею, впился в нее зубами и задушил... Убив гада, пес выбежал на порог и стал облизывать окровавленные лапки. Заметив окровавленного пса, царь решил, что он погубил его сына, и, недолго думая, выхватил меч и рассек пса пополам. Но войдя в сени и увидя искусанную змею и здорового ребенка в колыбели — царь поразился. Уже было поздно, животное было мертво. Царь сильно опечалился, что зря убил верного пса».

Рассказав это, мальчик обратился к царю:

— Царь-батюшка, смотри, как бы и ты так же не пожалел, приказав меня убить!..

На следующее утро вновь привели мальчика к царю.

Тот опять заупрямился и твердил: «Знаю, да не скажу!»

На этот раз царь вышел из себя и закричал:

— Уберите его и отрубите ему голову! Чтоб я его больше не видел!

— Царь, — сказал сын пахаря, — я не ропщу, пусть польется моя кровь во славу тебя, но умоляю, выслушай еще одну сказку, а уж после нее поступай со мною, как хочешь!

Скрепя сердце, царь дал свое согласие, и сын пахаря начал:

«У одно царя была красивая птица, которую он очень любил. Однажды эта птица, сидя на коленях царя, сильно опечалилась — насупила брови.

Заметя это, царь спросил:

— Что стало с тобою, птичка-джан, — неужто тебя обижают у меня?

По велению бога, птичка получила дар речи и ответила:

— Царь, да будет длинна жизнь твоя! Ведь должен ты знать, что у меня есть мать и отец, я не родилась из стенного отверстия! Как это ты ни разу не сказал мне — полети к родным, повидайся с ними и вернись!.. Как же мне не опечалиться после этого!

При этих словах царь велел распахнуть двери и сказал птице:

— Да будут благословенны родные твои! Лети, повидайся с ними и передай им от меня привет!..

Птица радостная улетела к родным, осталась

у них пятнадцать дней и вновь прилетела к царю.

Перед расставанием с родными птица сказала им:

— Вот я улетаю к своему царю, что же вы дадите мне для него?

Отец и мать птицы дали ей две косточки яблони, чтоб та доставила царю в подарок от них.

Птица, держа в клюве косточки, прилетела в землю царя и, проникнув в его покои, опустилась рядом с ним и положила косточки царю на колено.

Царь, расспросив о здоровье ее родных, взял косточки в руки, показал своим визирям, потом, вызвав садовника, велел посадить косточки в саду.

Садовник исполнил волю царя, посадил косточки, и спустя несколько лет выросли две дивные яблони, равных которым не было во всем царском саду. На яблонях тех выросло по одному яблоку. Садовник решил яблоки эти, как только они хорошенько поспеют и зарумянятся, поднести царю и получить за них подарок. Но как-то утром, подойдя к яблоням, он заметил, что одно из яблок сорвалось с ветки и упало наземь. Недолго думая, он взял яблоко и понес его к царю. Диву дались люди царя, увидя яблоко — до того оно было красивое.

— Дай-ка, царь-батюшка, попробуем, каково оно на вкус, — сказал один из визирей.

Царь достал из кармана ножик с алмазным черенком, снял корку с яблока, отрезал кусок и хотел было взять его в рот, но птица царя

быстро подлетела к нему и так сильно ударила крылом по руке царя, что отрезанный кусок яблока отскочил от него на семь мер. Все поразились.

Царь до того разгневался, что схватил птицу за ножки и разорвал ее пополам:

— Жадная ты тварь, неужто жалко было тебе, чтобы я съел ломтик яблока, выросшего из принесенной тобой же косточки!

— Царь, ты зря погубил птицу! Тут что-то кроется. Дай-ка дадим кожуру ягненку, посмотрим, что станется с ним, — сказали люди царя.

Царь велел привести ягненка. Но не успел тот взять в рот кожуру от яблока и глотнуть, как весь распух, лопнул и околел.

— Тысячу раз жаль мою птицу! Зря я ее погубил! — сказал царь при виде этого и велел на следующий день обезглавить садовника и его жену.

Когда садовник, весь дрожа от страха, пришел домой и рассказал о воле царя жене, та наказала мужу принесть другое яблоко.

— Лучше помрем, съев яблоко, чем если отрубят нам головы, — сказала она.

Садовник одобрил слова жены, пошел, сорвал другое яблоко и принес домой. Но, съев это яблоко, оба они сильно помолодели.

Когда утром палачи пошли за ними, они очень удивились, увидя их помолодевшими. Дали знать царю. Тот вызвал садовника и его жену и расспросил их — как это случилось, что они так помолодели.

— Царь, будь здоров, — сказал садовник, —

яблоки те были райские. То, что сорвалось с ветви, может быть, было отравлено укусом змеи, потому-то ягненок и погиб, съев кожуру от него...

Царь даровал им жизнь».

— Царь-батюшка, — кончил я свою сказку,— сказал сын пахаря, — воля твоя: прикажи меня убить. Но, смотри, как бы после не расскаялся и не сказал: «Почему я зря погубил сына пахаря, — может, когда-нибудь он понадобился бы мне!»

Тогда царь снова стал просить его, чтобы он рассказал причину смеха рыбки, обещав даровать ему жизнь.

— Я рассказал три сказки. Так и быть, расскажу причину смеха рыбки, но не тут. Прихвати арбуз, пойдем к царице — поедим, и там же зараз я расскажу, чтоб узнала об этом и царица, — ответил мальчик.

Царь немедля приказал подать арбуз, воткнул в него свой ножик с алмазным черенком и, дав арбуз сыну пахаря, вошел вместе с ним к царице.

Когда они входили в покои царицы, мальчик тайком вынул из арбуза царский ножик и спрятал его.

— Ну, теперь рассказывай причину смеха рыбки, — сказал царь мальчику.

— А вот сначала съедим арбуз, а потом расскажу, — ответил мальчик.

Когда захотели разрезать арбуз, увидели, что нет ножика. Поискали тут и там — но все напрасно, ножика не оказалось.

— Царь-батюшка, тут кроме нас никого не

было, чтоб можно было обвинить его в краже ножа. Если его украли, так украл один из нас: прикажи обыскать сначала меня, если не найдёшь — по очереди обыщите остальных.

При этих словах сын пахаря сбросил с себя одежду и дал себя обыскать. Ножика у него не оказалось.

Когда царь захотел сбросить с себя одежду, мальчик не позволил:

— Ты, царь-батюшка, малость повремени, — сказал мальчик. — Мне кажется, что ножик вот у той служанки, что в голубом платье стоит рядом с царицей. Сначала обыщите ее.

При этих словах царица взволновалась и закричала:

— Что это вы, головами своими играете, что ли! Слыхано ли дело, чтоб перед мужчиной раздевали женщину, да притом девушку!

— Если так — я не расскажу причину смеха рыбки, — вставил сын пахаря.

Царь рассвирепел и приказал, чтоб немедленно раздели прислужницу и обыскали ее.

Кто тут посмел бы перечить и итти против воли царя! Мигом вытащили упиравшуюся служанку и раздели ее. И что же оказалось!.. Перед ними была не дочь Евы, а сын Адама. За нею раздели всех остальных сорок служанок и увидели, что они все вода на ту же мельницу!..

— Царь-батюшка, — вмешался мальчик, — теперь тебе ясно, почему засмеялась рыбка? Твоя царица, чтобы казаться скромной, не хотела впустить к себе в покои рыбку-самца, — ну как было не засмеяться бедной рыбке!

Но царь в бешенстве прервал парня и приказал отрубить головы и царице, и всем сорока служанкам, а сына пахаря усыновил, завещав ему свое царство.

С неба упали три яблока: одно рассказчику, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

Эминский сборник, вып. I. Записана в Ширакской деревне (нынешний Ленинаканский район) Ал. Мхитаряном.

АРЕВАХАТ И ОДЗАМАНУК (ЗМЕЯ-ОТРОК)

Жил-был царь. Как-то раз он вышел на балкон и заметил во дворе змею, игравшую со своими детенышами. Увидя их, царь сказал:

— Как был бы я рад, если бы у меня был ребенок, которого я мог бы ласкать. Неужели я хуже этой змеи, что у меня нет даже змееныша?

Судьба услышала голос царя и дала ему змееныша.

Пришли его поздравлять:

— Царь, — говорили ему, — поздравляем, жена твоя разрешилась, но жаль, что она родила змееныша.

— Благодарю бога и за это, — ответил царь, — такова, видимо, его воля.

Змееныш рос не по дням, а по часам. Неделю спустя превратился он в вишапа (дракона). Управители не знали, как с ним быть. Змееныш все кричал и требовал есть, но, когда давали ему пищу, он отворачивался и норовил ломать стены.

Однажды, когда пришла посмотреть на змееныша дочь назира, он схватил ее за руку, потащил в комнату и проглотил. Тут все догадались, что его нужно кормить девушками.

Царь приказал ежедневно доставлять змеенышу по одной девушке. Люди царя пустились

на розыски беспризорных детей, чтобы ими можно было кормить змееныша.

Как-то раз нашли они одну девушку, по имени Аревахат, и привели ее к царю.

— Бросьте ее моему сыну, — велел царь.

Люди царя от страха уже не могли открывать двери, и Аревахат спустили к нему через ертик [1].

— С добрым утром, царевич, — сказала Аревахат, очутившись со змеенышем наедине.

При этих словах змееныш сбросил с себя чешую, превратился в прекрасного отрока и уселся рядом с девушкой. Они сильно полюбили друг друга.

Когда царь послал узнать о судьбе девушки, царевич сказал:

— Что это вы закрыли двери, — отворите.

Двери открыли и пошли доложить о случившемся царю. Царь очень обрадовался, увидев, что змееныш превратился в красивого отрока. Сильно понравилась ему и Аревахат.

— Ну, чего ты теперь хочешь, сынок? — спросил у него царь.

— Да здравствует царь, я хочу, чтобы ты женил меня на Аревахат, — ответил сын.

Царь дал свое согласие.

Устроили свадьбу и пировали под ряд семь дней, семь ночей и пили за здоровье Аревахат и Одзаманук.

После свадьбы царь вызвал к себе Аревахат — попросил ее рассказать ему, кто она и откуда.

[1] Ертик — на Востоке отверстие в крыше, заменяющее окно.

— Да здравствует царь, — начала Аревахаг, — я была беспризорная девушка; не было у меня ни отца, ни матери. Была у меня лишь одна мачеха. Ежедневно она давала мне по фунту шерсти и говорила:

— Гони стадо в поле, сучи эту шерсть и возвращайся вечером.

Давала она еще краюху черствого хлеба да говорила:

— Половину этого хлеба ты вечером принесешь обратно.

Сучила как-то я шерсть, стоя на скале. Вдруг вижу — скала разверзлась, и прялка моя упала в щель. Нагнувшись, я увидела внизу пещеру, в которой сидела старуха. Я попросила ее дать мне прялку.

— Девушка, — сказала она, — я не могу встать с места, спустись сама и возьми.

— А как же мне спуститься к тебе?

— Через овраг, девушка.

Пошла я через овраг и увидела, что дверь в пещеру открыта. Вошла в пещеру, взяла прялку и хотела было вернуться, но двери уже не было.

— Нани (бабушка), куда делась дверь? — спросила я.

— Деточка, поди ко мне, я хочу кое-что сказать тебе, а там покажу дверь.

Когда я подошла к старухе, она сказала:

— Возьми веник и подмети сени.

Когда я сделала это, старуха спросила:

— Чьи сени чище — мои или ваши?

— Твои чище, нани, — ответила я, хотя наши были чище.

Потом она сказала:

— Деточка, садись ко мне, я положу голову к тебе на колени, а ты поищи в ней маленько.

Когда я сделала и это, старуха спросила:

— Чья голова чище — моя или твоей матери?

— Твоя, нани, — ответила я.

Потом старуха сказала:

— Меня клонит ко сну, дай-ка я положу голову к тебе на колени и немного вздремну. Когда я засну — потечет черная вода, — ты меня не буди, потечет красная — не буди. Но когда потечет желтая, ты сейчас же меня разбудишь.

— Хорошо, — сказала я.

Старуха заснула. Вижу, полилась черная вода, — я ни слова. Потом полилась красная, — я все молчу, но когда полилась желтая, я закричала:

— Нани, вставай, полилась желтая вода!

Старуха мигом вскочила с места, схватила меня за ноги и погрузила в воду: волосы мои стали словно золотые. Потом старуха, показав мне дверь, говорит:

— Теперь, девушка, иди с богом.

Я вышла из пещеры и пришла к нашему стаду.

«Как же мне быть теперь, — сказала я про себя, — если покажусь с этими волосами мачехе — она меня прибьет и выдерет мне волосы».

Попросила я пастуха зарезать барашка с тем, чтобы он мясо взял себе, а шкуру дал мне.

— Сделаю это для тебя, — сказал пастух и, встав, зарезал барашка.

— Посиди немножко, — сказал он мне, — зажарю шашлык, и съедим вместе.

Зажарил он шашлык, съели мы, и потом он дал мне шкуру барана. Я надела ее на голову и закрыла волосы. Когда же шкура высохла на солнце, вечером я собрала стадо и погнала домой. Прихожу домой, а мачеха набросилась на меня:

— Почему не сучила всей шерсти? — и ударила меня. — Иди-ка сюда, я помою тебе голову: сегодня суббота.

— Не хочу сегодня мыть голову, — ответила я.

Тут родная дочь мачехи подскочила, сорвала с меня шкуру, и мои золотые кудри рассыпались по плечам.

— Что это значит? — заорала на меня мачеха.

Тогда я ей все подробно и рассказала.

— Смотри-ка, чтоб утром ты повела мою дочку на скалу; пусть и у ней будут золотые кудри, — сердито сказала мачеха.

Утром, чуть свет, она вывела стадо, дала сестре фунт шерсти, хлеба, и мы пошли. Там я показала сестре скалу. Она стала на ней и начала сучить шерсть. Скала раздвинулась, и прялка упала в щель. Сестра нагнулась и, увидев в пещере старуху, сердито сказала:

— Передай мне, нани, прялку!

— Девушка, я стара, не могу встать с места.

— А где же вход в пещеру?

— Через овраг.

Когда сестра вошла в пещеру, взяла прялку и, обернувшись, не нашла двери, она спросила:

— Где же, нани, дверь-то?

— Поди, девушка, — ответила старуха, — у меня к тебе дело.

Сестра подошла к ней, а старуха спросила:

— Чьи сени хороши — ваши или наши?

Та сердито ответила:

— Конечно, наши!

— Ладно, не взыщи, я старая женщина, нет у меня никого, чтобы держал сени в чистоте. Сядь-ка, я положу голову на твои колени, поищи у меня маленько в голове.

Когда она поискала, старуха спросила:

— Чья голова чище — моя или у твоей матери?

— Ну, конечно, у моей матери голова чище.

— Девушка, — ответила старуха, — я маленько засну. Когда потечет желтая вода, ты не буди, потечет красная — не буди. Но когда потечет черная — ты меня разбуди.

Старуха заснула. Потекла желтая и красная вода, девушка не будила старухи, потекла черная вода — девушка разбудила ее. Та встала, схватила ее за ноги и погрузила в черную воду. Несчастная вся почернела, а на лбу у ней по вис кусок кожи.

— Ну, теперь можешь итти, дверь открыта, — сказала старуха.

Та обернулась и, увидев, что дверь открыта, взяла прялку, вышла из пещеры и пришла ко мне.

При виде ее я ужаснулась и спросила:

— Что случилось с тобой?

— Не знаю, — ответила она, — старуха меня погрузила в воду, и я стала такая.

Так мы и пошли домой. Когда мачеха увидела

свою дочь, она взяла палку, исколотила меня и выгнала из дому. Вышла я в поле, села под дерево и заплакала. Тут пришли твои люди и забрали меня.

Я спросила у них:

— Куда же вы меня ведете?

— Мы берем тебя для царевича, — ответили они.

Вот таким образом я и попала сюда.

«Маргаритнер», кн. I. Записана в араратской деревне (Аштарак).

ЖЕНА ТКАЧА

Жил-был в городе Багдаде царь. Однажды он сказал своему визирю:

— Дай-ка я издам приказ и посмотрю, исполнит ли его население.

— Делай, как хочешь, воля твоя, — ответил визирь.

Объявили по городу царский приказ, чтобы никто не смел зажигать у себя света. Ослушнику грозило наказание быть посаженным на кол.

С наступлением темноты царь велел своим людям ходить по городу и смотреть — нет ли где-нибудь света.

Царские гонцы нигде не заметили света, но когда они вышли на окраину города, то в одном окошке увидели свет.

Войдя тихонько в дом, они застали ткача, работавшего на станке, а рядом с ним — его жену, прявшую на прялке. Притаившись, они услышали такой разговор:

— Муженек, меня клонит ко сну, — сказала жена мужу.

— Положи голову ко мне на колени и усни, — ответил муж.

Жена положила голову на колени мужа и заснула. Через некоторое время муж разбудил жену и сказал:

— Жена, теперь ты садись за прялку, а я посплю. Жена встала, села за прялку, и муж положив голову на колени жены, заснул.

Гонцы доложили царю:

— Царь, во всем городе лишь у одного ткача горел свет.

— Вызовите ко мне этого ткача, — велел царь.

Когда ткач явился, царь сказал:

— Как это ты посмел нарушить мой приказ? Ведь приказал же я, чтобы в городе никто не зажигал света!

Ткач ответил царю, что он человек бедный, живет своим трудом, что у него не будет куска хлеба, если он не станет работать днем и ночью.

— Послушай, — сказал царь, — ты, видно, человек хороший. Чего тебе быть ткачом? Поди убей свою жену, приходи ко мне, и я тебя сделаю визирем: пей и гуляй в полное свое удовольствие до конца своей жизни.

— Нет, царь, — ответил ткач, — если даже не дадут мне заниматься своим ремеслом, я скорее милостыню стану просить, но жене моей вреда не причиню.

— Ну, так проваливай, чорт с тобой!

Ткач ушел, и царь велел вызвать его жену. Пришла она в царский диван [1] и спросила:

— Царь, зачем ты вызвал меня?

— Я знаю, ты женщина хорошая, но до каких же пор ты хочешь работать на прялке и быть женой ткача? — сказал царь.

— А что же мне делать, царь?

[1] Диван — «суд», приемная палата во дворце.

— Поди убей мужа, вернись ко мне: я тебя сделаю царицей, и ты будешь у меня жить припеваючи. Ведь мне тебя жалко, — сказал царь.

— Поверить ли мне? — спроеила она.

— Царь никогда не говорит неправды — поверь.

Когда ткачиха вернулась к себе домой, царь раскаялся и сказал про себя: «А вдруг и впрямь она убьет мужа?» — и послал за ней своих слуг, наказав им уберечь ткача, чтобы жена не убила его.

Ткачиха же, придя к себе, наточила нож, спрятала за пазуху и села прясть.

Ткача стало клонить ко сну, и он сказал жене:

— Жена, посплю-ка я малость.

— Положи голову на мои колени и спи, — ответила жена.

Когда тот уснул, жена осторожно приподняла его голову, положила на бревно, достала нож, отрубила мужу голову и потушила свет.

Когда царская стража доложила, что свет у ткача погас, царь сказал:

— Ах, как жаль, я стал причиной смерти ни в чем неповинного человека!

Жена ткача, покрывшиеь чадрой, пошла к царю во дворец. Ворота были закрыты, и она подождала до утра. Царская стража, увидев утром женщину, стоявшую у ворот, спросила, кто она.

Та ответила, что пришла к царю с жалобой и хочет видеть его. Ее впустили в царский диван.

— Кто ты такая? — спросил царь.

— Я была у тебя вчера, царь. Я жена ткача, — ответила она.

— Зачем ты пришла?

— Ты же сказал мне: иди убей мужа, и я тебя сделаю царицей. Я пошла, убила мужа, и вот я тут.

Царь разгневался, вызвал палача и приказал отрубить ей голову. Затем он велел своему визирю:

— Я еду на охоту, а ты возьми с собой воинов, поди сначала ко мне и зарежь всех женщин, потом пойди в свой дом и сделай то же самое у себя, а потом вырежь весь женский пол в городе до двухлетнего возраста. Если вернусь и найду хоть одну женщину — велю отрубить тебе голову.

Сел на коня и поехал.

Визирь опешил и поплелся домой с опущенной головой и со слезами на глазах. У визиря был сердобольный отец. Видя плачущего сына, он спросил:

— Что это с тобой случилось, сынок?

— Отец, — ответил визирь, — царь рассердился на меня.

— Почему?

— Да вот одна дрянная женщина, жена ткача, убила своего мужа, царь же разгневался и велел мне убить всех женщин: сперва у него в доме, потом у нас, а под конец во всем городе, да так, чтобы ни одна женщина не уцелела. Если к его возвращению в городе останется хоть одна женщина — он отрубит мне голову.

— Эх, сынок, — сказал отец, — рано или поздно ты должен умереть и лучше умри сейчас,

но не бери на душу грех стольких смертей. А вот подожди до вечера, когда вернется царь, поведи меня к нему, и я скажу ему несколько слов: если смогу — избавлю тебя, нет — пусть отрубят тебе голову.

Когда царь приближался к дому, визирь сказал об этом отцу.

— Ну, сынок, возьми меня за руку и поведи к царю.

Сын взял отца за руку, — так как он был лишен зрения, — повел его к царскому порогу и посадил на каменный стул.

Царь, въезжая в город, увидел, что улицы кишмя-кишат женщинами, и сильно разгневался за неисполнение своего приказа. Приехав к себе во дворец, он заметил отца визиря, сидевшего у порога на каменном стуле. Старик хотел было встать, но царь, взяв его за рукав, усадил, сказав:

— Ты — визирь моего покойнoго отца, и мне будет больно, если ты передо мною встанешь с места.

— Царь, — сказал старый визирь, — разреши и мне сказать тебе несколько слов.

— Ты имеешь на это право, дед-визирь, — ответил царь.

Принесли царю стул, он сел, и старый визирь начал рассказывать:

— Царь, я когда-то занимался разбоем и был главой сорока разбойников. Отец твой не мог меня угомонить и от страха назначил меня визирем.

Занимаясь разбоем, однажды, когда я верхом выехал на большую дорогу, я встретил молодого

всадника: на вид ему было лет пятнадцать; и он был еще безбородый. Едучи, он играл на сазе, пел и плакал. Заметив его, я направил коня к нему.

— Паренек, — сказал я, — дай мне своего коня, скинь одежду и уходи, — я дарую тебе жизнь.

Он не обратил никакого внимания на мои слова, точно и не к нему обращались. Тогда я подъехал ближе и, сколько было сил, нанес ему сзади удар палицей. Но он даже и не обернулся. Когда я нанес ему третий удар, он повернул коня ко мне и сказал:

— До каких пор ты будешь меня мучить?

Схватил за уздцы моего коня, сбросил меня вниз и хотел было меня убить, но я взмолился:

— Паренек, бога ради, не убивай меня. Обещаю быть твоим слугою, пока жив.

— А, так ты поумнел! Встань и садись на коня, — ответил он.

Я встал, сел на коня, и мы поехали вместе. В глуши мы набрели на огромный дворец. У дворца мы сошли с коней, и парень этот, достав из мешка, накинутого на седло, сорок толстых гвоздей, сказал мне:

— Слушай, я взберусь, вбивая эти гвозди в стены, до самой верхушки дворца. Ты жди меня часок, если я не вернусь, возьми себе моего коня и поезжай с богом.

Сказав это, он начал вбивать гвозди в стены, поднялся на верхушку и через час показался вновь, держа в руке окровавленную голову. Спустившись, он положил голову в мешок, вскинул его на седло и сказал мне:

— Ну, поехали!

Когда мы приближались к городу, он повернул коня к кладбищу, и на кладбище мы сошли с коней. Здесь он вошел в маленькую часовню. Я стал смотреть в окошко и вижу: он достал голову из мешка и, ударив ею о камень свежей могилы, сказал: «Вот, успокойся, я отомстил твоему врагу». При этих словах он достал кинжал и сам бросился на него с такой силой, что кинжал пронзил его тело насквозь и выступил у него на спине пальца на четыре.

Увидя это, я открыл дверь и ворвался в часовню. Он стал меня умолять:

— Слушай, это — могила моего мужа; я — женщина. Обладатель головы убил моего мужа; я же отомстила, и мое сердце успокоилось. Умоляю именем бога, вынь мой кинжал, разрой могилу мужа, положи меня рядом с ним, а голову нашего врага — у наших ног, и зарой могилу. Бери себе моего коня и богатство человека, которого я убила.

— Царь, — продолжал старик, — я вынул кинжал, и мой попутчик скончался. То была действительно женщина. Я разрыл могилу, положил ее рядом с мужем, голову у их ног и зарыл могилу снова. Потом я сел на коня, взял и другого коня, поехал ко дворцу: там было много добра, — собрал и привез к себе. После этого я стал визирем твоего отца. Вот видишь, царь, она тоже была женщина, и жена ткача была женщина, — всякие бывают женщины. Неужто ты теперь из-за одной хочешь казнить всех? Скажем, если даже истребишь ты здесь весь женский род — ведь от этого женщины не

переведутся. Ведь не сможешь же ты истребить женщин в остальных городах и селах.

— Да, дед-визирь, ты прав,—ответил царь,— Дарую тебе голову твоего сына.

Они достигли своего счастья, да достигнете и вы своего.

«Маргаритнер», кн. III. Рассказана в араратской деревне выходцем из Турецкой Армении.

ЦАРЬ, ЗАГЛЯДЫВАВШИЙСЯ НА СВОЮ НЕВЕСТКУ

Жил-был царь, и было у него три сына. Однажды собрались его назиры и визири и сказали ему, что его дети выросли и пора подумать об их женитьбе.

— Хорошо, — ответил царь, — пусть придут сюда дети и бросают стрелы: в чей порог попадут, у тех соседей пусть и возьмут себе дочерей в жены.

Бросил стрелу старший сын и попал в порог назира; бросил средний — попал в порог визиря; бросил младший, но его стрела упала у скалы.

Царь первых двух женил и невесток взял в дом.

Потом он предложил младшему снова бросить стрелу.

— Нет, — сказал младший, — моя судьба у этой скалы.

Сказав это, он стал у скалы и начал плакать. Внезапно в скале открылся ход. Младший царевич пошел внутрь и увидел там старуху.

— Сынок, — сказала старуха, — змея на пупке своем и птица на крыльях не могут сюда добраться, как же ты умудрился проникнуть ко мне?

— Бабушка, — ответил царевич, — счастье мое тут, дай я его возьму.

«Значит, таково желание бога», — подумала про себя старуха и выдала за него свою младшую дочку, сказав:

— Вот твое счастье, бери и иди.

Младший царевич взял старухину дочь и привел ее домой. Царь их торжественно обвенчал. Пировали семь дней и семь ночей.

Старухина дочь была красавицей. Царь опечалился и сказал про себя: «Я — царь, а такая славная девушка достанется не мне, а сыну».

Когда о дурных мыслях узнала царица, она призадумалась и с горя умерла.

Со смертью царицы царь более уж не стеснялся и решил погубить сына, чтоб завладеть его женой.

Он вызвал младшего сына и сказал:

— Матушка твоя взяла с собой ключи от казны. Поди, раздобудь их — иначе отрублю тебе голову.

Сын опечалился.

Тогда жена сказала ему:

— Не горюй, поди к моей матери, она тебе поможет.

Царевич отправился к своей теще и рассказал ей про свое горе.

— Успокойся, — ответила та, — я позову сына, он тебе поможет.

Старуха позвала сына и сказала:

— Сынок, ты должен перенести моего зятя на тот свет, чтоб он мог получить у своей матери ключи от казны.

— В таком случае, — ответил ей сын, — дай немного шерсти и тряпья: я укутаю в них зятя, чтоб он не простудился.

Старуха принесла шерсти и тряпья и плотно укутала зятя. Шурин же царевича взял его на плечи и прямехонько доставил на тот свет. Здесь он снял с плеч ношу, развязал шерсть и сказал:

— Зять, иди этим путем, расспрашивай всех, кого по дороге встретишь. Когда же доберешься до речки, окликни свою мать. Она появится, и ты расскажешь ей про свое горе.

Царевич пустился в путь. Сперва он встретил в каменистой местности очень тучного вола. Идя дальше — он попал в поле, покрытое пышной зеленью, а в поле том увидел вола, до того тощего, что он еле держался на ногах.

Дальше царевич встретил старуху, которая грудями чистила тондир и приготовлялась печь хлеб.

После этого дошел он до речки и крикнул:

— Матушка, где ключи от казны?

Появилась мать и, увидя сына, воскликнула:

— Боже мой, и ты здесь?

Сын сказал, что явился за ключами от казны.

— Этот камень все еще тебя преследует. Вернись, милый, ключи лежат под столбом балкона.

На обратном пути царевич спросил у старухи:

— Бабушка, зачем ты грудями чистишь тондир?

— Сынок, — ответила старуха, — на том свете перед выпечкой хлеба я чистила тондир чем попало. Тут же я вычищаю тондир своими грудями, чтобы освободить душу от греха.

Дойдя до тощего вола, он спросил:

— Кругом все покрыто сочной травой, словно в раю, почему же ты такой худой?

— На том свете, — ответил вол, — я жил в полном довольствии, а здесь мне приходится поститься.

— Как же ты полнеешь в столь голой местности? — спросил царевич, дойдя до тучного вола.

— На том свете я жил бедно, а здесь бог сделал меня тучным.

Когда он вернулся к шурину, тот снова укутал его в шерсть и тряпье, взял на плечи и доставил в пещеру к старухе.

Старуха расцеловала их обоих и сказала царевичу:

— Ну, сынок, вернись теперь к себе, желаю тебе счастья.

Царевич поцеловал сосцы старухи и вернулся к себе домой.

Дома он нашел отца окаменевшим. Тут он понял, что это проклятие его матери, и вспомнил ее слова, сказанные на том свете:

«Этот камень все еще тебя преследует?»

Братья возвели его на отцовский престол.

Они достигли своего счастья, да достигните и вы своего.

С неба упали три яблока: одно мне, другое тому, кто слушал, а третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. I. Записана в араратской деревне (Ошакан).

ХРОМОЙ, БЕЗБОРОДЫЙ И КРИВОЙ

Жил-был купец. Умирая, он позвал своего сына и сказал:

— Сынок, заклинаю тебя, если случится тебе ехать торговать, поезжай куда хочешь, но не езди в Алеп (Алеппо).

Но немного времени прошло, как сын явился к матери и сказал, что он хочет поехать в Алеп.

— Сынок, — сказала мать, — ведь заклинал же тебя отец туда не ездить.

— Нет, я решил и поеду.

Когда же сын стал наводить справки о том, что можно выгодно продавать в Алепе, ему сказали, что там в большой цене самшитовое дерево.

Вскоре он купил самшит, навьючил на сорок мулов и пустился в путь. Ехал он долго, и, наконец, когда под вечер приближался к городу Алепу, вышли ему навстречу из расположенного за городом караван-сарая [1] какие-то люди и сказали:

— Зря едешь ты сейчас в город. Караван-сараи там теперь закрыты; лучше сделай привал, проведи тут ночь, а рано утром въезжай в город.

[1]) Постоялый двор для караванов.

Купчик согласился и сделал привал.

В темноте тайком вышел из каравансарая Хромой и, заметив, что товар купчика состоит из самшита, захватил один тюк и унес. Половину самшита он положил в печь, другую же бросил под нары. Затем Хромой, Безбородый и Кривой повели купчика в сени, угостили обедом и спросили, что он привез продать.

— Ах, ты привез самшит? — сказал Хромой. — Напрасно, тут этого добра так много, что мы жжем его вместо дров. Это все равно, что привезти продавать в Кульпу соль. Но, братец, не горюй, дам я тебе за твой товар семь мер золота, и ты, по крайней мере, вернешь свои расходы.

Утром купчик подумал про себя: «Если я, взяв золото, сейчас же вернусь назад, будет нехорошо. Что же я отвечу, когда меня спросят — каков город Алеп? Лучше пойду осмотрю город».

Долго бродил он по городу, наконец, зашел в лавку одного старика-торговца и поздоровался с ним.

— Здорово, брат-странник, из каких краев ты будешь? — спросил лавочник.

— Эриванский я, из деревни Парпи.

— По какому делу приехал?

— Да так, брожу по городу, — ответил купчик и затем спросил: — Случайно не будет ли у вас самшита?

— А сколько тебе нужно?

— Пять-десять пудов.

— Нет, брат, тут самшит пудами не продают. Во всем городе едва найдется пять-шесть фун-

тов этого дерева, и золотник его стоит пять рублей.

Услышав это, купчик ахнул и, рассказав лавочнику, как его обманули в караван-сарае за городом, стал просить старика помочь ему как-нибудь вернуть свой товар.

— Сынок, дело это очень трудное, потому что тех трое. Они тем и занимаются, что обманом обирают людей. Если в этом деле кто-нибудь тебе и поможет, так это только их стряпчий. Поди ты лучше к нему за советом.

Придя к стряпчему, купчик сказал:

— Умоляю тебя, брат, выручи. Положил я свою руку в твою: отрежь либо мою руку, либо свою полу, — избавь меня, дам я тебе все, что захочешь.

— Не горюй, брат, мне ничего не надо, и даю тебе слово, что выручу тебя. Вот послушай: ночью, когда пойдешь к себе в сени, открой дыру очага и приложи ухо к дыре. Хромой, Безбородый и Косой придут и станут расспрашивать Хер Сойламаза [1], что им скажет Хер Сойламаз, то ты и сделаешь.

Купчик поступил так, как ему посоветовал стряпчий. Вскоре пришли Хромой, Безбородый и Кривой и спросили Хер Сойламаза:

— Эриванец привез сорок тюков самшиту, мы за это должны ему дать семь мер золота; Хер Сойламаз, скажи — сколько мы тут выгадаем?

— С эриванцем нужно быть на чеку, он себе на уме, побывал он во многих местах и знает

[1] Хер Сойламаз — дословно: «тот, кто не говорит ничего доброго».

восемь раз больше вашего. А вдруг скажет — не хочу я золота, дайте мне семь мер блох — откуда вы достанете столько блох? — ответил им Хер Сойламаз.

— Да неуж-то он до того сообразительный?

Услышав этот разговор, утром, чуть свет, купчик пошел к старосте:

— Застрял я в этом городе вот уже десять дней, — сказал он ему, сорок тюков моего товару задержали в караван-сарае. Прикажи вызвать покупателей, чтобы я получил за свой товар и вернулся к себе.

Староста сейчас же вызвал Хромого, Безбородого и Кривого и велел им расплатиться с купчиком.

— Мы ему должны семь мер золота, пусть получает, когда хочет.

— Не хочу я золота, этого добра у меня самого много, а вот вы дайте мне за самшит семь мер блох, да чтобы в трех были самцы, в четырех самки.

Хромой, Безбородый и Кривой поехали в Абаран [1] за блохами. Но дела их тут шли неважно: пока ловили они одну блоху, выясняли — самец или самка, клали в ведро и пускались за второй — та выпрыгивала. Видя, что ничего не выходит из этого, они вернулись к себе в Алеп. Тут они подкупили одного человека и сказали ему:

— Подружись ты, братец, с этим эриванцем, разузнай подробно, чей он сын, кто его родные, и вернись к нам.

[1] Абаран — скотоводческий район в Армении, изобилующий блохами.

Человек, следуя все время за эриванцем, заметил, что тот вошел в кабак и спросил себе бутылку вина. Тогда он сделал то же самое. За едой он взял чарку и сказал эриванцу:

— Братец, за твое здоровье!

Эриванец в свою очередь выпил за здоровье соседа. Этого и хотел подкупленный человек. Он подсел к эриванцу и, выведав у него все, что ему было нужно, вышел из кабака и пошел рассказать о слышаном Кривому.

На следующий день Кривой, встретив на улице эриванца, сказал:

— Доброго здоровья, дорогой Мартирос, как поживают твои родные? — и перечислил по именам всех его близких и родственников.

Эриванец опешил.

— Благодарение богу. Давно я хотел видеть тебя, наконец, господь привел. Эх, брат, ты не знаешь: когда ты появился на свет, одного глаза у тебя не было. Я вынул свой и вложил в тебя.

Вслед за этим Кривой пустился прямо к старосте.

— Староста, — сказал он ему, — когда эриванец Мартирос родился, у него не было одного глаза. Я у них дома был слугой — достал свой глаз и вложил в него. До сих пор я обходился одним глазом — теперь я хочу, чтобы он вернул мой глаз.

Староста вызвал эриванца и спросил:

— Ты этого человека знаешь?

— Он, видимо, у нас бывал, но я его не знаю, — ответил купчик.

— Вот он говорит, что один из твоих глаз —

его. А сейчас он хочет получить свой глаз обратно: вынь его и верни ему.

Купчик попросил у старосты срок на один день и пошел за советом к старику-лавочнику. Тот послал его вновь к стряпчему, добавив:

— Один лишь он может помочь тебе в этом деле, и больше никто.

Когда он пришел к стряпчему, тот успокоил его и посоветовал вновь приложить ухо к дыре очага и подслушать разговор Хромого, Безбородого и Косого с Хер Сойламазом. Приложив ухо к дыре, он услышал следующие слова:

— Теперь эриванец с нас ни гроша не возьмет, мигом уберется, как только узнает, что у него хотят выколоть глаз.

— Ничуть не бывало. Эриванец скажет — ладно, выньте у меня один глаз, но выньте и у Кривого. Взвесим оба эти глаза, если они будут равны по весу, дайте ему мой глаз.

Когда у старосты эриванец повторил слова Хер Сойламаза, Кривой, захватив Хромого и Безбородого, пустился наутек. Они и до сего дня не могут слышать без содрогания имя эриванца.

Освободившись от этих злодеев, эриванец продал по сходной цене свой товар, подарил стряпчему один тюк самшиту и пустился обратно к себе на родину.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей цели.

С неба упали три яблока: одно мне, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. II. Записана в араратской деревне (Парпи).

СКАЗКА О КРАСНОЙ КОРОВЕ

Жили-были муж и жена. Было у них двое детей — мальчик и девочка. Да еще была у них красная корова. Спустя некоторое время у этого человека, занимавшегося пастушеством, умерла жена, и он женился во второй раз. Мачеха невзлюбила детей. Когда муж спрашивал у жены, почему она не смотрит за детьми, та отвечала:

— Ты уж лучше молчи, детей родила не я, и нечего мне за ними смотреть.

Видя, что жена бьет, мучает детей, пастух стал посылать их со стадом в поле, чтоб они не оставались дома. Красная корова сказала детям:

— Не бойтесь, детки, за стадом буду смотреть я.

И впрямь, корова днем смотрела за стадом, а к вечеру собирала его, и дети гнали стадо домой. Мачеха давала детям каждый день по кусочку черствого хлеба. Но всякий раз, как они собирались есть хлеб, корова подходила к ним, давала им себя доить, и дети ели хлеб с молоком.

Прошло некоторое время, и мачеха родила дочку. Когда ей исполнилось десять лет, мачеха стала посылать со стадом и свою дочь, но, посылая ее, наказывала сиротам:

— Что вы сами едите, того давайте есть и моей дочке, чтоб она также добрела, как и вы.

Каждый день мачеха давала своей дочке четыре-пять хлебов.

Тогда красная корова сказала деткам:

— Не беда, пусть эта девочка тоже пьет мое молоко. Оно ей будет горько, а вам сладко.

Дочка мачехи все хирела, а дети пастуха — добрели. Пастух по старости не ходил больше со стадом. Однажды мачеха спросила свою дочку:

— Как же это, я даю тебе каждый день пять хлебов, а им обоим по лепешке — они добреют, а ты чахнешь?

— Мама, молоко красной коровы мне горько, а они говорят, что им сладко.

— Ах, так! — сказала мачеха. — Пусть-ка вернется красная корова!

На следующий день рано утром мачеха сказала мужу:

— Видишь, как чахнет моя дочка. Ночью мне снился святой, который сказал, что если мы зарежем красную корову и принесем ее в жертву дочке — она поправится.

— А чем же мы будем жить, если зарежем красную корову? Кто будет давать нам мадзун и тан [1]?

— Ну, уж как хочешь, а красную корову ты должен зарезать.

Жена до тех пор приставала к мужу, пока тот не решил зарезать красную корову. Узнав об этом, красная корова опечалилась.

— Что ты такая печальная, коровушка? — спросили дети, когда она пришла накормить их.

[1] Танов или тан — суп из кислой молочной сыворотки.

— Дорогие детки, проклятая ваша мачеха требует, чтобы меня зарезали и принесли в жертву ее дочери.

— Матушка-коровушка, мы вечером упросим ее, будем целовать ей руки, ноги, чтоб тебя не резали.

— Нет, детки, не делайте этого, а то она изобьет вас, и от этого мне будет больно. А вот что я вам скажу: когда меня зарежут, вы тайком намажьте себе лица моей кровью — от этого лица ваши будут блестеть, как золотая парча; потом соберите мои кости и копыта и заройте в яслях. Они вам когда-нибудь понадобятся.

Дети стали горько плакать.

Тяжело стало красной корове, она подошла к ним и спросила:

— Почему вы плачете, дети мои?

— Кто же будет ходить за нами, кормить нас, если тебя зарежут, коровушка?

— Пойдемте со мною, тут есть старуха, я вас поручу ей.

Повела красная корова деток к старухе, вызвала ее и спросила:

— Знаешь ли ты, что меня хотят зарезать?

— Знаю.

— Вот этих моих деток я поручаю тебе. Именем бога заклинаю — полюби их.

— Хорошо, хорошо, коровушка.

Возвращаясь от старухи, красная корова велела детям срезать с ее головы один рожок.

— Когда захочется вам есть, пососите его, и вы насытитесь. А в поле за вами будет ходить старуха эта.

Утром зарезали корову. Сироты взяли чашку ее крови, тайком унесли к себе, помазали свои лица и стали неузнаваемы: точно были сотканы из золота — до того блестели.

Когда мясо коровы стала есть дочь мачехи, оно ей показалось до того невкусным, словно она ела солому. Когда же попробовали его сироты, им казалось, что они едят мед, — до того оно было вкусно. Потом дети, как им наказала корова, собрали ее кости, голову и копыта и зарыли их в яслях. После этого они всякий раз, как чувствовали голод, шли к яслям, сосали там рожок и насыщались. Мачеха же кормила вдоволь свою дочь, а сиротам не давала даже кусочка хлеба.

Когда настала зима, пригласили однажды их на свадьбу. Мачеха пышно нарядила свою дочку и взяла ее с собой, а сирот бросила дома. Из ясель раздался голос красной коровы; пришла из пещеры старуха, разрыла ясли, достала оттуда роскошные платья и, нарядив сирот, взяла их с собой на свадьбу.

Увидев их на свадьбе, мачеха не узнала сирот и сказала про себя: «Боже, что за счастье иметь таких детей! Что бы я дала, если бы родные этого молодчика женили его на моей дочке!»

Когда гости расходились, старуха во-время увела сирот, сняла с них чудесное платье и спрятала, а на них опять надела старое. После ее ухода детки побежали к себе и легли спать. Мачеха вернулась домой, разбудила сирот и сказала падчерице:

— Да что ты спишь, такая-сякая... Если бы ты была на свадьбе, каких двух деток увидела

бы там. У девочки туфли были серебряные, у мальчика — золотые. Не могу рассказать, до чего они были прекрасны. Платье обоих нельзя было бы купить за миллион.

— Зачем же, нани, ты не взяла нас на свадьбу?

— Вас только недоставало там! Да приди вы туда — вы бы попали кому-нибудь под ноги, и вас бы раздавили.

На следующий день мачеха поставила перед сиротами котел; всыпала в него пол-литра проса и сказала им:

— Поплачьте-ка, да так, чтоб просо в котле покрылось вашими слезами.

Сама же опять нарядила свою дочку и пошла вместе с ней на свадьбу.

После свадьбы гости стали расходиться, и старуха во-время увела детей. Когда они проходили мимо пруда царевича, у девочки соскочила с ноги туфелька и упала в пруд.

— Нани, милая, как же быть, туфелька моя упала в воду.

— Не беда, детка, пойдемте поскорее, покуда мачеха не вернулась. Не то — увидит она вас и отнимет ваше платье.

Старуха опять сняла с детей новое платье, припрятала в яслях и надела на них старое; дети же, придя домой, легли спать. Немного времени спустя вернулась мачеха и разбудила сирот:

— Да что вы спите, такие-сякие... Вчерашние дети были на свадьбе в других платьях. Но потом так быстро исчезли, будто они были огненные.

Утром, когда царевич послал своего коня на водопой к пруду, сколько ни бились, конь не хотел подойти к воде. Доложили об этом царевичу. Пришел царевич и, увидя в пруду светящуюся вещь, велел бросить крюк и достать ее. Когда достали туфельку, царевич долго смотрел на нее, потом понес к царю и сказал:

— Царь-батюшка, либо ты должен отыскать мне девушку, носившую эту туфельку, либо я наложу на себя руки.

Царь послал во все стороны гонцов и велел вызвать во дворец всех женщин, какие были в стране. Явились все женщины, кроме сиротки. Мачеха сказала:

— Куда тебя, такую голенькую, во дворец! Лучше я пошлю свою дочку, — и, взяв свою дочку, пошла во дворец.

Царь примерил всем туфельку, но она никому не подошла. Узнав, что одной женщины недостает, — царь приказал ее разыскать. Разыскали падчерицу и привели ее во дворец; примерили ей, и туфелька так подошла, будто девушка в ней родилась. Увидев это, царевич сказал:

— Она моя — и другой я не хочу!

Царь, царица, визири, гости стали отговаривать его.

— Нет, я должен жениться на ней, — твердил царевич.

Стали выспрашивать девочку — она рассказала:

— У меня старик отец, мачеха, не родная сестра и родной брат.

— А где же другая туфелька?

— Не знаю, об этом знает моя старуха нани.

Девушка вернулась домой, а мачеха осталась во дворце и все отговаривала царевича. Но царевич твердил свое. Вызвала девочку к себе голова красной коровы:

— Детка, пошли своего брата к царевичу, и пусть он скажет ему, что вечером придет старуха нани и выдаст за него свою дочку.

Когда это было сделано, царевич пришел к девочке. Старуха принарядила ее и отпустила с царевичем. Царевич женился на ней. Спустя неделю пришла мачеха повидать свою падчерицу и попросила царя отпустить невестку с ней на два дня. Царь отпустил. Через два дня мачеха нарядила свою дочь в платье падчерицы и повела к царю, а сама вернулась домой.

Когда вечером царевич зашел к своей жене и увидел, что эта не его жена, он рассказал царю о проделках мачехи и ее дочери. Царь велел привязать мачеху и ее дочь к хвостам двух кобыл, посадил на них двух парней и сказал им:

— Гоните кобыл, пока от этих женщин не останутся одни лишь головы.

Парни исполнили приказ царя, доставили ему головы женщин, и царь велел написать на бумаге об их проступках, прикрепить бумагу к их головам и выставить эти головы напоказ.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы своей.

«Маргаритнер», кн. III. Сказка рассказана в араратской деревне выходцем из Маку (Персия).

ДЕВУШКА, ЗАСЛУЖИВШАЯ МУЖСКОЙ ПОЛ

Была у старухи единственная дочка. Старуха наряжала ее в мужскую одежду, чтоб она могла играть с мальчиками соседей.

Как-то раз пропала царская дочь. Ее нашла дочь старухи и привела домой.

— Матушка, родная, — сказала она, — эта девочка заблудилась, и я ее привела к нам.

Старуха взяла девочку к себе.

Вскоре стали разъезжать царские гонцы с криком:

— Исчезла царская дочка, кто ее найдет — получит большую награду.

Услыхав об этом, старуха дала знать царю, что нашла его дочку и что она у нее в доме. Назир сел на царского жеребца Люлизар и приехал за царской дочкой. Дочь старухи попросила назира взять к царю и ее.

Дорогою Люлизар, по велению бога, заговорил человеческим голосом и тайком сказал дочери старухи:

— Если царь спросит тебя, чего бы ты хотела — отвечай: хочу одного лишь Люлизар — и ничего больше.

Когда она предстала перед царем, то на вопрос царя, что бы ей дать в награду — ответила: хочу одного только Люлизар.

— Как же я расстанусь с Люлизар? Ведь он стоит всего моего царства. Если я его дам тебе, то заодно должен буду выдать за тебя и мою дочь.

Тут царь выдал за нее свою дочь и отпраздновал свадьбу в течение семи дней и семи ночей.

Вскоре дочь царя заметила, что ее муж — женщина, и пошла сказала матери в сердцах:

— Да чтоб провалилось ваше царство! Муж мой не мужчина, а женщина — что же я буду с нею делать?

Царица сообщила об этом царю.

— Как же теперь нам быть? — сказал царь.— Если велю убить зятя, то мало толку из этого. Лучше пошлю я его в такое место, откуда он не сможет вернуться.

Сказав это, он велел вызвать к себе зятя.

— Сынок, ты должен поехать и доставить мне брата Люлизар.

Когда зять грустный вернулся к Люлизар, тот успокоил его:

— Не горюй, поди к царю, потребуй у него бурдюк старого вина и немного шерсти. Мы отправимся и доставим моего брата.

Девушка, получив от царя вина и шерсти, села на Люлизар и пустилась в путь. После долгих скитаний они очутились у берега моря, где журчал родник. Тут Люлизар сказал девушке:

— Заткни третью дыру родника, вылей из бассейна родника всю воду и налей туда вина,— сама же спрячься. Брат мой выйдет из моря, выпьет вина и опьянеет. Тогда ты вскочишь

на него. Он повернет к морю, но ты скажешь: «Люлизар зовет тебя», — и он побежит за мною.

Девушка поступила так, как посоветовал ей жеребец, и доставила царю его брата.

Увидев своего мужа, дочь царя вновь вскипела:

— Избавьте вы меня от него!

Царь вызвал назира и стал советоваться с ним о том, как бы сплавить зятя, чтобы тот больше не вернулся.

— Царь, — сказал назир, — давай-ка пошлем его к дэвам. За ними семилетняя недоимка. Пусть твой зять поедет за недоимкой — дэвы его обязательно укокошат.

Царь вызвал зятя и велел ему ехать к дэвам за недоимкой.

Когда девушка пошла к Люлизар за советом, тот успокоил ее:

— Не бойся, мы доставим и недоимку.

Села девушка на Люлизар и поехала в страну дэвов. Тут Люлизар велел привязать его хвост к мраморному камню, который он рванул, и из-под мрамора открылся ход.

Девушка вошла внутрь и нашла там сорок дэвов.

— Вот так дело! — сказали дэвы с радостью. — К нам пришла хорошая пища.

— Да о чем вы думаете? — ответила девушка дэвам. — Лучше бы позаботились вы о вашем мраморе. Царь явился и забрал его за недоимку, а я пришла дать вам об этом знать.

Услышав это, дэвы всполошились. Девушка же, оставшись одна, схватила недоимку, которая была сложена в узел и висела на столбе.

Не успели дэвы опомниться, как Люлизар исчез с девушкой.

Прибыв в страну царя, девушка доставила ему семилетнюю недоимку дэвов.

Дочь царя опять вышла из себя, и тогда царь по совету назира послал зятя к матери дэвов за ее четками.

— Царь, — сказал назир, — даю слово, что на этот раз зять твой уж не вернется.

— Не бойся, — обнадежил девушку Люлизар, — доставим и четки.

Девушка села на Люлизар и прибыла в землю матери дэвов. Дом ее находился на краю крутого оврага.

— Войдя в дом матери дэвов, — сказал девушке Люлизар, — ты старуху застанешь спящей у столба, на столбе же увидишь качающиеся четки. По истечении часа четки падают на руку старухи. Ты следи — как только четки упадут, немедленно схвати их, выйди из дому и прыгни в овраг, — я там буду ждать.

Девушка поступила так, как ей посоветовал Люлизар, и, бросившись со скалы, прямо попала в седло, которое подставил ей Люлизар.

Мать дэвов, проснувшись, заметила, что исчезли ее четки, и промолвила:

— Другого проклятия нет у меня для тебя: если ты мужчина — будь женщиной, если женщина — будь мужчиной.

В тот же миг девушка превратилась в мужчину.

Доставив четки, зять царя поспешил к своей жене. Немного спустя царевна вышла, сияя улыбкой, и сказала родным:

— Моего мужа я ни на кого не променяю!

Царь подарил дочери и зятю целый город, сказав:

— Живите там в свое удовольствие.

С неба упали три яблока: одно рассказчику, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. II. Рассказана в араратской деревне (Ошакан).

СКАЗКА О ХАБРМАНЕ

Жили-были муж и жена. Однажды муж нашел на улице яйцо и, принеся домой, положил на окно. Когда жена стала разводить тондир, он говорит ей:

— Жена, я нашел на улице яйцо и положил на окно, поди раздобудь и ты два яйца, сделаем яичницу и поедим.

Жена подошла к окну, но вместо яйца видит большую змею, которая при виде жены с шипением исчезла.

— Ну что, нашла? — спросил муж.

— Да обрушится твой кров, ты сказал, что на окне яйцо, а там — большущая змея.

Когда муж подошел посмотреть, змея уже обратилась в прекрасного отрока. Очень обрадовались ему бездетные супруги и решили его усыновить.

Спустя десять дней сын сказал отцу:

— Поди проси для меня руку царской дочери.

— Сынок, — ответил отец, — мы люди бедные, царь не выдаст своей дочери за тебя.

Когда отец увидел, что трудно уломать сына, он пошел и сел на стуле, предназначенном для свах. Сейчас же дали знать царю, что какой-то бедняк сел на стуле свах. Царь велел вызвать

его к себе. Он пришел, поклонился и стал. Царь спросил:

— Чего ты хочешь?

— Дочь твою, государь, в жены моему сыну.

— А знаешь ли ты, что свою дочь за бедняка я не выдам? Вот встану завтра утром и приеду к тебе. Если увижу, что дом и богатство твое не меньше моего, выдам свою дочь за твоего сына, — а иначе прикажу отрубить голову тебе и твоему сыну.

Когда отец вернулся, сын спросил:

— Что ответил царь?

Тот передал ему слова царя. Сын сказал:

— Поди, отец, на то место, где ты нашел яйцо, и скажи: «Хабрман говорит, чтобы завтра наутро он увидел свое имущество вдвое большим, чем богатство царя, и чтоб царь согласился выдать свою дочь за него замуж».

На следующее утро царь проснулся и, когда хотел умыться, видит, что в городе появились новые дома, вдвое прекраснее, чем его дворец.

Сын сказал отцу:

— Ну, отец, поди проси для меня руку царской дочери.

Отец пошел, поклонился царю и стал.

— Первое мое желание исполнилось. — сказал царь, — а вот исполни другое: исполнишь — сын твой возьмет себе в жены мою дочь; не исполнишь — отрублю обоим вам головы.

— Каково твое второе желание? — спросил отец.

— Я хочу, чтобы завтра утром, встав, я увидел неподалеку от города гору, справа от которой была бы зима, слева — лето, сзади — осень.

спереди — весна. Если сбудется это мое желание, выдам дочь за твоего сына.

Отец вернулся и сообщил сыну желание царя. Сын сказал:

— Поди туда, отец, где ты нашел яйцо, и скажи: «Хабрман велел, чтобы наутро царь, встав, увидел у города гору, справа от которой была бы зима, слева — лето, сзади — осень и спереди — весна».

Утром царь, встав, увидел большую гору, справа от которой стояла зима и шел снег, слева — лето: люди собирали жатву, а там, где стояла весна — люди горячо работали.

Царь воскликнул:

— Получил-таки мою дочь!

Когда вновь отец представился царю, царь сказал:

— Два моих желания ты исполнил, а вот исполни-ка третье, и тогда сын твой получит себе в жены мою дочь, — иначе отрублю вам обоим головы.

— Каково твое третье желание?

Царь сказал:

— Видишь ли ты, — я царь, а ты человек простой. Мне не к лицу, чтобы сын твой под руку с моей дочкой пошел к венцу. Я хочу, чтобы по той дороге, по которой сын твой с дочкой моей пойдут к венцу, стояли два ряда тополей и таких густых, чтобы народ не видел дочери моей, идущей с твоим сыном, и чтобы был постлан ковер от моего дома до церкви и от церкви до твоего порога.

Сын сказал отцу, когда тот сообщил ему третье желание царя:

— Поди вновь на то место, где нашел яйцо, и скажи, что Хабрман говорит, чтоб от порога царя до порога церкви, от церкви до нашего дома стояли два-три ряда густых тополей, да так, чтобы с одной стороны не было видно, что делается на другой, и чтобы по той дороге, по которой я с царской дочкой пойду к венцу — был постлан ковер.

Наутро царь, встав, увидел, что исполнилось и это его желание. Тогда стали готовиться к свадьбе. У царя было еще два зятя, и эти два зятя вместе с Хабрманом три дня под ряд должны были джигитовать.

Хабрман сказал своей невесте:

— Эти три дня, что мы будем джигитовать, твои сестры будут говорить, будто я — их нареченный. Ты смотри, не проговорись, что я твой.

Начали зятья царя джигитовать. Два с половиной дня под ряд две старшие дочери царя грызлись меж собой: одна говорила, что Хабрман ее нареченный, другая настаивала, что он ее нареченный. Когда прошло два с половиной дня, младшая не выдержала и сказала в сердцах:

— Да чтобы вы ослепли! Хабрман мой, что вы зря спорите!

Тогда Хабрман повернул коня и стал перед невестой.

— Да ослепнете вы все три. Я уезжаю. Если придется тебе очень туго, — обратился он к своей невесте, — ты придешь ко мне: сначала попадешь в Медный город, потом в Серебряный, наконец, в Золотой, где найдешь меня. Но ты

найдешь меня не раньше, чем износишь свои железные туфли и сотрешь стальной посох.

Сказав это, Хабрман удалился.

Сообщили царю об отъезде зятя. Царь разгневался и сказал своей дочери:

— Я требую у тебя моего зятя. Что бы такое ты могла сказать ему, что он уехал?

Младшая дочь царя надела мужскую одежду, обулась в железные туфли, взяла посох и пустилась в путь. Бог один ведает, сколько она шла, — не то неделю, не то месяц, а то, может, и год, — и в конце концов, когда износила железные туфли, пришла она к роднику и села у его края.

Тут она заметила людей, пришедших за водой с медными кувшинами.

Она спросила их:

— Что это за город?

— Медный город, — был ответ.

— А за этим городом какой город?

— Если выйдешь отсюда до рассвета, так к вечеру попадешь в Серебряный город.

— А что за тем городом?

— Если оттуда пройдешь еще целый день до вечера — попадешь в Золотой город.

Поблагодарила она бога за эти сообщения и в ту же ночь направилась в Серебряный город, а на следующий день вечером дошла до Золотого города. Сев тут у родника, она увидела сорок девушек с золотыми кувшинами, пришедших за водой. Сколько она ни просила у них дать ей напиться — они не дали. Тогда она спросила ту, которая особенно сильно противилась:

— Кому вы несете так много воды?

— Сын нашего царя, — ответила она, — пошел в страну людей и женился там на дочери царя. Теперь он вернулся и горит от тоски по жене. Мы, сорок девушек, без устали носим воду, обливаем его, а он все не успокаивается.

Царская дочь сняла с пальца кольцо своего жениха и незаметно бросила его в один из кувшинов. Когда обливали царевича, кольцо выпало.

Увидев его, царевич сказал:

— Я успокоился, полно обливать меня. — И затем спросил: — Из какого кувшина выпало кольцо?

Девушки показали на ту, в кувшин которой было брошено кольцо.

— Кто был у родника, когда ты черпала воду?

— Какой-то юноша, — ответила та.

— Поди и приведи его сюда, — приказал царевич.

Та пошла и привела его. Хабрман, увидев, что это его жена, незаметно спрятал ее. Но отец Хабрмана узнал об этом. Тогда Хабрман сказал своей жене:

— Отец мой узнал о твоем приходе, завтра утром он вызовет тебя и попросит, чтобы ты чесала ему пятки. Смотри, не подставляй колена под его ноги: он ударит тебя, и ты на семь локтей провалишься в землю. Там есть бревно, положи на него подушку и подставь ему под ноги, сама же стань поодаль, да так, чтобы едва доставать руками до ног отца; вот так и будешь чесать. Отец незаметно поднимет ногу,

ударит тебя, и бревно с шумом провалится в землю. Он скажет: «Ты извела моего сына, убирайся, чтоб мой сын от тебя избавился». Ты тотчас же беги ко мне.

Утром царь вызвал невестку:

— Иди, посмотрю, какая ты, что сын мой так тосковал по тебе.

.Невестка пришла, поклонилась и стала поодаль.

— Почеши мои пятки на твоих коленях,— сказал царь.

Невестка тайком подставила ему под ноги бревно; сверх него положила подушку, взяла пятки царя и стала чесать.

Царь внезапно ударил, и бревно с шумом провалилось в землю.

— Убирайся,— сказал он,— чтобы душа моего сына избавилась от тебя, ты его извела!

Невестка прибежала к Хабрману.

Спустя два дня узнала об этом царица.

— Дорогая моя,— сказал Хабрман жене,— узнала о твоем приезде моя матушка. Скоро она вызовет тебя к себе. Войдя к ней, ты увидишь ее лежащей на тахте, а перед ней, у тондира, женщину, мешающую огонь в тондире ногами, очищающую тондир грудями и пекущую хлеб руками. Ты возьмешь жердь, помешаешь огонь в тондире, тряпкой оботрешь стенки тондира, натянешь на рапату тесто, испечешь несколько хлебов. Когда после тебя возьмется за выпечку хлеба женщина, ты уйдешь. Мать моя закричит тогда женщине: «Скорей, поймай ее и брось в тондир, чтоб избавилась душа моего сына». Женщина скажет: «Пусть идет, бог

с ней. Вот сколько лет пеку я хлеб, обжигая руки, ноги и грудь, а она меня научила, как нужно печь хлеб».

Дня через два мать вызвала невестку. Та явилась, испекла несколько хлебов так, как наказал ей Хабрман, и, когда повернулась итти, мать закричала, чтоб ее поймала женщина, но та сказала:

— Пусть себе идет с богом. Вот уже сорок лет, как я пеку хлеб, обжигая руки, ноги и грудь, а она научила меня, как следует печь хлеб.

Освободившись от матери Хабрмана, девушка пришла к нему.

— Ну что, избавилась? — спросил Хабрман.

— Да, — ответила та, и они вместе пустились в путь.

Дали знать царю, что земная женщина увела его сына.

Отец пустился за ним вслед. Сын, видя, что ей несдобровать, превратил невесту в горячий и холодный родники, а сам превратился в старика, продающего воду. Царь настиг их и спросил у старика:

— Не видел ли тут парня и девушки?

— Я продаю воду, — ответил старик.

— Парня и девушки в этих местах не видел?

— Стакан холодной воды — копейка, горячей — две копейки, какой тебе нужно?

— Да говорят тебе — парня и девушки не видел здесь?

— Если у тебя денег нет, пей даром, — ответил старик.

Отец оставил старика, вернулся домой и рассказал жене, что видел.

— Да обрушится твой кров! — сказала мать Хабрмана. — Старик тот был наш сын, родники — его невеста. Выпил бы ты стакан воды, погибла бы она, а мы вернули бы нашего сына. Поди опять, все, что ни увидишь — захвати с собой и возвращайся.

— Я проголодался, дай поесть, — сказал отец.

— Не дам, пока не вернешь сына.

Отец опять пустился за ними. Узнав об этом, сын превратил девушку в храм, а сам сделался дьяконом и стал читать. Царь спросил:

— Дьякон, ты не видел тут парня и девушки?

— Только начал читать, — ответил тот.

— Парня и девушки не видел? — повторил отец.

— Мое дело — служба в храме.

— Парня и девушки не видел? — спросил он еще раз.

— Читаю все, что приходится.

Царь опять вернулся и рассказал жене о встрече с дьяконом.

— Да провалится твой очаг! Если бы ты из храма принес щепотку земли и кусочек камня — девушка бы погибла, и наш сын избавился бы от нее.

Вновь послала царица за сыном, наказав мужу во что бы то ни стало вернуть сына. Тут Хабрман сказал невесте:

— На этот раз уж тебе несдобровать, отец убьет тебя наверняка, а меня вернет. Как мне теперь быть, чтоб избавить тебя?

Хабрман превратил девушку в молодую яблоню, а сам превратился в длинную тонкую змею и обвил своим телом яблоню так, что не

оставил на ней открытого места. Когда пришел царь и увидел это, он сказал:

— Как мне быть, Хабрман, по корню ударю — пострадаешь ты, ударю по верхушке — опять-таки ты пострадаешь. Знаю я, ты идешь в страну людей, высунь язык, поцелую его и вернусь.

Когда царь открыл рот, Хабрман влил туда свой яд, и царь высох. После этого Хабрман опять превратил яблоню в невесту, сам принял образ человека, и они пошли дальше. Один бог ведает, сколько они шли, пришли, наконец, в город царя. Царь очень обрадовался, устроил свадьбу, пировали семь дней и семь ночей.

С неба упали три яблока: одно рассказчику. другое тому, кто слушал, и третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. III. Рассказана в араратской деревне выходцем из Турецкой Армении.

АЗАРАН БЛБУЛ [1]

Жил-был царь. У него было три сына: два умных, третий дурак. Дурака звали Ало Дино. У царя был прекрасный сад, а в нем — яблоня, на которой висели три яблока. Как-то раз пришел в этот сад странник-нищий за подаянием.

— Назови какой хочешь плод, я сорву и дам тебе, — сказал ему садовник.

— Одно из трех яблок, — ответил нищий.

— Нет, — сказал садовник, — их трогать нельзя, эти яблоки берегутся для царя, а изо всего остального я дам тебе, что захочешь.

Но нищий-странник, видя, что ему не дают одного из трех яблок, проклял сад, и сад тотчас же засох.

— Неужто сад никогда больше не зацветет? — спросил садовник нищего.

— Пока не добудете Азаран блбула, сад не будет цвести, — ответил старик.

Царь, придя в сад и увидев его засохшим, вызвал садовника и разгневанно говорит ему:

— Как это ты ходил за моим садом, что он весь засох?

Садовник рассказал про странника-нищего.

[1] Сказка «Азаран блбул» — русско-армянский вариант сказки «Соловей Хазаран», записанной в турецко-армянской деревне Г. Сртвандзтяном (см. стр. 68).

— Как же теперь быть, кто достанет Азаран блбула? — воскликнул царь.

Пришел тогда к нему старший сын и говорит отцу:

— Батюшка, я достану Азаран блбула.

Вызвался и средний сын.

— Так поезжайте за птицей вы оба, — решил отец.

Два брата, сев на коней, отправились в путь.

Ало Дино, вернувшись домой, попросил у матери поесть. Видя что братьев нет, он спросил у нее, где они.

— Да чтоб ты подох! — сказала мать. — Тебе все как с гуся вода: братья твои уже шестой день как поехали за Азаран блбулом.

Ало Дино, не долго думая, побежал к старшему конюшему.

— Выбери мне хорошего коня, я собираюсь в путь-дорогу, — сказал он ему.

— Вот кони, выбери какого хочешь, — ответил конюший.

Ало Дино подошел к лошадям, но какую он ни тронет по спине — все приседают под тяжестью его руки. Выйдя из конюшни, он заметил у подворотни облезлого коня, за которым никто не смотрел. Похлопал его по спине Ало Дино, конь ничего — выдержал. Тогда он велел конюшему купать его трижды в день и через каждый час давать ему по пуду изюму.

Спустя три дня Ало Дино сел на этого коня и поехал. Вскоре он догнал братьев.

При виде Ало Дино старший брат рассердился.

— На какого чорта ты нам дался, осрамить, что ли, хочешь нас! — вскричал он и дал ему пощечину.

Тут вмешался средний:

— Полно, зря ты его бьешь. Что с того, что он приехал — будет нам служить.

Все трое пустились в путь вместе. Ехали они долго, пока не доехали до перекрестка, где дорога расходилась на три стороны, на распутье же сидел старик.

— Здорово, дед! — сказали ему братья, подъехав к нему.

— Здорово, царевичи!

— Куда ведут эти дороги? — спросил старший.

— Одна, — ответил старик, — ведет в Тифлис, другая в Эривань, но тот, кто поедет по третьей — не вернется: она так и называется — «гедан гялмаз» (идущий не вернется).

— Вы оба поезжайте по этим двум безопасным дорогам, я же поеду по дороге «гедан гялмаз», — говорит младший брат.

— Пусть его поедет, — пропадет, так избавимся от дурака, — обрадовавшись, решил старший брат.

Уезжая, они попросили старика, чтобы он задержал у себя того, кто раньше вернется, чтобы домой вернулись все три брата вместе.

На пути старший и средний братья испытали много бед. От голода спустили они коней, одежду и, наконец, поступили к банщику — один в истопники, другой в терщики.

Ало-Дино же поехал по пути «гедан гялмаз». Неизвестно, как долго он ехал, наконец, до-

брался до Красной земли: деревья, камни, земля тут были красные. Здесь его конь заговорил человеческим языком:

— Ало Дино, куда ты меня гонишь? Ведь это земля трехглавого Красного дэва.

К вечеру приехал Ало Дино в дом Красного дэва и увидел у ворот женщину. Женщина эта сжалилась над ним:

— Дай, я спрячу тебя, паренек.

— Брось глупости, дай лучше мне поесть — я голоден.

Жена дэва пошла и принесла Ало Дино два-три блюда пищи.

— Да что ты несешь? Дай, говорю, поесть!

— Если принесенного тебе недостаточно, пойдем во двор, там стоит пища дэва — ешь, сколько твоей душе угодно.

Ало Дино пошел и увидел там пять литров [1] вареного рису и два жареных быка. В три приема он съел пилав и без остатка проглотил двух быков. Опять пожалела его жена дэва:

— Ни за что пропадешь, паренек, мне тебя жалко, дай я тебя спрячу.

— Незачем, я за дэвом и явился, — сказал Ало Дино.

Когда он вошел в сени, то заметил, что дом шатается.

— Отчего это дом шатается?

— Да потому, что дэв идет домой, — ответила женщина.

Дэв шел, гоня перед собой волков, лисиц и других зверей. Загнав их во двор, он вошел

[1] Мера емкости, равная в Турецкой Армении 18 фунтам.

в сени. Когда дэв увидел Ало Дино, то сейчас же его узнал:

— Добро пожаловать, Ало Дино.

— Откуда ты меня знаешь? — спросил Ало Дино.

— В день твоего рождения, когда я гулял по горам, камни, деревья, травы возвестили о твоем появлении на свет. Вот я и думаю, что ты и есть Ало Дино, ибо другой не посмел бы переступить моего порога.

А потом, обратившись к жене, дэв проговорил:

— Ну, жена, живо, дай поесть.

— Всю твою пищу съел вот этот парень и ничего тебе не оставил, — сказала жена.

Тогда они зарезали двух зверей, пригнанных дэвом, приготовили обед и съели. Тут дэв заметил, что Ало Дино не бросает костей и глотает все. После обеда дэв сказал Ало Дино:

— Как же нам теперь быть: биться будем сейчас или отложим до утра?

— Как хочешь, я готов всегда.

Утром, чуть свет, проснулись дэв и Ало Дино, и каждый взял свою палицу. Ало Дино сказал:

— Очередь твоя, начинай, я гость.

— Так готовься, я бросаю.

Тут конь Ало Дино сказал ему:

— Ты хлестнешь меня кнутом, я прыгну, и палица дэва пройдет под моим брюхом.

Дэв бросил трижды, но Ало Дино остался невредим.

— Теперь очередь моя, — сказал Ало Дино и, двинувшись верхом на дэва, одним взмахом сабли снес ему три головы. Затем, отрезав носы

и губы, положил их в хурджин [1] и пошел к жене дэва.

— Здорово, невестка, — сказал он.

— Нет, я тебе не невестка, а хочу стать твоей женой.

— Не могу, я поклялся взять тебя в жены моему старшему брату, — сказал Ало Дино.

Погостив тут три дня, Ало Дино двинулся дальше.

— Куда ты собираешься теперь? — спросила жена дэва.

— Еду за Азаран блбулом.

— Умоляю тебя, не езди, пропадешь ни за что; дело это очень трудное.

— Нет, я должен поехать.

Выбравшись оттуда, Ало Дино приехал в страну, где земля, деревья, камни — все было белое. Тут конь попросил его сойти и вести его под уздцы. Ало Дино исполнил его желание.

— Знай, — сказал конь, — страна эта Белого дэва; вечером мы пойдем к нему в гости. Непохож он на Красного дэва, он — семиголовый.

— Не беда, — ответил Ало Дино, — я снесу все семь.

Вечером они пошли к дэву в гости, но двери у дэва были заперты. Ало Дино сказал громким голосом:

— Кто там есть? Приходите взять моего коня.

На зов пришла женщина, открыла дверь и предложила поставить коня в конюшню. Ало Дино повел коня в конюшню, а потом поднялся

[1] Хурджин — переметная сума.

в покои дэва и попросил у жены дэва поесть. Та принесла пять-шесть больших блюд пилава.

— Ребенка, что ли, ты обманываешь? Говорят тебе, дай поесть, — сказал Ало Дино.

Уставши от беготни по сорока ступенькам вниз и вверх, жена дэва сказала:

— Пойдем к столу дэва, ешь там сколько хочешь.

Ало Дино пошел и увидел огромный котел, в котором было двадцать литров пилава, а сверху — три жареных быка. В два приема уписал Ало Дино пилав, а быков, разделив на две части, проглотил с костями. Покончив, он пошел в сени и сел. Немного спустя, покои дэва стали шататься.

— Паренек, дэв возвращается, дай я спрячу тебя, — сказала жена дэва.

— Какого чорта, я за ним и явился.

Вскоре показался сам дэв, гнавший перед собой много зверей; львов, волков, медведей. Пригнав их во двор, дэв поднялся в свои покои и здесь, увидя Ало Дино, протянул ему руку.

— Здорово, Ало Дино! — сказал он.

— Почему ты знаешь, что я Ало Дино?

— В день твоего рождения горы, скалы, деревья, травы — все вместе известили, что ты появился на свет. Ты Ало Дино, потому что другой от страха не посмел бы сюда заглянуть.

Когда же дэв попросил у жены поесть, та ответила, что гость сожрал всю его пищу.

— Ладно, — сказал дэв, — приготовим обед из того, что я пригнал.

Вскоре подали обед, но тут дэв заметил, что гость ни на что не смотрит и глотает все — даже кости.

— Ну, начнем биться, что ли? — спросил дэв.

— Воля твоя — я готов! — ответил Ало Дино.

— Уж лучше отложим до утра, — решил дэв, — у нас обычай такой: вечером угощают гостя, утром — бьются.

Рано утром Ало Дино закричал:

— Вставай, пора нам биться!

Дэв встал, взял палицу и вышел на майдан [1].

Когда Ало Дино сел на коня, тот сказал ему:

— Хлестни меня трижды кнутом, я подпрыгну, и дубина дэва пролетит под моим брюхом.

— Ну очередь твоя, бросай! — закричал дэв.

— Я гость, бросай ты первый, твоя очередь, — ответил Ало Дино.

— Так будь готов, я бросаю.

Дэв трижды взмахнул палицей и бросил. Но конь Ало Дино успел во-время взлететь на небо, и дубина дэва пролетела под его брюхом, не задев ни его, ни седока. Когда поднялась пыль и закрыла Ало Дино от взора дэва, тот решил, что Ало Дино убит, и сказал:

— Ну, где ты, Ало Дино, дай-ка понюхаю тебя, как нюхательный табак.

— Не беспокойся, братец, я тут, держись теперь ты, — ответил Ало Дино, — и бросился вскачь на дэва.

Одним взмахом сабли он снес дэву все семь голов. Затем сошел с коня, отрезал у убитого

[1] Майдан — площадь.

губы и носы, положил себе в хурджин и направился в покои дэва.

— Дорогой ты мой, — сказала жена дэва, — да чтоб я принесла себя тебе в жертву, как это ты хорошо сделал, что укокошил дэва! Дай я за это тебя расцелую!

— Нет, не могу я с тобой целоваться. Ты будешь невестой моего среднего брата, — сказал Ало Дино, и они обменялись кольцами.

Два-три дня погостил у ней Ало Дино и затем стал собираться в путь.

— Куда ты, мой милый? — спросила жена дэва.

— За Азаран блбулом.

— Да ведь не сможешь ты его раздобыть, — сказала она с отчаяньем.

— Я должен добыть его во что бы то ни стало, — сказал Ало Дино и пустился в путь.

Когда он попал в страну Черного дэва, конь его вновь заговорил человеческим языком:

— Ало Дино, эта страна сорокаголового Черного дэва, потому-то тут и земля, и камни, и деревья, и травы — черные.

Зашел Ало Дино в дом дэва и увидел тут огромный котел с пилавом из сорока литров риса, сверху же пилава лежали четыре жареных быка. Три дня под ряд Ало Дино ничего в рот не брал. Он в четыре приема уписал весь этот пилав, затем проглотил быков, вытер рот и пошел в покои дэва. К вечеру дом стал шататься. То шел дэв, гоня перед собой добычу. Заметив Ало Дино, дэв подошел к нему, пожал ему руки и сказал:

— Здравствуй, Ало Дино!

— Откуда ты меня знаешь?

— О твоем рождении возвестили камни, горы, деревья и травы, — ответил дэв и затем, обратившись к жене, попросил дать поесть.

— Твой обед съел Ало Дино, — ответила та.

— Не беда, состряпай из новой добычи.

После обеда они легли спать, условившись биться утром. На заре они начали биться. Бились под ряд три дня и три ночи, но не могли побороть друг друга. В конце концов, Ало Дино уложил дэва, отрезал ему губы и носы, положил себе в хурджин и пошел в покои дэва. Жена дэва сильно обрадовалась его победе.

— С этих пор ты мой, а я — твоя, — сказала она ему.

Постлали постель и легли спать вместе. Ало Дино задержался тут около двух недель, но однажды вдруг вспомнил об отце и сильно опечалился.

— О чем ты задумался? Неужели хочешь найти жену получше меня? — сказала жена дэва.

— Да ведь наш сад иссох; я поехал за Азаран блбулом, а застрял здесь.

— Достать Азаран блбула — дело нелегкое, — сказала жена дэва. — Его хозяин царь Чачонц. Он сорок дней как спит. Встанет — укокошит, будь перед ним даже сорок таких молодцов, как ты.

— А я все-таки поеду, — сказал Ало Дино и пустился в путь.

Когда он доехал до берега моря, конь говорит ему:

— Знай, я не морской конь и не смогу перебраться через море.

Ало Дино сошел с коня, сел на землю, положил голову на камень и заснул. Спал ли он, или дремал, но вдруг услышал голос: «Ало Дино, подними этот камень, под ним зарыты три узды морских коней». Ало Дино встал, поднял камень, и там впрямь оказались три узды. После этого, как сказали ему во сне, двумя уздами он опоясался сам, а конец третьей узды бросил в море. Сейчас же появился морской конь и хотел проглотить Ало Дино, но Ало Дино не растерялся, схватил его за голову и вскочил на него. Тогда конь заговорил человеческим языком:

— Скажи, Ало Дино, чего ты хочешь, — я исполню.

— Хочу я Азаран блбула.

— Его достать тебе не могу, но понесу тебя на тот берег моря, там находится моя старшая сестра, она достанет тебе Азаран блбула.

Конь понес Ало Дино на тот берег. Но здесь Ало Дино забыл снять повод, и конь помчался в море.

— Боже, как мне быть, конь унес узду! — воскликнул Ало Дино.

Долго он бродил по острову, наконец, встретил одного старика. Ало Дино подошел к нему и поздоровался с ним.

— Сынок, тебя тоже впутал в беду Азаран блбул? — спросил старик.

— Да, я ехал за Азаран блбулом, но конь унес узду в море, и я остался тут.

Говоря так, Ало Дино случайно дотронулся до пояса и вспомнил, что он опоясан двумя уздами. Увидев это, старик сказал:

— Если добудешь Азаран блбула, ради бога, покажи его мне, а потом ты уж бери его себе. Полтораста лет из-за него я тут сижу.

Ало Дино снял с себя узду и бросил один ее конец в море. Из воды сейчас же выскочила морская лошадь и хотела проглотить Ало Дино, но он мигом вскочил на нее.

— Скажи, паренек, какое у тебя желание, я его исполню, — произнесла лошадь.

— Хочу я Азаран блбула! — ответил Ало Дино.

— Дело это очень трудное, — ответила лошадь, — клетка его висит у царя Чачонца во дворце, расположенном у моря. Если ты сможешь так хлестнуть меня кнутом, чтобы во мне задрожали все триста шестьдесят жил, тогда я взлечу до окна дворца, ты же протянешь руку и схватишь клетку. Но если этого не сделаешь во-время, знай, мы оба упадем и погибнем.

— Ладно, сделаю, — сказала Ало Дино и так хлестнул лошадь, что у нее зажглась печень и задрожали все триста шестьдесят жил.

Она взлетела до окна, Ало Дино протянул руку и достал клетку. Спустившись, лошадь сказала:

— Ну, с меня достаточно, теперь отпусти меня.

Ало Дино, пустившись в обратный путь, пришел к старику, который, увидев Азаран блбула, сейчас же испустил дух. Ало Дино его похоронил. Дальше он сел на своего коня, вместе с птицей приехал в страну Черного дэва и остановился у своей жены.

— Ну, дорогой блбул, заговори, чтоб эти чер-

ные горы покрылись зеленью, — сказал Ало Дино.

Азаран блбул заговорил, и черные горы покрылись пышной зеленью. Жена Ало Дино была поражена даром Азаран блбула.

С месяц он побыл здесь и, наконец, сказал жене:

— Жена, пора нам вернуться домой. Государство наше из-за этой птицы пришло в расстройство.

Они забрали все драгоценности дэва и приехали в страну Белого дэва. Тут тоже захватили драгоценности дэва, взяли невесту среднего брата, сели на коней и приехали в страну Красного дэва. Здесь остановились день-два, захватили добро дэва, взяли его жену и приехали к старику.

— Здорово, дед! — сказал Ало Дино. — Ну что, вернулись мои братья?

— Нет, царевич, еще никто не возвращался, — ответил старик.

— Если так, — сказал Ало Дино, — я оставлю у тебя этих трех женщин и птицу, а сам поеду за братьями.

— Ладно, сынок, пусть это будет божье порученье, езжай.

Разъезжая по городам, Ало Дино долго искал своих братьев, но нигде не мог найти. В одном городе его пригласили в гости, и он спросил у домохозяина:

— Как тут находят чужестранцев?

— У нас, — ответил хозяин, — имеется церковь странников. Поди утром в эту церковь, позвони в колокола и зарежь семь жертвенных

быков. Когда странники узнают, что в этой церкви идет служба и будет жертвенная трапеза — отовсюду соберутся, и ты легко можешь найти тех, кого ищешь.

Рано утром Ало Дино купил семь быков, дал их зарезать, сварить, приготовил жертвенную трапезу и зазвонил в колокола.

Услышав звон колоколов, его два брата спросили у своих хозяев, почему звонят.

— Это для странников, — ответили те. — Созывают их на жертвенную трапезу.

Братья попросили хозяев отпустить их в церковь. Придя туда, братья увидели, что за жертвенной трапезой собрались все странники города.

Заметив своих братьев, Ало Дино поднес им вина, жертвенного мяса и затем спросил:

— Узнаете вы меня?

— Нет, — ответили те.

— Где же вы работаете?

— Один из нас истопником в бане, другой — терщиком.

Ало Дино взял своих братьев, привел их к банщику и сказал:

— Дай, что им следует, а их беру с собой.

— Кем приходятся они тебе, что ты их берешь с собой?

— Они мне братья.

Тогда старший спросил:

— Кто же ты будешь, что называешься нашим братом?

— Я — Ало Дино. Эх, вы, дурачье, — ответил Ало Дино, — оставили вы наше государство и забрались сюда, чтобы быть банщиками.

— Коли ты наш брат, — сказал старший, — а ну-ка скажи, зачем мы поехали?

— За Азаран блбулом. Я его уже достал.

— А где же он?

— У того старика — поедемте, покажу.

Ало Дино купил братьям по паре чистого платья, нарядил их, и они втроем поехали к старику.

Увидев у старика трех женщин, братья спросили:

— Кто они такие?

— Эта, — сказал Ало Дино, — жена Красного дэва, я его убил, — тут он достал и показал братьям губы дэва. — Вот это тебе, старшему. А эта — жена Белого дэва, его тоже я убил, — вот его губы и носы — посмотрите, это среднему. А вот эта, третья, жена Черного дэва — моя жена.

Старший брат не выдержал и сказал с завистью.

— Красивую себе взял, а некрасивых дает нам!

Взяли братья Азаран блбула, сели на коней, взял каждый из них к себе на седло свою невесту, и все вместе пустились в путь. Ехали они долго и, наконец, в лесу набрели на колодец.

— Кто достанет воды, чтобы напились мы и напоили коней? — спросили братья Ало Дино, а сами отказались спуститься в колодец.

— Ало Дино, спустись ты, — сказали они.

При этих словах жена Ало Дино подскочила к мужу.

— Ало Дино, — шепнула она, — не спускайся, они хотят тебя оставить в колодце.

— Нет, я спущусь, братья мои хотят напиться.

— Если уж так, — сказала она, — возьми одну мою перчатку и одну туфельку и храни у себя. Я потребую их у царя, и, если найдут и доставят, буду знать, что ты вылез из колодца.

Когда Ало Дино спустился в колодец, братья пошушукались и решили оставить его в колодце, чтобы ему не гордиться перед царем, что он добыл Азаран блбула. Сами же, захватив Азаран блбула и женщин, поехали дальше. Прибыв в свой город, братья послали к царю вестников, чтобы те поздравили царя и сказали ему о возвращении его детей.

Царь собрал народ, пошел навстречу сыновьям и с большими почестями привел их домой. Увидя женщин, царь спросил:

— Кто такие эти женщины?

— Вот эта, — сказал старший, — моя жена. Эта — жена твоего среднего сына. А эта будет у нас служанкой.

— Царь, он говорит неправду, — сказала жена Ало Дино, — я не его жена, у меня есть хозяин.

— Вижу, дети, между вами — нелады. Не верю я, чтобы вы могли добыть Азаран блбула. А вот заставьте заговорить Азаран блбула: кто это сделает, тот, значит, и добыл его.

— Пустите, я заставлю его заговорить, — сказал старший и обратился к Азаран блбулу:

— Голубчик блбул, заговори, чтоб наш сад распустился.

Азаран блбул не ответил ни слова. Тогда выступил средний.

— Царь-батюшка, блбула добыл я.

— Ну, так заставь заговорить блбула, — ответил царь.

— Блбул, милый, — сказал средний, — заговори, чтобы наш сад расцвел.

Азаран блбул молчал.

Все призадумались, а сад так и не расцветал.

Вернемся теперь к Ало Дино.

Неизвестно, как долго сидел он в колодце, но, наконец, к колодцу подъехал купец и велел слугам достать воды. Ало Дино, услышав голоса людей, желающих достать воды, закричал:

— Не знаю, кто там у колодца, армяне или мусульмане, но умоляю — помогите мне вылезть, я достану воды, сколько вы хотите.

Спустили в колодец кохкал [1], достали, сколько было нужно, воды, затем спустили веревку, и человек десять-пятнадцать вытащили из колодца Ало Дино.

Когда купец спросил, как это он очутился в колодце, Ало Дино ответил:

— Ага, я странник, шел ночью, было темно, не заметил и упал в колодец.

— Куда же ты держишь путь?

— В наш город, — ответил Ало Дино.

Ночь Ало Дино провел с купцом. Они поужинали вместе и легли спать. Утром же пустились в путь. Прибыв в город своего отца, Ало Дино попросился в сыновья к одному старику, и тот его усыновил. Однажды, идя по улице, старик этот увидел, как люди царя ходили по городу и, показывая прохожим перчатку, кричали:

— Царь женит своего сына, кто может сшить вторую такую же перчатку для его невестки?

[1] Род ведра.

Старик, вернувшись домой, рассказал об этом Ало Дино. Услышав рассказ старика, Ало Дино ушел от него и поступил к портному в ученики, сказав ему, что он сирота и хочет научиться ремеслу. Портной принял Ало Дино, не зная, что он царский сын. Послушный он был ученик — прибирал лавку и делал все, что было нужно.

Это очень понравилось мастеру, и он им остался доволен.

На следующий день визири иназиры царя ходили по лавкам портных, показывая перчатку. Когда они зашли в лавку того мастера, к которому поступил Ало Дино, и предложили ему сшить перчатку, какую они ему показали, мастер отказался. Но его новый ученик выступил вперед и посоветовал мастеру взять заказ, сказав, что он сумеет сшить такую перчатку.

— Да ты с ума сошел! — сказал ему мастер. — Вчера лишь поступил ко мне, а уж берешься за такую работу!

Тут вмешались люди царя:

— Зря сердишься, мастер, пусть попробует, но, — добавили они, — если не сошьет, царь отрубит ему голову.

— Ладно, — сказал Ало Дино.

Мастер опешил:

— Да ведь ты ни за что пропадешь! Уже двадцать лет, как я занимаюсь своим делом, и то не взял заказа, а ты суешься.

— Не бойся, мастер, я сошью, если ты мне купишь пять пудов мелких орешков.

Мастер пошел и купил ему четыре пуда орешков.

— Зачем на пуд меньше купил?

— Не беда, денег не было, хватит и этого, — ответил мастер.

До рассвета Ало Дино съел орешки. Когда же утром пришел мастер в лавку, то увидел рядом с перчаткой, принесенной царскими людьми, другую — точь-в-точь такую. Хотел было мастер взять ее и посмотреть, но Ало Дино воспротивился.

— Не трогай, мастер, испортишь ее.

Вскоре явились назир и визирь.

— Ну что, мастер, перчатка готова? — спросили они.

Мастер от страха ничего не ответил. Выступил вперед Ало Дино и показал перчатки. Они сличили их и удивились.

— Ну, мастер, пойдем к царю, — сказали назир и визирь. — Он заплатит тебе за работу.

— Поди, мастер, с ними к царю и получай за работу, — сказал в свою очередь Ало Дино.

— Нет уж, сынок, я не пойду, пойди ты. А вдруг работа не понравится, уж лучше пусть он тебе отрубит голову.

Пошел с ними Ало Дино. Когда же показали перчатки царю, тот сказал:

— Я в них ничего не понимаю, покажите их моей невестке.

Невестке царя работа понравилась, и она дала мастеру триста рублей.

Доложили об этом царю. Царь вызвал мастера и дал ему от себя еще двести рублей.

Ало Дино, вернувшись в лавку, разложил перед мастером деньги и сказал:

— На, мастер, бери.

Мастер обрадовался и взял деньги. Немного спустя Ало Дино сказал ему:

— Ты, мастер, человек плохой.

— Почему?

— Да потому, что я у тебя попросил пять пудов орешков, а ты мне купил четыре. Не останусь я у тебя больше, — и пошел в лавку сапожника.

— Мастер, — сказал Ало Дино сапожнику, — я сирота, никого у меня нет, сжалься надо мной и научи меня своему ремеслу.

Сапожник взял его к себе. Несколько времени спустя пришли к сапожнику назир и визирь и, показав ему женскую туфельку, предложили сшить другую такую же. Мастер собирался было отказаться, но Ало Дино выступил и сказал, что он сошьет.

— Да ты только что поступил ко мне, как же берешься за такую работу? — сказал в сердцах сапожник.

— Не сердись зря, мастер, я сошью, — успокоил его Ало Дино.

Мастер так и ахнул.

— Но, — сказал визирь, — если не сошьешь, царь обоим вам отрубит головы.

— Ну, сынок, уж не знаю, как нам быть.

— Не бойся, мастер, сошью. Если ты мне купишь двадцать пудов орешков, туфельку я сошью в эту же ночь, — ответил Ало Дино.

Мастер купил ему девятнадцать пудов орешков.

— Теперь, мастер, ты иди домой, а я возьмусь за работу, — сказал Ало Дино сапожнику, когда тот доставил ему орешки.

Мастер, озабоченный, вернулся домой, но не вытерпел: среди ночи украдкой пошел посмотреть, что делает Ало Дино. Поднялся на крышу и, увидев через ертик, что Ало Дино сидит и грызет орешки, сказал про себя: «Чорт дернул меня связаться с этим бездельником! Снесут мне голову ни за что!»

Чуть свет сапожник пришел в лавку и увидел рядом с туфлей другую, точь-в-точь такую же. Хотел было взять в руки и посмотреть, как она сшита, но Ало Дино не позволил:

— Ты вчера не хотел взяться за эту работу, а теперь я не дам тебе дотронуться до туфли.

Вскоре пришли назир и визирь и, посмотрев на работу, остались очень довольны.

— Ну, — сказали они, — идемте с нами кто-нибудь из вас, чтоб царь заплатил вам за работу.

— Поди лучше ты, сынок, — сказал сапожник Ало Дино.

Ало Дино пошел с ними. Туфли отнесли к царю, но тот велел показать их своей невестке. Невестка сейчас же догадалась, что это ее туфля, и узнала Ало Дино.

— Почему же ты не приходишь? — спросила она.

— Пока времени нет, — ответил Ало Дино.

Царская невестка подарила мастеру пятьсот рублей. Когда же доложили царю о том, что невестка осталась довольна работой, царь вызвал мастера и подарил от себя еще пятьсот рублей.

Ало Дино, взяв деньги, вернулся к сапожнику.

— На тебе, мастер, деньги, — сказал Ало

Дино сапожнику, — но я больше у тебя не останусь.

— А почему не останешься?

— Да потому, что я у тебя попросил двадцать пудов орешков, а ты мне купил девятнадцать.

Отсюда Ало Дино пришел к старику, сыном которого он сделался.

— Где ты был, сынок? — спросил старик.

— Парень я молодой, шатался по городу, — ответил Ало Дино и добавил, дав старику десять горстей золота: — Отец, может у тебя ничего нет на расходы, на тебе десять горстей золота.

Немного спустя старик вышел на базар и увидел множество войска. На его расспросы, что это за войско, ответили, что пришел со своим войском царь Чачонц и разыскивает того, кто украл у него Азаран блбула. Услышав это, Ало Дино сказал старику:

— Поди, отец, к царю и скажи ему: заклинаю именем Ало Дино (дословно — р а д и с о л н ц а А л о Д и н о), уступи своего коня моему сыну; он сядет на него и поедет к царю Чачонцу держать ответ, чтоб ни один цыпленок в твоей стране не пострадал.

Когда старик явился к царю, тот сказал:

— С тех пор как привели коня, он все стоит в конюшне на привязи: никто не может к нему подойти.

Невестка царя, догадавшись, что старик послан ее мужем, попросила у царя разрешения пойти в конюшню, вывести коня и передать его старику.

Царь разрешил, и невестка пошла, вывела из конюшни коня, наказала ему быть послушным своему хозяину и передала его старику. Старик же доставил его Ало Дино.

Когда Ало Дино выехал на своем коне на майдан, там он встретил старшего брата, который ехал к царю Чачонцу держать ответ.

— Куда едешь? — спросил его Ало Дино.

— Да вот, я добыл птицу блбул, а теперь еду к царю ответ держать, — сказал он и повернул своего коня в сторону, где стояло войско царя Чачонца.

— Где шатер царя? — спросил старший царевич у воинов царя Чачонца.

— Вон тот, красный, — ответили ему.

Вошел он к царю в красный шатер, семь раз поклонился и стал.

— Ты царевич? — спросил царь Чачонц.

— Так точно.

— Ты похитил Азаран блбула?

— Так точно.

— Как же это ты его достал?

— Снял его с дерева в твоем лесу.

— Врешь, брат, блбула не ты добыл, проваливай, — сказал царь, разгневавшись, и велел его выставить в шею.

Когда он печальный, вернулся домой, средний брат сказал:

— Почему ты дал себя поколотить, ведь блбула добыл я, а не ты!

— Коли добыл его ты, так поди и ответ держи.

Тот сел на своего коня и важно поехал к царю Чачонцу.

— Паренек, куда это ты? — спросил его Ало Дино.

— Добыл я Азаран блбула, а теперь еду к царю Чачонцу ответ держать.

— Поезжай, и тебе достанется, — сказал Ало Дино.

— Ты похитил Азаран блбула? — спросил царь Чачонц вошедшего и семь раз поклонившегося среднего царевича.

— Так точно.

— А ну-ка расскажи, как это случилось?

— Было темно. Вижу, вдруг прилетела эта птица с гор и вошла в свое гнездо. Я протянул руку в гнездо и — цап, достал блбула.

— Врешь, блбула добыл не ты, — сказал царь и велел его также прогнать в шею.

После этого царь Чачонц издал приказ: «Найдите мне человека, доставившего Азаран блбула, не то разорю всю страну».

Ало Дино явился к отцу и попросил у него разрешения пойти к царю держать ответ. Царь не узнал своего сына:

— Ладно, иди, коли можешь.

— Царь, — сказал тогда Ало Дино, — давай заключим договор: если я устрою так, что царь Чачонц, не причинив вреда твоей стране — уйдет, ты уступишь на три часа свою власть мне, чтобы я делал за это время все, что хочу. Если согласен, давай заключим договор и приложим руки.

Царь согласился. Заключили договор, и Ало Дино поехал к царю Чачонцу.

— Ты царевич? — спросил царь Чачонц.

— Так точно.

— Ты похитил Азаран блбула?

— Так точно, царь, Азаран блбула добыл я.

— Расскажи, как это случилось?

Ало Дино рассказал ему все, что с ним было.

— Значит, ты — Ало Дино? — спросил царь с удивлением.

— Так точно.

— Но как же мне поверить, что все эти подвиги совершил ты?

Ало Дино, не долго думая, снял с коня хурджин и показал царю губы и носы всех трех дэвов.

Убедившись, что Азаран блбула похитил он, царь Чачонц сказал ему:

— Сынок, я дарю тебе мою птицу, — и, собрав войско, ушел из той земли.

Вернувшись к отцу, Ало Дино сказал:

— Ты меня не узнаешь?

— Нет, не узнаю.

— Да ведь я же твой сын, Ало Дино!

— Если ты мой сын, так сделай, чтобы наш сад распустился.

Ало Дино подошел к Азаран блбулу и сказал:

— Птица, дорогая, заговори, чтобы наш сад расцвел.

Птица заговорила, и сад тотчас же распустился.

Тогда Ало Дино достал договор с подписью царя и сказал:

— На три часа царство принадлежит мне.

— Да, это твое право, — согласился царь.

Ало Дино сел и стал судить братьев. Братья сознались в своей вине.

— Как их мне наказать, царь батюшка? — спросил Ало Дино у отца.

— Сын мой, это — твоя воля.

Ало Дино сказал:

— Они меня не убили, я их тоже не убью. Лишь одно я у тебя прошу: дай каждому из них его жену, и пусть они покинут нашу землю. Чтобы их не было тут, покуда я жив.

Три часа спустя власть снова перешла к царю. Вскоре после этого царь умер, и престол перешел к Ало Дино.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы своей.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. I. Записана в араратской деревне (Аштарак).

ПТИЦА ПАРИ

Жил-был царь. Были у него три сына. На старости лет царь ослеп. Сколько ни старались врачи вернуть царю зрение — все напрасно. Тогда царь вызвал своего старшего сына и сказал:

— Ты должен поехать и раздобыть мне средство против слепоты.

— Куда же мне ехать, батюшка?

— А вот, поезжай в ту страну, в которой не ступало копыто лошади. Даже земля этой страны может исцелить мои глаза.

Старший царевич пошел в конюшню, взял своего коня, сел и поехал. Ехал он шесть месяцев и, наконец, попал в пустынное место, где был родник и над ним — одно иссохшее дерево.

— Вот тебе и раз! — сказал царевич. — Стоит дерево у обильной воды и высохло. Нет тут и тени, где я мог бы поспать.

Сказав это, он покрыл дерево своей буркой и под тенью его лег спать.

Проснувшись, он увидел, что дерево распустилось, и на нем висят яблоки, каждое весом с целый фунт.

Он нарвал этих яблок, наполнил ими свой хурджин, взял из родника несколько бутылок воды и, сказав про себя: «Повезу это отцу,

верно никто в этих краях не был», — пустился в обратный путь.

Когда царю сообщили о приезде сына, он сказал со вздохом:

— Толку-то мало, с пустыми руками поехал, с пустыми вернулся.

— Сынок, до какого места ты доехал? — спросил царь сына, когда тот явился к нему на поклон.

— Отец, я доехал до того места, где не ступала нога и твоих дедов.

— А где же ты был?

— Ехал я долго, пока не доехал до одного родника...

— Знаю, — перебил его отец, — над ним иссохшее дерево; ты спал под ним, дерево распустилось и покрылось яблоками?

— Да, батюшка.

— Я, бывало, — сказал отец, — утром ездил туда пить чай, а вечером возвращался назад. Этак не исцелишь моих глаз.

Вызвал отец среднего сына и велел ехать ему.

— Куда же я поеду, отец, раз мой старший брат вернулся ни с чем?

— Нет, ты должен поехать — настоял отец.

Сел средний брат на коня, взял на дорогу пищу и пустился в путь. Месяцев шесть спустя он доехал до родника, где был его брат. Дальше он ехал еще три месяца и доехал до холма, вершина которого была усеяна янтарем, топазами, алмазами и другими драгоценными камнями.

«Если бы отец мой был в этих краях, то казна наша была бы полна ими», — подумал он и,

набив обе половины хурджина[1] этими камнями, вернулся назад.

Когда доложили отцу о возвращении сына, отец со вздохом сказал:

— Да толку-то мало, — чай, вернулся с пустыми руками.

— Отец, — сказал средний, — был я в такой стране, до которой не добрались и семь колен твоих дедов. Доехал я до одного холма...

— Довольно, не продолжай, знаю. Привез драгоценные камни — жемчуг, изумруд, топаз — не так ли? Покажи твой хурджин.

Когда принесли хурджин и открыли его — там оказались одни стекляшки.

— Ступай-ка, сынок, и позови ко мне моего младшего сына.

— Поезжай теперь ты, — сказал царь младшему, когда тот явился.

— Отец, — сказал младший, — я еще слишком молод, нигде не бывал, как же я достану тебе лекарство?

Когда отец настоял, сын с досадой вышел и лег спать на краю бассейна.

Во сне его спросили: «Что ты тут спишь?» — «Да вот отец требует, чтобы я поехал за лекарством против слепоты, а я и дороги не знаю». — «Не беда, поди скажи отцу: «дай твой перстень, саблю и коня, поеду и доставлю, что надо».

Проснувшись, младший царевич сейчас же побежал к отцу:

— Отец, дай твоего коня, кольцо и саблю, и я достану тебе, что ты хочешь.

[1] Хурджин — переметная сума.

Отец обрадовался и поцеловал сына:

— Знаю, мой храбрый сынок, ты достанешь.

Утром отец дал сыну саблю, перстень и велел оседлать своего коня. Младший царевич тронулся в путь. В полдень он доехал до родника, там пообедал, а вечером был у холма.

Но, поехав дальше, он увидел: одно солнце на небе, другое на земле.

«В какой это я стране очутился?» — сказал он про себя и продолжал путь.

Вскоре он заметил перышко; сошел с коня, взял его и воткнул себе в шапку.

— Паренек, брось это перышко! — сказал ему конь.

— А почему же?

— Оно доставит тебе много хлопот.

— Пустяки, что такое перышко, чтобы от него был вред?

Конь повторил трижды свои слова — тот не послушался.

Тогда конь сказал:

— Если так, пусть грех твой будет на твоей шее.

Поехав дальше, младший царевич прибыл в страну какого-то царя. Царю дали знать, что едет юноша: одно солнце на небе, другое — у него в шапке.

— Позовите этого парнишку.

Когда царевич явился, царь спросил:

— Кто ты такой?

— Чужеземец, приехал осмотреть эти места.

— А что за солнце у тебя в шапке?

— Да это так, перышко, я нашел его на дороге.

— Дай его мне.

Когда царевич отдал ему перышко, царь чуть было не лишился рассудка.

— Ступай братец, спасибо, — сказал он, воткнув перышко в стену.

С тех пор царь не отводил взора от стены. Кто бы ни ходил к нему — не принимал.

— Нет у меня времени, — говорил он.

Однажды у старухи украли цыпленка: она пришла с жалобой к царю.

— Ступай, старуха, нет у меня времени.

Видя, что царь не сводит глаз с перышка, старуха сказала:

— Ты вот так смотришь на перышко, но что же будет с тобой, если ты увидишь птицу, у которой оно выпало?

Тут царь обернулся и спросил:

— Дорогая бабушка, кто может доставить мне эту птицу?

— Достанет тот, кто достал перышко.

Царь велел вызвать к себе приезжего. Тот явился, семь раз поклонился и стал.

— Парнишка, я тебя вызвал для того, чтобы ты поехал и раздобыл птицу, у которой выпало это перышко.

— Где же я найду, царь, ведь я чужеземец и впервые в этих краях.

— Ты должен достать, а не то отрублю тебе голову.

Царевич повесил голову и вернулся к себе со слезами на глазах. Конь увидел его и сказал:

— Поделом тебе, ведь я говорил: не бери перышко, будет худо. Не послушался меня. Но это не все — худшего жди впереди.

— Дорогой мой конь, выручи меня.

— Ладно, не горюй, ложись спать, утром я избавлю тебя от этой напасти.

До утра царевич не мог сомкнуть глаз. Чуть свет он встал, оседлал коня, поел и пустился в путь.

— Куда же нам держать путь, дорогой мой конек?

— Пусти поводья, я знаю, куда нужно итти.

Неизвестно, сколько времени ехал царевич. Наконец, когда показался лес, конь сказал царевичу:

— Знаешь, что это за лес?

— Нет, откуда же я могу знать?

— Лес этот зовется «Верана», — сказал конь. — Сойди, разнуздай меня, ослабь подпругу. Видишь в лесу чинару?

— Вижу.

— Под той чинарой есть мраморный бассейн. Поди, вырой около того бассейна яму и в ней спрячься. По пятницам приходит туда купаться дева Гури-Пари. Сегодня пятница — она придет, скинет перья, положит их на край бассейна и голая войдет в бассейн. Выкупавшись, выйдет и станет одеваться. Ты, смотри, ни с места, когда же она накинет перья и оправит перышки, протяни руки и цепко схвати ее за обе ножки. Поймав таким образом, принеси ее ко мне.

Как конь сказал, так и случилось. Птица прилетела, выкупалась, и когда поправляла перышки, царевич схватил ее за ножки.

— Юноша, пусти меня, иначе быть худу, — сказала птица.

— Птица, дорогая, — ответил царевич, — да

быть мне жертвой твоему имени, твоим ножкам, — ведь, я еще молод, и, если тебя выпущу, царь мне отрубит голову.

— Ну, смотри, — пожалеешь. Я тебя упрячу в такое место, откуда ты больше не вернешься.

Царевич взял птицу, вернулся к коню, сел на него и поехал к царю. Царь взял птицу, поблагодарил и, ничего не дав царевичу, отпустил его.

Царевич вернулся к себе. Царь же заключил птицу в клетку и повесил ее на стене. Птица не издавала ни звука, и это терзало царя. Он умолял, упрашивал ее петь, — хотел узнать, какой у нее голос.

Наконец птица заговорила:

— Да обрушится, царь, твой кров. Я — красивая дева, до того красивая, что если ты станешь искать, такой не найдешь, начиная с Востока — кончая Западом. Достань то, чего я хочу, тогда я сброшу свои перья, стану царицей, и все будут тебе завидовать.

— Скажи, дорогая птица, чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы доставили мне мою служанку. Она живет между Черным и Белым морями у Красного дэва. Прикажи, чтобы ее доставили, и я буду твоей царицей.

— А кто же ее доставит?

— Тот, кто доставил меня, доставит и мою служанку.

Царь послал за царевичем. Тот явился печальный и поклонился царю, как подобает.

— Я тебя вызвал с тем, чтобы ты поехал и доставил мне девушку, которая находится между Черным и Белым морями у Красного дэва.

— Царь, — ответил царевич, — чтобы доставить девушку, нужно ведь перейти моря и драться с дэвами, — как же я это сделаю?

— Говорят тебе — доставь, и кончено. Не доставишь, отрублю тебе голову.

Царевич вернулся к себе со слезами на глазах.

— Чего это ты плачешь? — спросил конь.

— Как же мне не плакать, конек мой дорогой, ведь царь, — да обрушится его кров, — пристал ко мне и требует, чтобы я доставил девушку, живущую у Красного дэва, между Черным и Белым морями.

— Ладно, не печалься, бог милостив — ложись и поспи.

В эту ночь царевич спал немного. Встав чуть свет, он, как и в прошлый раз, поел и, сев на коня, спросил его:

— Куда нам теперь держать путь?

— Пусти поводья, уж я знаю, куда держать путь.

Когда они добрались до моря, конь сказал:

— Вот это Черное море; а ты знаешь, как нужно его перейти?

— Нет, дорогой конь, не знаю.

— Так слушай. Отцовская сабля, что на тебе, сделана из молнии. Ты вынешь ее из ножен, рукоятку приставишь ко лбу, а острие направь к морю — тогда откроется перед тобою дорога. Когда переправишься на другой берег, ты там увидишь пещеру, над крышей которой покажется тоненькая струя дыма. Стань у дверей пещеры и скажи: «Дэв, выйди, будем биться». Тот скажет: «Приходи, сперва покушаем». Ты

не ходи. Если ты трижды произнесешь: «Дэв, выйди», — он выйдет. Тогда ты ударишь его саблей, и голова дэва отлетит и провалится сквозь землю. Ты же войдешь в пещеру, возьмешь девушку за руку, посадишь к себе на седло, вновь направишь острие сабли в сторону воды: перед тобой откроется путь, и ты доставишь девушку царю.

Царевич поступил так, как наказал ему конь, и, взяв девушку, привез ее к царю.

Царь поблагодарил царевича и отпустил его, ничего не заплатив и на этот раз.

Потом он сказал птице:

— Вот, дорогая моя, девушка, которую ты хотела — теперь скинь перья.

— И это все? — ответила птица. — Да ты не знаешь, что если я скину перья и ты увидишь меня, ты умрешь от восторга.

— Как же мне теперь быть? — сказал царь.

— А вот как: в Красном море живут сорок кобылиц. Достань их, выкупайся в их молоке, сделайся Гури-Пари — будем жить вместе. Тогда дети наши также будут Гури-Пари.

— А кто мне доставит кобылиц?

— Тот, кто доставил меня и мою служанку.

Царь опять послал за царевичем.

— Я вызвал тебя, — сказал ему царь, когда тот явился, — чтобы ты доставил мне из Красного моря сорок кобылиц.

Царевич стал было перечить, сказав, что дело это трудное и что он один не сможет доставить сорок кобылиц. Но царь пригрозил отрубить ему голову. Когда царевич со слезами вернулся к себе, конь сказал:

— Ладно, не горюй, тебе ничего не будет, но мне может достаться. Поди к царю и скажи, чтобы он послал на берег моря сорок тюков шерсти, сорок тюков войлоку и сорок тюков кожи.

Царевич доложил об этом царю, и на следующий день царь велел рано утром послать на берег Красного моря шерсти, войлоку и кожи. Вслед за этим поехал к морю царевич. Дорогою конь сказал:

— Царевич, в море не сорок, а тридцать девять кобылиц. Из них одна моя мать и тридцать восемь — мои сестры. Я у них был единственный мальчик, повздорил с матерью и попал в руки твоего отца. Тридцать лет прошло с тех пор, как я расстался с ними. Мать моя говорила, что если я попаду в ее руки, она разорвет меня на куски. Когда мы доберемся до берега, я лягу. Ты покроешь меня сперва шерстью, потом войлоком и под конец кожей. Сделав это, ты спрячешься поблизости. Тогда я слегка заржу, и в море поднимется буря, ты не пугайся. Вскоре появятся моя мать и сестры. Мать прибежит ко мне, а сестры станут поодаль и будут плакать. Подойдя ко мне, мать сбросит с меня сперва кожу — ты ни слова; потом войлок — ты молчи; когда же сбросит половину шерсти — устанет и потянется. Тогда ты прибеги, вставь ногу в стремя и прыгни на нее. Но, смотри, держись крепко: она рассвирепеет, взлетит на небо, чтобы воздух тебя испепелил. Тогда ты полезай ей под брюхо. Потом она бросится вниз, чтобы скинуть тебя с себя, но ты опять переберись на ее спину. Сев в седло, ты хлестни ее кнутом

хорошенько по брюху, да так, чтобы из носу ее закапало материнское молоко. После этого ты скажешь: «Я твой хозяин», — и она станет послушной — пойдет туда, куда ты пожелаешь. Вслед за нею пойдут и мои сестры.

Царевич в точности исполнил слова своего коня, раздобыл кобылиц и пригнал их в страну царя.

Птица Пари сказала царю:

— Прикажи подоить их и выкупайся в их молоке.

— А кто же будет их доить?

— Конечно, тот, кто их пригнал.

Вновь послали за царевичем. Конь сказал ему:

— Царевич, возьми меня с собой. Но прежде чем доить, привяжи свой перстень к нитке и спусти его в котел. Сделав это, ты поодиночке приводи кобылиц и дои, покончив с этим, выкупайся в молоке, достань перстень, вытри его, надень на палец и пошли за царем. Скажи, что все готово, пусть придет выкупаться. Когда царь войдет в котел, молоко вскипит, и царь превратится в комок. Ты этот комок вместе со своей одеждой брось в колодец, а сам надень одежду царя и займи его трон.

Когда все это царевич исполнил, птица сейчас же узнала о гибели царя. Она сбросила с себя перья, превратилась в красавицу, обняла царевича и сказала ему:

— Все это сделала я ради тебя. Теперь ты царь, а я — царица.

Народ не знал о том, что произошло. Спустя несколько месяцев царевич вспомнил об отце и прослезился.

— Что это ты плачешь, не стыдно ли тебе? Был простым человеком — стал царем, у тебя такая красавица жена и ты плачешь?

— Царица, я вспомнил своего отца. Он ослеп, послал меня за лекарством, а я приехал, сделался царем и крепко сижу на троне. Не знаю, жив ли мой отец? Вспомнил о нем, и мне стало больно.

Царица при этих словах засмеялась, обняла его и сказала:

— Отец твой ослеп потому, что десять лет под ряд гнался за мной и не мог поймать. Если я его увижу, — порежу свой палец, намажу своей кровью его глаза, и он сейчас же прозреет. Встань, поедем к твоему отцу.

Царевич вызвал народ, угостил его и сказал:

— Выберите себе другого царя, я уезжаю в другую страну, может, и не вернусь.

Народ выбрал себе нового царя и посадил его на престол. Царевич же с женой поблагодарили народ, надели простую одежду, взяли с собой провизию, тридцать девять кобылиц и пустились в путь. Царевич ехал на старшей кобылице, царица — на коне царевича. Народ поблагодарил и проводил их на расстояние одного дня пути.

Прибыв в страну своего отца, царевич сказал встречному пастуху:

— Поди, поздравь царя, скажи, что сын его приехал.

Когда пастух сообщил об этом царю, царь спросил пастуха:

— А кто еще с ним?

— Сорок голубых кобылиц и одна красавица.

— Благодарение богу! — воскликнул царь и велел дать пастуху меру золота.

Сын, придя домой, приложился к руке отца, отец же его поцеловал. Жена царевича порезала палец, помазала своей кровью глаза царя, и царь прозрел. Он поцеловал ее в лоб и свою корону возложил на голову сына.

— Отныне подобает тебе быть царем, а царицей — твоей жене, — сказал он.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. I. Записана в араратской деревне (Аштарак).

СКАЗКА О КОЗЕ

Жили-были муж и жена. У них была одна-единственная коза. Они жили тем, что доили ее и питались молоком. Однажды жена говорит мужу:

— Поведи козу на базар, продай, да так, чтоб вернуться и с козой, и с деньгами.

— Как же я могу продать козу, чтоб вернуться с козой и с деньгами? — ответил муж.

— А уж как хочешь. Если вернешься без козы, как же мы будем жить без молока?

Муж взял дубину и погнал козу в город. Было утро, и на базаре продавали хаш[1]. Завидя продавца хаша, мужик погнал козу к нему и заорал:

— Продаю козу, кто купит?

— А что тебе дать за козу? — спросил продавец хаша.

— Дай миску хаша — дам козу.

— Ладно, иди ешь.

Мужик взял миску, съел хаш, — затем встал и хотел было погнать козу, но продавец хаша, взяв его за руку, сказал:

— Куда же ты ведешь козу?

[1] Вареные ножки, голова и желудок быка или коровы. Национальное армянское блюдо, обычно подаваемое по утрам. Любимое кушанье новобрачных.

— А ты что думал, — дал миску хаша и хочешь отнять у меня козу?

Стали ругать друг друга и хотели было сцепиться, но собравшаяся толпа усовестила их:

— Не стыдно ли вам драться?

— Как же не драться, — сказал продавец козы, — этот нечестивец дал мне миску хаша и хочет за нее отнять у меня козу, которая стоит пятнадцать рублей.

Толпа обступила продавца хаша и стала его бранить за то, что он хочет из-за миски хаша отнять у него козу. Мужик погнал свою козу дальше и встретил продавца гаты[1].

— Козу продаю, козу продаю, кто купит? — стал он кричать, завидя продавца гаты.

— А что мне дать за твою козу? — спросил тот.

— Дай мне гаты столько, сколько уместится в моем желудке, — уступлю тебе козу.

— Ладно, иди, ешь.

Мужик наелся гаты до отвала, встал, вытер губы и хотел было погнать козу, но продавец гаты его остановил.

— Куда же ты гонишь мою козу?

— Гоню я мою козу, а не твою, — ответил мужик.

— А почему же ты съел гату, если не отдаешь козу?

— Эх ты, дурачок, за одну гату хочешь отнять у меня такую добрую козу?

Они сцепились. Прибежал народ, стали спрашивать, в чем дело.

[1] Гата — мучной слоеный пирог.

— Люди добрые, — сказал мужик, — этот нахал дал мне немного гаты и за это хочет отнять у меня мою козу.

— Как тебе не стыдно! — усовестили продавца гаты собравшиеся.

Тем временем мужик взял свою козу и погнал ее дальше.

Вскоре он встретил халваджи (продавца халвы), который нес на голове халву и кричал:

— Кому хорошей халвы, кому хорошей халвы?

— Кому продам хорошую козу? Кому продам хорошую козу? — стал кричать в свою очередь мужик.

— Сколько ты хочешь за свою козу? — спросил халваджи.

— Дай ломтик халвы — дам козу.

— Бери, ешь.

Мужик, съев халву, погнал козу дальше.

— Эй, куда ты гонишь мою козу? — набросился на него халваджи.

— Разве коза твоя? Не думаешь ли ты из-за ломтика халвы отнять у меня козу?

Мужик сцепился и с ним.

— Что это вы деретесь? — спросили собравшиеся вокруг них люди.

— Посмотрите-ка на этого нечестивца! Дал он мне ломтик халвы и хочет отнять у меня эту большущую козу!

Со всех сторон стали бить халваджи по голове, отняли у него козу и вернули мужику, а тот взял ее и пошел дальше.

Когда наступил вечер, мужик проходил мимо одного дома и сказал себе: «Войду-ка я в этот

дом и заночую в нем». Вошел он в этот дом и увидел там женщину.

— Что тебе тут надо, выйди отсюда вон, — сказала женщина.

— Дорогая, я странник, позволь, проведу тут ночь, а на рассвете уйду.

Женщина не стала перечить, и мужик вошел в хлев. Прошло часа два, вдруг услышал он — стучат в дверь. Мужик посмотрел в щель и увидел, что это был продавец хаша. Несколько времени спустя вновь постучали в дверь. Женщина сказала продавцу хаша:

— Это, наверное, мой муж, спрячься скорее в хлев, иначе он увидит и убьет тебя.

Когда продавец хаша входил в хлев, хозяин козы дернул его за рукав и спросил:

— Кто ты и чего тебе тут надо?

— Молчи, это я, не кричи, — сказал продавец хаша.

— Зачем ты пришел сюда?

— А ты зачем пришел?

— Я козу продаю. Эй, кому продать козу! — стал кричать мужик.

— Не ори, тише, что тебе дать за козу?

— Десять рублей.

— На тебе десять рублей и помалкивай.

Вновь раздался стук в дверь.

Взял мужик деньги и положил в карман. Посмотрев в щель, мужик увидел, что стучавший был продавец гаты. Час спустя вновь постучали в дверь. Стучал халваджи. Женщина сказала продавцу гаты:

— Это, наверное, мой муж — беги в хлев.

Войдя в хлев, он случайно задел мужика.

— Кто это меня тут бьет? — закричал мужик.

— Не ори, — сказал продавец гаты, — я задел тебя невзначай. Что ты тут делаешь?

— Я козу продаю. Эй, козу продаю, кому продам козу?

— Молчи, не кричи, почем стоит коза?

— Двадцать рублей.

— На тебе и молчи.

Взяв деньги и положив их себе в карман, мужик вновь услышал стук в дверь.

— Это, наверное, мой муж, скорей беги в хлев, — шепнула хозяйка халваджи.

Халваджи побежал в хлев.

— Что тебе тут надо? Покупай козу, а не то так заору, что придет хозяин и поймает тебя.

— Бога ради — не ори, скажи цену, я заплачу.

— Цена моей козе двадцать пять рублей.

— На, бери и молчи, — сказал халваджи, дав ему деньги.

Последний стучавший был муж. Увидя его в щель, мужик замолк. Муж, войдя к себе, поужинал и сказал жене:

— Жена, нам пора спать, но сперва я пойду в хлев, посмотрю скотину. А как вернусь — ляжем.

— Нечего смотреть, ты устал, ляжем сейчас, — попросила жена.

— Ну, нет, этак нельзя, надо сперва посмотреть скотину, — ответил муж и пошел в хлев. Когда он входил, продавец козы закричал:

— Кто там?

Муж остолбенел:

— А ты-то кто, что кричишь на меня в моем хлеве?

— Я продаю козу.

— Базар, что ли, тут, что ты продаешь козу?

— Ну, конечно, базар, — ответил мужик, — если не базар, то что же делают тут продавцы хаша, гаты и халваджи?

— Да что ты говоришь?

— А вот зажги свет — увидишь.

Когда он зажег свет и увидел сидевших по средине хлева продавцов хаша, гаты и халвы — обернулся к мужику и сказал:

— Скажи, что стоит твоя коза? Дам тебе деньги, бери и уходи, но чтоб ни кому ни слова не говорил о том, что видел.

— Цена козе десять рублей.

— Бери и проваливай. Но если скажешь об этом кому-нибудь — живым не останешься.

— Ладно, давай.

Взяв деньги, мужик погнал козу из хлева. Придя к себе домой, он сказал жене:

— Жена, я вернулся с козой и с деньгами.

— Ну, вот видишь, — ответила та, — говорила же я тебе: ступай, продай козу, но чтобы вернуться и с козой, и с деньгами, — а ты все мне перечил.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы своей.

Бог послал три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. II. Записана в араратской деревне (Парпи).

ВЕДЬМА

Жил-был нищий. У него было много золота, зашитого в лохмотья. Попав как-то в город, он выбрал укромное местечко, оглянулся по сторонам и, увидев, что вокруг никого нет, сказал себе: «Дай-ка сосчитаю, сколько у меня золота». Но за нищим следила старуха и, заметив, как он сосчитал золото и потом опять зашил его в лохмотья, подошла к нему и сказала:

— Здравствуй, муженек, где ты пропадал до этих пор? Ведь ты же мой муж!

— Да ты чорт, что ли, что хватаешь меня за горло? Какая ты мне жена, если ее у меня отродясь не было? — ответил нищий.

— Нет, уж не морочь, ты мой муж, знать ничего не хочу.

Слово за слово, сцепились и пошли к судье с жалобой.

Судья сказал нищему:

— Старина, чего упрямишься, раз она хочет стать твоей женой, согласись: тебе не придется зря шататься — она будет зарабатывать и тебя кормить.

Старуха взяла нищего и привела его к себе домой.

— Ай, ай, муженек, *да чтоб я ослепла*, — до чего это у тебя грязное платье. Скинь,

я его выстираю, выкупаю тебя, и ты будешь ходить чистый, — сказала она ему дома.

Старик снял одежду и дал старухе. Она, взяв одежду, распорола ее, взяла золото, потом выстирала лохмотья и развесила их на веревке, а сама убежала.

Старик все ждал ее возвращения. Но, видя, что ее долго нет, сказал про себя: «Выйду-ка посмотрю, куда делась старуха». Но тут он сразу вспомнил о золоте и побежал к своим лохмотьям. Не найдя золота, старик понял, что старуха его обокрала. Долго он горевал и, наконец, решил пуститься по ее следам.

Тем временем старуха, забрав его золото, перебралась в другой город. Там, бродя по улицам, она остановилась у окон одного богатого человека. Дома была лишь одна хозяйка. Муж был в другом городе. Хозяйка была очень красивая женщина. Посмотрев в окно и заметив старуху, она спросила:

— Что ты тут делаешь, нани?

— Да сделаться мне твоей жертвой, милая, — что же мне делать? Женщина я одинокая, умоляю тебя, дай мне угол, где бы я могла преклонить голову. За твой кусок хлеба тебе буду служить до конца моих дней.

Женщина взяла старуху к себе в дом, накормила и отвела ей угол. Спустя несколько дней она послала старуху на базар за покупкой. На базаре один богатый купец зазвал ее к себе и сказал:

— Нани, мне приглянулась твоя хозяйка. Я дам тебе сколько хочешь денег, только устрой так, чтобы ночью я мог пробраться к ней.

— Дай триста рублей — я устрою это нынче же ночью, — ответила старуха.

Купец дал ей деньги, и она ушла. В полночь пришел купец и постучал в дверь. Старуха впустила его в дом.

— Нани, кого это ты впустила в дом? — спросила хозяйка.

— Ничего, милая, это мой земляк, заночует сегодня здесь и рано утром уйдет, — ответила старуха.

— Нет, нани я не могу ночью впустить в дом чужого человека.

Но старуха стала ее упрашивать позволить земляку заночевать у ней в сенях.

— Ну, уж пусть он заночует у тебя, — уступила женщина.

Старуха повела купца к себе. В полночь тот спросил старуху:

— Как же теперь быть?

— Да так, — ответила старуха, — я ей уже про тебя говорила, разденься и поди к ней.

Купец разделся и пошел в покои женщины.

А хитрая старуха тем временем забрала его одежду, часы, пояс, обувь, — заперла дверь и убежала.

Когда купец вошел к женщине, та испугалась:

— Чего тебе тут надо?

— Ведь ты же дала согласие — вот я и пришел.

— Кэму я дала согласие?

— Старухе. Она забрала у меня вчера триста рублей, чтобы привести к тебе.

— Ах ты, проклятая ведьма! — вскричала женщина. — Что это ты вздумала за шутки шутить! — и побежала к старухе.

Но уже было поздно: старуха исчезла, захватив одежду купца.

Женщина подняла крик, прибежали на помощь соседи. Купец же, видя, что дело плохо, пустился наутек в одном белье.

Утром женщина наняла людей, чтобы кричали по улицам о проделках старухи. В поисках за старухой пришел в тот город и нищий. Он рассказал женщине про то, как старуха обчистила и его.

Наконец после долгих поисков старуху поймали и привели к царю. С ней вместе пошли к царю — женщина, нищий и купец. Когда их привели во дворец, старуха сейчас же заметила, что женщина сильно понравилась царю. Она тайком подкралась к царю и украдкой спросила его:

— Царь, зачем ты так пристально смотришь на эту женщину?

— Как же не смотреть, — да обрушится твой дом, — такой красавицы в жизни своей еще не видывал, — ответил царь.

— Она моя дочь, царь, что ты мне дашь, если я ее выдам за тебя?

— Проси, чего хочешь.

— Дай триста рублей.

Царь дал ей триста рублей, и она сказала ему:

— Царь, помоги мне незаметно отсюда выбраться, не то дочь увидит, что меня нет, и начнет плакать.

— Выпрыгни через это окно — тебя никто не заметит.

Когда старуха исчезла, царь вызвал женщину и сказал:

— Твоя мать выдала тебя за меня — ты моя.

— Какая мать? Неужто она еще что-нибудь выкинула? Мы пришли к тебе с жалобой на нее.

Тут царь разгневался и велел во что бы то ни стало поймать старуху. Старуху поймали и привели к царю. Тот ее исколотил до того, что она перестала дышать. Потом царь приказал обернуть ее тело в войлок и отдать погонщикам мулов, чтобы они бросили ее в море.

Погонщики навьючили тело старухи на мула и отправились к морю. Неподалеку от моря старуха очнулась, приподнялась и села. Погонщики опешили.

— Вернитесь к царю, — сказала им старуха, — и поздравьте его: скажите, что, мол, твоя матушка ожила. Я завещала, чтобы после моей смерти меня бросили в море.

Погонщики мулов поспешно вернулись к царю и доложили:

— Царь, поздравляем, мать твоя ожила и просила прислать за ней людей, чтобы ее доставили к тебе.

— Да чтоб обрушился ваш дом! Бегите назад, поймайте ее и доставьте сюда, — приказал царь.

Когда они побежали назад, там уже не оказалось ни старухи, ни мулов: старуха загнала мулов в лодку и переправилась на другой берег. Погонщики вернулись с пустыми руками.

— А где же старуха? — спросил царь.

— Царь, — ответили те, — покуда мы добрались до берега, она уже успела погрузить мулов на судно и выйти в море.

Царь сказал женщине, нищему и купцу:

— Что же я могу сделать для вас, раз она со мной сыграла такую штуку?

Те повесили головы и отправились восвояси.

«Маргаритнер», кн. II. Записана в араратской деревне (Вагаршапат).

СКАЗКА О ПРАВОМ И НЕПРАВОМ

Шли два человека и беседовали между собой. Один спросил у другого:

— А вот скажи, кому следует пойти вперед — правому или неправому?

— Правому.

— Нет, неправому.

Они побились об заклад, что спросят об этом у первого же встречного, и кто из них выиграет, тот вырежет другому глаза. Вскоре они набрели на старика, и неправый спросил у него:

— Дед, кому следует пойти вперед — правому или неправому?

— Неправому, — ответил старик.

— Вот видишь, — сказал неправый, — дай вырежу тебе глаза.

Старик достал из кармана нож, дал неправому и говорит:

— На, вырежь.

Неправый вырезал правому глаза и бросил его у ворот развалившейся мельницы. Спустя некоторое время, возвратился владелец мельницы и увидел правого.

— Что ты тут лежишь, дружище?

Правый рассказал ему все, что с ним случилось.

— Вставай, пойдем ко мне, — до каких же пор будешь тут лежать.

— Нет, — ответил правый, — я не пойду к тебе, а лучше проводи меня на мельницу. Я останусь там до утра, а после подумаю, что мне делать.

— Да ведь на моей мельнице водятся черти — они тебя погубят.

— Чертей я не боюсь — пусть будет, что будет.

Мельник взвалил правого себе на плечи, понес и положил его в углу на мельнице, а сам вернулся домой.

В полночь на мельнице поднялась суматоха: отовсюду туда слетались черти. Один из них сказал:

— Я свел с ума царскую дочь.

— Велика важность, — ответил другой, — если убьют черную собаку пастуха и кровью собаки помажут тело девушки — она исцелится.

— А я вчера встретил двух путников, — сказал, третий, — споривших между собой о том, кому следует пойти вперед — правому или неправому. Я им предстал в виде старика, и они меня спросили об этом. Я сказал, что неправому, и, достав из кармана нож, дал неправому, а тот вырезал глаза правому.

— Это тоже не ахти какая штука, — ответил другой чорт. — Если слепец подойдет к чинаре, стоящей у мельницы, да станет копать под ней — появится вода; глаза у него в кармане — он вложит их в глазницы, смочит водой и прозреет.

— А я поссорил двух людей над золотом, находящимся под мельничным камнем, и они убили друг друга, — сказал один из чертей.

Но тут запел петух, и черти мигом исчезли. Утром пришел хозяин мельницы и спросил правого:

— Ну что, брат, ночью с тобой ничего не случилось?

— Нет, — ответил тот, — ничего не случилось. У мельницы есть чинара?

— Да, есть.

— Поведи меня туда и брось под ее тень.

Хозяин мельницы исполнил его просьбу и сам ушел. Правый стал руками рыть землю и вскоре почувствовал, что сочится вода. Глаза его были у него в кармане. Он их достал, вложил в глазницы, помочил водой и исцелился. Встав на ноги, он поднял мельничный камень и нашел там две меры золота. Захватив золото, он отправился к пастуху, владельцу черной собаки. Собака при виде правого хотела было наброситься на него, но пастух во-время подоспел.

— Не продашь ли ты мне, пастух, эту собаку?

— Нет, она не продажная.

— Я дам за нее сто рублей.

Услышав о таких деньгах, пастух даже затрясся.

— Давай, давай, продаю!

Правый дал ему сто рублей, взял собаку и пошел в ближайшую деревню. Тут он раздобыл посудину, зарезал собаку, собрал ее кровь и отправился в город к царю.

Явившись к царю, он поклонился ему и сказал, что хочет исцелить царевну.

— А можешь ли ты исцелить ее? — спросил царь.

— Потому-то я и явился, — ответил правый.

— Если исцелишь ее — я выдам дочку за тебя замуж.

Правый, захватив кровь собаки, вошел к царевне. Он поставил ее на ноги, смазал ее кровью собаки, и от этого кожа девушки вздулась и лопнула. Когда царевна очнулась и заметила мужчину, она застыдилась и укорила его:

— Бесстыдник, что ты тут делаешь?

Дали знать царю. Царь сильно обрадовался выздоровлению дочери. Девушку нарядили, выдали замуж за правого и справляли свадьбу семь дней и семь ночей.

Вскоре царь умер, и так как у него не было наследника, зять занял его трон.

Прошло некоторое время. Однажды правый, сидя у себя на балконе, увидел неправого, проходившего по улице. Он велел своим назирам вызвать его к себе. Неправого привели. Царь спросил:

— Помнишь, у тебя был товарищ, куда он делся?

— О каком товарище ты говоришь? У меня не было товарища, — ответил неправый.

— Вспомни хорошенько.

Неправый долго думал и, наконец, вспомнил. Царь велел ему рассказать все, как было. Тот начал рассказывать: так и так — был у меня товарищ, шли мы и заспорили, кому пойти вперед — правому или неправому. Встретили старика и спросили его. Тот сказал — неправому и дал мне нож, которым я вырезал ему глаза.

— Теперь не знаю, — закончил свой рассказ неправый, — жив ли мой товарищ или умер.

— Хорошо, иди, — сказал царь.

— Куда мне итти? И зачем ты меня расспрашивал? — возразил неправый.

— Так, — ответил царь.

— Умоляю тебя, скажи мне, зачем ты расспрашивал?

— Я был твоим товарищем, — ответил царь и рассказал ему всё, что случилось с ним после того, как неправый покинул его у мельницы.

«Где это слыхано, чтоб правый стал царем, а я нет?» — подумал неправый и, уйдя от царя, прямо направился на мельницу. Войдя в нее, он спрятался в углу. В полночь собрались черти:

— Ах, как жаль, царская дочка исцелилась! — сказал один из чертей.

— Исцелился и тот человек, которому я вырезал глаза.

— Он стал даже царем, — сказал другой.

Тогда старший из чертей спросил:

— А может быть, на мельнице был человек и подслушал нас? Поищите-ка хорошенько — нет ли тут кого-нибудь?

Черти бросились искать по углам и, найдя неправого, съежившегося в углу, завернули его в ковер, набросились на него и стали колотить его до тех пор, пока тот не испустил дух.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей.

От бога упали три яблока: одно рассказчику, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн II. Записана в араратской деревне (Парпи).

ЧОПЧИ[1]

Жил-был человек. Он был до того беден, что с трудом добывал себе кусок хлеба. Изо дня в день брал он бечевку и топор, ходил в лес, собирал сучья и хворост, продавал их на рынке и тем жил. Однажды, когда он в лесу колол дрова, из-под дров вылезла змея. При виде ее мужик испугался и замер. Змея говорит ему:

— Не бойся меня, отруби мне одну пядь головы, зарой у себя в избе и запри двери. Спустя семь недель открой избу и увидишь в ней дерево с семью гранатами. В тех гранатах будут драгоценные камни. Продашь один из них, и у тебя будет богатство не меньше, чем у царя.

Мужик дрожащими от страха руками отрубил змее голову, отнес и зарыл ее в избе и крепко-накрепко запер двери. Семь недель он не открывал избы. По прошествии семи недель он вошел в избу и увидел там красивое гранатовое дерево с семью гранатами.

«Посмотрю-ка, что это за гранаты», — сказал он про себя и сорвал один из них.

Расколов его, он увидел, что гранат не съедобен, и, взяв куски, понес на рынок. За каждый кусок ему дали три тысячи рублей. Покупатель сказал, что целый гранат будет стоить дороже.

[1] Чопчи — собиратель хвороста.

Пришел он домой, сорвал еще один гранат, понес на рынок и продал за десять тысяч. С тех пор сколько он ни рвал их, на дереве всегда оставалось семь гранатов, и у мужика было добра не меньше, чем у царя. Он щедро помогал односельчанам — кому хлебом, кому деньгами, и, наконец, его выбрали в цари.

Однажды приехал в те края человек, который знал, что царь этот раньше был бедняком и разбогател лишь впоследствии. Он стал ломать голову: «Нельзя ли как-нибудь выведать тайну царя и отнять его богатство?» Он стал расспрашивать — не знает ли кто, как разбогател царь. Но никто этого не знал.

Тогда он повернул лошадь и поехал к деревенской старухе.

— Нани, не знаешь ли ты, как разбогател ваш царь? Если ответишь — дам тебе много денег.

— Знаю, но что ты мне дашь, если я скажу?

— Вот тебе тысяча рублей.

Получив деньги, старуха рассказала ему все, как было.

Выведав тайну царя, человек отправился к нему. Царь принял его и угостил.

— Царь, — спросил человек, — говорят, раньше ты был бедняком. Как же случилось, что ты так сразу разбогател и стал царем?

— Неправда, я всю жизнь был богат, — ответил царь.

— Бьюсь об заклад, что нет. Я тебе сам расскажу, как ты разбогател.

Царь был уверен, что никто не знает его тайны, и стал биться об заклад. Вызвали в сви-

детели попов, старост и князей и побились об заклад.

— Но что же ты дашь, если я проиграю? — спросил царь.

— Царь, я не менее богат, чем ты. Если проиграю я, даю тебе все мое состояние, если же ты проиграешь, ты уступаешь мне свой трон и богатство.

Тут он подробно рассказал все, как было. Царь был поражен.

— А теперь, свидетели, — староста, князья, священники, — пойдемте посмотрим, правду ли я сказал, — кончил человек и пошел в царские покои.

Когда свидетели увидели гранатовое дерево, они прогнали царя, а его богатство и семью передали выигравшему заклад.

Царь несколько дней под ряд был вне себя от ярости.

— Боже, если ты хотел отнять, почему ты давал? — говорил он и, наконец, решил пойти к богу с жалобой.

Долго ли, коротко ли он шел — неизвестно, наконец, он дошел до двух женщин, таких прекрасных, что они как будто говорили солнцу: «Спрячься, мы выйдем вместо тебя».

— Куда держишь путь, дядя? — спросила его одна из женщин.

— Иду к богу с жалобой.

— Умоляю тебя, расскажи ему про наше горе: у нас всего вдоволь — еды, питья, одежды — но днем и ночью изводит нас головная боль.

— Хорошо, расскажу ему о вашем горе, а потом о своем, — ответил чопчи и пошел дальше.

Шел он, шел и видит трех коней, грызших друг у друга спины. Он поздоровался с ними, и когда кони узнали, что крестьянин идет к богу, то стали его упрашивать рассказать ему про их горе:

— У нас всего вдоволь, но нас изводит чесотка.

— Хорошо, я расскажу богу об этом, — ответил чопчи и продолжал путь.

Шел он долго и, наконец, встретил глубокого старика.

— Куда держишь путь? — спросил старик.

— Оставь меня, отец, с моим горем, и не спрашивай.

— Расскажи, может, я помогу тебе. На что ты хочешь жаловаться богу?

— Ведь ты не бог, не приставай.

— Я — бог, расскажи, в чем дело.

— По дороге сюда, — начал тогда чопчи, — я встретил двух женщин. Они говорили, что у них всего вдоволь, ни в чем не терпят нужды, но их изводит головная боль. Когда же они узнали, что я иду к богу с жалобой, то попросили умолить тебя, чтоб ты их исцелил.

— Хорошо, — ответил старик, — еще что скажешь?

— Дальше я встретил трех коней — у них всего вдоволь, но их мучила чесотка.

— Ладно, — а еще что?

— Что же мне сказать еще: зачем ты дал, если хотел отнять?

Старик сказал:

— Вернись и скажи женщинам, что покуда они не выйдут замуж, не избавятся от головной боли. Коням скажи, что они исцелятся, если будут служить людям. А потом ты забери их с собой и вернись в свое село. Человек, который побился с тобой об заклад, придет и захочет опять биться с тобой об заклад, чтоб завладеть женщинами и конями. Когда он придет к тебе, ты спроси: «Откуда восходит солнце?» Он ответит: «С востока». Ты же не бойся — говори, что с запада.

Сказав это, старик исчез. Чопчи понял, что перед ним был бог.

На обратном пути он сказал коням:

— Покуда вы не попадете в руки людей — не исцелитесь от чесотки.

— Добрый человек, возьми нас с собой, — ответили кони.

Взяв коней, мужик пришел к женщинам. Поздоровался он с ними и сказал:

— Пока вы не выйдете замуж, не исцелитесь от головной боли.

— Возьми же нас себе в жены, мы пойдем с тобой.

Чопчи посадил женщин на коней, сел сам, и втроем они пустились в путь.

Человек, выигравший заклад, став царем, не давал покоя жителям той деревни: он мучил крестьян и превратил их в рабов. Когда крестьяне рано утром увидели своего прежнего царя на коне с двумя женщинами, они сильно обрадовались:

— Слава тебе, господи, наш царь вернулся!

Дали знать выигравшему заклад. При виде мужика он чуть не лопнул от зависти. «Нельзя ли отнять у него жен и коней? — подумал он. — Ведь у него ничего нет, чем он мог бы кормить своих жен. Как-нибудь обману его и отниму их у него».

Подойдя к мужику, он сказал:

— Давай опять побьемся об заклад, хочешь?

— Давай.

Вызвали свидетелей: старост, князей, попов.

— Откуда всходит солнце? — спросил мужик.

— С востока, — ответил обманщик.

— А я говорю — с запада.

Крестьяне подняли вой.

— Что ты делаешь, царь-батюшка! Бог осчастливил тебя, а ты опять хочешь проиграть. Разве с запада всходит солнце?

— Бог велик, — ответил чопчи.

Легли спать.

Многие из крестьян не могли уснуть в эту ночь и до утра молились богу.

Чуть свет собрались: выигравший заклад, чопчи, попы, князья, старосты.

— Ну, посмотрим теперь, откуда взойдет солнце, — говорили они.

Выигравший заклад спокойно смотрел на восток. Но солнце взошло с запада. Увидев солнце, чопчи сказал обманщику:

— Что ты все на восток смотришь, посмотри и на запад.

Чопчи выиграл заклад, отнял у своего противника царство и все, что у него было. Но он сжалился над ним и отдал ему жену и детей.

Крестьяне ликовали семь дней и семь ночей, — ели, пили, веселились и благодарили бога.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. II. Записана в араратской деревне (Ошакан).

ЗМЕЯ И РЫБА

Змея и рыба побратались.

— Сестрица, — сказала змея рыбе, — возьми меня на спину и покатай на море.

— Хорошо, — ответила рыба, — садись мне на спину, я покатаю тебя; посмотри, каково наше море.

Змея обвилась вокруг рыбы, а та поплыла по морю. Не успели они немного проплыть, как змея укусила рыбу в спину.

— Сестрица, почему ты кусаешь меня? — спросила рыба.

— Я нечаянно, — ответила змея.

Поплыли еще немного, и змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, почему ты кусаешься? — спросила рыба.

— Солнце помутило мне голову, — ответила змея.

Поплыли еще немного — змея опять укусила рыбу.

— Сестрица, что это ты все кусаешь меня?

— Такой уж у меня обычай, — ответила змея.

— А знаешь, у меня тоже есть обычай, — ответила рыба и нырнула в глубину моря.

Змея захлебнулась и утонула.

— Вот каков мой обычай! — сказала рыба.

«Маргаритнер», кн. III. Рассказана в араратской деревне выходцем из Турецкой Армении.

СКАЗКА О СЫНЕ ПАХАРЯ ОГАНА

Жил-был пахарь, по имени Оган, и был у него один непутевый сын. Когда все усилия пахаря поставить на путь-дорогу сына оказались напрасными, отец решил его отослать от себя.

— Жена, хочу сына отдать в ученье мастеру, — сказал он жене.

— Ладно, отдай, — ответила та.

Взял пахарь сына и пустился в путь. Долго ли, коротко ли они шли, но вот, наконец, дошли до жилого места.

Завидя дом, сын обрадовался, решив про себя: «Вот и хорошо, тут мы и поотдохнем!» Но, бедный, не знал, куда они попали. Когда отец и сын вошли в дом, они увидели там сорок разбойников.

— Вот так дело, — сказали разбойники, — мы, рыща по горам и долам, ищем дичь, а она сама явилась к нам! Кто ты будешь и из каких краев? — спросили они пахаря.

— Да вот привел сына отдать в ученье.

Разбойники расхохотались.

— Как же, как же, дядя, возьмем его, не откажем, коли ты хочешь, чтобы сын твой тоже занимался разбоем.

— Пусть занимается, ведь дает же ремесло ваше вам хлеб, пусть и он тоже этак зарабатывает себе хлеб.

— Переночуй, дядя, с нами и утречком возвращайся домой. Когда сын твой научится нашему ремеслу, мы его отдадим назад тебе.

На следующее утро разбойники велели сыну пахаря взять кувшин и пойти за водой. Тот взял кувшин, пошел к роднику, погрузил его в воду, но лишь стал тащить полный кувшин из воды, как почувствовал, что его кто-то тянет. Дернув кувшин, парень заметил белую руку. Не смутившись, одной рукой он схватил кувшин, другой — показавшуюся в воде руку. Из родника раздался крик, и кто-то запустил в сына пахаря чашей. Сын пахаря выпустил руку. Чаша его не задела и упала неподалеку от родника.

Вытащив полный кувшин воды, сын пахаря поднял чашу, вычистил ее, положил в карман и направился к разбойникам. При виде парня разбойники удивились.

— Откуда ты достал воду? — спросили они.

— Из родника, что возле дома.

Тут он рассказал им о том, что с ним случилось, и, достав из кармана чашу, протянул ее главарю разбойников. Тот, взяв ее в руку, так и ахнул. Затем, встав с места, он поцеловал мальчика в лоб и сказал:

— Цены нет этой чаше, паренек, ты нам большую услугу оказал. — А потом он обратился к товарищам. — Ну, ребята, грешно нам после этого разбоем заниматься. Продадим мы эту чашу, и выручки нам вдоволь хватит на весь ваш век. Приведите моего коня, я сейчас же поеду продам чашу, а вернусь — выручку разделим между собою.

Главарь разбойников сел на коня, поехал в город продать чашу сарафам[1]. Никто из сарафов не мог купить ее.

— Чашу эту может купить один лишь сараф, торгующий на большом базаре, — сказали они.

Этот сараф взял чашу и, осмотрев ее, сказал главе разбойников:

— Вещь эта очень дорогая, — пойдем к царю, пусть он назначит цену, и я ее куплю.

Когда пришли к царю, сараф бросился ему в ноги:

— Вот, царь, та самая чаша, что украли у меня несколько лет тому назад из лавки. Вора теперь я нашел, вот он. Молю тебя отнять у него чашу и вернуть ее мне.

— Откуда достал ты эту чашу? — спросил царь у главы разбойников.

Тот рассказал все, как было. Царь приказал привести остальных тридцать девять разбойников и парня. Парень, явившись, семь раз поклонился царю и стал перед ним.

— Чашу добыл я, — сказал он. — Хочешь, побьемся об заклад: если я добуду еще одиннадцать таких чаш, ты выгонишь из своей страны всех сарафов, не добуду — вели отрубить мне и всем моим товарищам головы.

Царь приказал заключить разбойников в темницу, а парню — доставить одиннадцать таких же чаш.

Парень сел на коня главы разбойников и пустился в путь. Долго ли, коротко ли он ехал, наконец, приехал в богатый город. Он посту-

[1] Сараф — меняла.

чался на окраине города в дом, и, когда вошел, увидел старуху, до того насупившую брови, что если бы с них упала блоха — разбилась бы на сто частей.

— Нани, чего это ты насупилась? — спросил парень.

— Эх, оставь меня в покое, ешь свой хлеб и сиди — молчи.

— Умоляю, расскажи о причине твоего горя, — может, я тебе пособлю!

— Пробовали мне помочь парни получше тебя, — все напрасно, ничего не выходило.

— Нет, нани, молю тебя, расскажи.

— У царя нашего был прекрасный сын. Умер он. Похоронили мы его. Днем он остается в земле, а по ночам труп его кто-то вынимает из могилы, и саван на нем оказывается изодранным в клочья.

— Ну, нани, убери еду — не хочу больше есть.

— Почему, сынок?

— Не хочу, пища становится мне поперек горла.

Тогда старуха повела парня к царю.

— Вот, царь, — сказала она, — этот парень вызывается так охранять могилу твоего сына, что никто до него не дотронется. «Если не сумею, — говорит, — пусть отрубят мне голову».

— Поди охраняй! — приказал царь.

Парень пошел и спрятался несколько поодаль от могилы. В полночь видит: прилетели к могиле три голубя, сбросили с себя перья, превратились в трех красавиц и стали беседовать между собой.

— Ну, что, может, покушаем сначала, а потом приведем царевича, — сказала одна.

— Да чтоб обрушился твой кров, разве мы сможем глотать пищу, оставив спящим такого чудесного парня? — ответила другая.

Третья расстелила скатерть, взяла в руку красную палочку, ударила ею по скатерти и сказала:

— Скатерть, раскройся!

Скатерть покрылась тысячью яств. После этого они подошли к могиле, и одна из них, ударив палочкой по могильной плите, промолвила: «Камень отодвинься!» Камень отодвинулся. Ударив по земле, сказала: «Земля, раскройся!» Земля раскрылась. Достали они из могилы труп, положили на землю, и царевич сейчас же ожил и сел, как только ударили его палочкой. Потом они нарядили царевича в новые платья, повели к скатерти, посадили против себя, а сами расселись в ряд.

Заметив это, парень сказал про себя: «Вот и хорошо, что девы расселись рядышком, — выпущу стрелу, и царевича не задену».

Как только сын пахаря выпустил стрелу, девы пришли в замешательство, побросали скатерть и палочку, едва надели на себя перья и улетели. Сын пахаря подошел к царевичу с мечом в руке и сказал:

— Здравствуй, царевич!

— Здравствуй, братец!

— Я — страж твоего отца, давай-ка сядем, малость поедим.

Поели. Сын пахаря сказал царевичу:

— А теперь давай я водворю тебя обратно.

— Умоляю, не делай этого, пойдем лучше вместе со мною во дворец.

— Нет, нельзя, ты должен войти в могилу.

Привязывая скатерть к спине, он на конце скатерти заметил кольцо, снял и надел его на палец. Потом, взяв палку, ударил ею по могиле, и царевич вошел в нее и покрылся землей.

С наступлением утра пришли люди царя к могиле и с удивлением заметили, что камень на ней не сдвинут. Доложили об этом царю. Когда сын пахаря явился к нему, тот спросил:

— Как это ты уберег могилу?

— А вот приходите с царицей — увидите.

Царь, царица, назиры, визиры и сын пахаря пришли посмотреть могилу.

— Видишь, царь, камень не сдвинулся с места. Что бы ты дал, царь, если бы я живым доставил твоего сына из могилы?

— Все, что ты захочешь.

— Ну, если так, возвращайтесь вы все домой, я добуду царевича и приведу.

Не успели царь и царица с назирами и визирами притти домой, как за ними вошел сын пахаря об руку с царевичем.

— Вот, царь, твой сын!

Царь и царица несказанно обрадовались.

— Требуй, что хочешь!

Сын пахаря, достав чашу, попросил у царя одинадцать таких же чаш.

— Из-за них сорок моих братьев томятся в темнице, — сказал сын пахаря.

— Сынок, таких чаш у меня нет, потребуй дочку, казну — все, что хочешь, дам, но таких чаш нет у меня.

— Если так, ничего не хочу, — сказал парень и, сев на коня, уехал.

Долго ли, коротко ли он ехал — наконец, попал в большой город у берега моря. Войдя в один из окраинных домов, он встретил там человека, удрученного скорбью.

— Братец, как мне быть, — рад от души, что ты пришел ко мне в гости, да больно мне, что нечем тебя угостить.

— Не печалься, еды у меня много.

Сказав это, сын пахаря достал скатерть, ударил ее палкой, и она раскрылась, полная снеди. После того как хозяин дома и его домочадцы наелись вдоволь, сын пахаря попросил рассказать — почему город сидит без хлеба.

— У нас нет места для пахоты, братец.

— А откуда же вы получаете хлеб?

— Морем с того берега доставляли.

— Почему же не доставляют теперь?

— Видишь ли, из моря высунулась чья-то рука. Едем отсюда на тот берег — ничего, пропускает; но когда, нагрузив корабли зерном, возвращаемся назад, рука эта опрокидывает корабли, и мы не знаем, как с ней бороться.

— А если я поеду, нагружу корабли всяким добром и вернусь, царь мне даст то, чего я хочу?

— Да он тебя озолотит.

— Коли так, встань-ка, пойдем к царю.

Явившись к царю, сын пахаря сказал:

— Что ты мне дашь, царь, если я поеду, нагружу корабли всяким добром и вернусь с ними в твое государство?

— Что только ни пожелаешь.

Парень снарядил сорок кораблей, переправился на другой берег, нагрузил их зерном и повернул назад.

На обратном пути, среди моря, он видит — высунулась белая рука с браслетом у кисти. Парень не растерялся — схватил ее и стал тянуть к себе, но рука не далась, а ушла в море, только браслет остался у парня. Тогда сын пахаря пустился в дальнейший путь и благополучно прибыл в город с нагруженными кораблями. Горожане ликовали от наступившего изобилия.

Парень явился к царю и сказал:

— Царь, дай обещанное — я уеду.

— А чего ты хочешь? — спросил царь.

— Одиннадцать таких чаш, — ответил он, показав ему чашу.

— Нет, этого я не смогу, ведь одна такая чаша стоит всего моего государства. Попроси руку моей дочери, потребуй мое царство — все дам.

— Не хочу, мои сорок братьев томятся в темнице, я во что бы то ни стало должен раздобыть одиннадцать таких чаш, чтобы освободить их.

— В таком случае дай мне сроку до утра, я поговорю с начальником кораблей и сообщу тебе ответ, — сказал царь.

Царь вызвал начальника кораблей и спросил его — знает ли он место дочерей царя Гури.

— Знаю, — ответил гямибаши (начальник кораблей).

— Приехал сюда один парень. Ты его возьми с собой и покажи место дочерей царя Гури.

Парень оставил своего коня в городе, сел на корабль и, проплыв морем семь дней и семь ночей, прибыл на другой берег. Тут он увидел железные ворота.

— Войди в эти ворота, и за ними ты встретишь дочерей царя Гури. А когда мне вернуться за тобой? — спросил начальник.

— Дней через пятнадцать.

Войдя в ворота и пройдя еще немного, парень увидел ослепительно прекрасного старца, варившего пищу, засучив рукава.

— Здравствуй, дед!

— Здравствуй человеческий сын. Змея на своем пупке доползти, птица на крыльях долететь не могут до этих мест, — как это ты попал сюда?

— Любовь к тебе привела меня сюда.

— Видать, ты парень добрый, дай-ка я тебя спрячу, не то придут девы, заметят тебя и погубят. Жалко мне тебя!

Он спрятал сына пахаря и велел ему молчать. Немного спустя явились девы.

— Здесь человечиной пахнет, — сказали они.

— Это от меня. Я ведь человек — от меня и пахнет, — ответил старик.

— Нет, это запах чужого человека.

— Да нет же тут никого, говорят вам.

— Ну, если так, дай нам поесть.

Старик расстелил скатерть. Сестры уселись. Но не успели они начать еду, как явился назир царя Гури с посланием в руке.

— Повремени, прочтем после обеда, — сказали ему девы.

За обедом старшая, налив всем вина, говорит:

— Я пью за здоровье парня, вырвавшего у меня чашу и избавившего мою душу. Сорок разбойников не осмеливались подходить к роднику, он же не только достал воду из родника, но и отнял у меня чашу. Молодец паренек!

Средняя сестра засмеялась.

— А если я про случившееся со мною расскажу?

— Расскажи!

Опять они разлили вино.

— Я пью за того молодца, который отнял у меня волшебную палочку и скатерть и воскресил убитого мною царевича. Молодец паренек!

Младшая сестра засмеялась:

— А я пью за того парня, который чуть не вырвал мне руку и благополучно доставил по морю сорок кораблей в страну, томившуюся от голода. Молодец паренек!

Старик, услыша эти слова дев, решил про себя, что молодец этот должен быть тем самым пареньком, которого он спрятал.

— А что вы мне дадите, если я приведу сюда этого парня?

— Все, что захочешь.

При этих словах сын пахаря вышел к девам:

— Здравствуйте, красные девицы!

У дев от испуга потрескались губы.

— Паренек, садись с нами и покушай, — сказали они.

Не успел сын пахаря сесть, как снова явился назир, семь раз поклонился, скрестив руки. Прочтя письмо, старшая дева залилась слезами. Когда письмо прочли остальные девы, они тоже горько заплакали.

— Расскажите, почему вы плачете? — спросил паренек.

Старшая поднялась с места, достала из ларца портрет и, вернувшись, положила его перед парнем:

— Семь лет назад похитил у нас нашего единственного брата Азраил. Сколько ни бьемся, никак не можем вырвать его из рук Азраила. Не можешь ли ты, паренек, освободить его, — дадим за это тебе все, что ты захочешь.

— Ладно, не горюйте, раздобуду его. Но скажите, как мне быть самому, чтобы освободить моих сорок братьев, томящихся в темнице?

— Это пустяковое дело — за полтора дня доставим тебя к ним, — ответили девы.

— Доставить-то доставите, — сказал парень, — да мне нужно одиннадцать таких чаш.

— Достанем и двадцать — это пустяки.

— Ну, если так, идемте к царю.

Пошли. Сын пахаря семь раз поклонился, скрестил руки и стал.

Царь спросил дев — почему они привели к нему исан-оглу[1].

Девы ответили, что он берется освободить их брата.

— А сумеешь ли ты это сделать? — спросил царь.

— С помощью божьей.

— А ты видел Азраила?

— Нет.

— А что ты хочешь, чтоб я тебе дал для дороги?

[1] Человечьего сына (турецкое слово).

— Разреши мне войти в твою конюшню, выбрать себе коня, да уступи мне свою саблю, колчан, лук и палицу.

— Это пустяки — получишь.

— Да хочу я еще, чтоб ты мне дал проводника, который показал бы мне гору Азраила.

— Поезжай с богом — дам.

Сын пахаря вошел в конюшню, вывел оттуда лучшего коня, никогда не видевшего солнца и игравшего со звездами, и в полном вооружении предстал перед царем.

Увидев парня, царь сказал про себя: «А ведь этот исполнит обещанье». После этого назир сел на коня, и оба вместе пустились в путь. Долго ли, коротко ли они ехали — неизвестно, наконец, приехали к горе Джан-джава. Назир отказался ехать дальше.

— Отсюда ехать дальше мне недозволено.

— Ну, прощай, — сказал парень и продолжал путь.

Взобравшись на гору, он за нею увидел высокие дома, откуда доносились какие-то голоса. Парень закричал:

— Кто хозяин этих жилищ, выйди, хочу канли[1].

Сейчас же показались два араба и спросили:

— Кто ты такой?

— Требую канли! — ответил парень.

«Кто это такой, что осмеливается нарушить сон нашего аги?» — сказали про себя арабы и загородили ему дорогу.

Парень наехал на них, достал саблю, размах-

[1] Канли — плата за кровь (турецкое слово).

нулся, снес им головы с плеч. Сойдя с лошади, он поднял их и бросил на балкон первого жилища.

От шума Азраил проснулся и вышел на балкон:

— Это ты-то у меня требуешь канли? А вот я сейчас спущусь и покажу тебе канли, — сказал Азраил, увидя парня.

Сойдя с балкона, он вскочил на коня и помчался навстречу парню.

— Добро пожаловать, паренек, скажи-ка теперь, чья очередь бросить палицу?

— Твоя, я — гость, бросай все свои семь палиц, семь копий и выпусти семь стрел, — посмотрим, кто кого победит.

Азраил так бросил палицу, что задрожали земля и горы, но она пролетела мимо парня. Сын пахаря поднял палицу, вернул ее Азраилу и сказал:

— Не время для шутки, бери палицу и бросай как следует.

Азраил перебросал все свои палицы и копья и выпустил семь стрел, но парень остался невредим.

— Черед твой, — сказал после этого Азраил и стал против парня. Парень взнуздал коня, из глаз которого сыпались искры, приподнялся на стременах и бросил палицу. Она угодила прямо в голову Азраила, и тот упал замертво. Подъехав к нему, парень отрубил ему голову. Голова покатилась по земле.

«Куда это она катится?» — подумал парень и, достав саблю, рассек ее пополам.

— Еще раз, паренек! — сказала голова.

— Нет, не могу, — я один раз вышел из чрева матери.

После этого он поднялся наверх и увидел там у огня сына царя Гури, заключенного в оковы. Освободив царевича от оков, парень вместе с ним вернулся к царю. Дорогою царевич посоветовал парню:

— Если царь спросит тебя — чего ты хочешь за услугу — скажи: твою младшую дочь и перстень.

Увидя их, во дворце заликовали.

— Скажи теперь — чего ты хочешь? — сказал царь.

— Здравия тебе хочу.

— Нет, потребуй за услугу, дам все, все, что ни захочешь!

— Выдай за меня младшую дочку, дай перстень и одиннадцать чаш.

— Хорошо, твое желание будет исполнено.

Свадьбу праздновали семь дней и семь ночей, женили парня и повели молодых в покои. Тут парень достал меч и положил его между собою и царевной.

— Что это значит? — спросила удивленная царевна.

— Покуда не освобожу своих сорока братьев, не дотронусь до тебя, — ответил сын пахаря.

Утром он с царевной пустился в путь. Приехав в родной город, парень повел царевну к родным, а сам, отправившись к царю, поставил перед ним двенадцать чаш.

Вызвали с а р а ф а.

— А ну-ка покажи, которая из них твоя?

Тот смутился.

Царь, видя, что сараф его обманул, немедленно издал указ об освобождении сорока разбойников, вызвал палачей и приказал им истребить всех ростовщиков на своей земле.

Один из назиров сказал царю:

— Ты бы вызвал еще и девушку, которую привез парень с собою.

— Кто ты такая, красная девушка? — спросил царь, когда предстала перед ним царевна, приехавшая с сыном пахаря.

— Я — дочь царя Гури.

— Ты вышла замуж за этого парня?

— Да.

— И ты сохранила свою невинность?

Девушка подтвердила. Тогда царь созвал народ и объявил:

— По своей доброй воле уступаю царство этому парню, — согласны ли вы?

— Согласны! — закричали все.

Царь снял с пальца перстень и надел его на палец сына пахаря.

— А вот я, взамен этого, дарю тебе перстень царя Гури, — сказал парень и, достав перстень, протянул его царю.

Парень был объявлен царем. Сорок разбойников сделались его приближенными. Они достигли своей цели, да достигнете и вы вашей цели.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

«Маргаритнер», кн. I. Записана в араратской деревне выходцем из Турецкой Армении.

СКАЗКА О ВОРЕ

Жила-была старуха. Были у нее дочка и сын. Дочку она выдала замуж за человека, промышлявшего воровством. Сыну тоже захотелось заниматься воровством, и он сказал матери:

— Мать, вот зять ворует, и я хочу.

— Сынок, — ответила мать, — бог рассердится.

Сын стал настаивать. Тогда она решила:

— Пойду-ка я в церковь, посмотрю, что скажет на это бог. Если он разрешит — занимайся воровством, нет — не занимайся.

Узнав, что мать идет в церковь, сын тайком от нее пошел туда же и спрятался в ризнице, где сидел до тех пор, пока мать не вошла в церковь и не сказала:

— Боже, сын мой хочет воровать — разрешаешь или нет?

Сын ответил из ризницы, что бог разрешает. Когда мать вышла из церкви, он бросился домой и опередил ее. Мать, придя домой, поднималась по лестнице, а он вышел ей навстречу и спросил:

— Ну, что сказал бог?

— Сынок, — ответила она, — бог сегодня ответа не дал и велел притти в следующий раз.

После этого она два раза ходила в церковь, а сын всякий раз отвечал за бога.

— Сынок, — решила, наконец, мать, — бог позволяет: поди и делай, что хочешь.

Сын пришел к зятю и стал просить:

— Зятек, возьми меня к себе в товарищи.

— А вот поглядим, можешь ли ты быть мне товарищем.

Пошли они вместе и стали под тополем. Зять заметил на верхушке дерева шапку.

— Ну-ка поднимись и достань шапку, — сказал он юноше.

Тот попробовал вскарабкаться, а потом сошел с дерева и сказал зятю:

— Брат, поднимись-ка сначала ты; я посмотрю, поучусь, а уж потом и сам поднимусь.

Зять, поднявшись немного, сбросил штаны и повесил на дереве, чтоб не цеплялись за сучья, взобрался на верхушку, снял шапку и, спускаясь, заметил, что штанов уже нет.

— Куда делись мои штаны? — спросил он.

— Бери их, — ответил шурин. — Вот как воруют.

— Да ты меня превзошел! — вскричал зять. — Коли так, пойдем со мной.

— Куда же?

— Ограбить царскую казну.

Как задумали, так и сделали. Ограбили ночью царскую казну и вернулись домой. Дома юноша сказал зятю:

— Зять, я придумал дело.

— Какое?

— Дай мне два куруша, я пойду куплю на базаре хлеба, понесу продавать во дворец и узнаю, что говорят там про казну.

Зять дал ему два куруша, юноша купил хлеба,

понес во дворец продавать. Тут тысяцкий сказал юноше, что ночью у царя ограбили казну.

— А что же вы будете делать? — спросил парень.

— Мы хотим караулить в одном месте, чтоб поймать вора, если он придет.

Юноша рассказал об этом зятю, и они в ту ночь не пошли туда, где была засада, а ограбили в другом месте и пришли домой.

На другой день юноша вновь взял у зятя два куруша, купил хлеба и понес продавать во дворец.

— Ночью опять был грабеж, — сказал тысяцкий.

— А что же вы будете делать?

— Хотим ночью вырыть яму и наполнить ее горячей смолой, чтобы вор попал в нее, если вздумает притти опять.

Узнав об этом, парень ничего не сказал зятю. Ночью, когда они вышли на работу, парень попросил зятя итти вперед. Зять пошел вперед, упал в яму и увяз по горло в смоле. Парень сейчас же отрубил ему голову, взял ее с собой, ограбил царскую казну в другом месте и вернулся домой. Когда утром он опять пошел во дворец продавать хлеб, тысяцкий сказал:

— Ночью мы поймали вора, но он был без головы.

— А что же вы будете делать?

— Будем ходить по городу и где услышим плач — сожжем тот дом.

Парень сейчас же вернулся домой и наказал домашним не плакать. Но по уходе юноши мать и сестра стали плакать и кричать. Обходившие

город тысяцкие с воинами услышали плач в доме парня, запечатали его двери и ушли.

Придя домой и найдя двери запечатанными, юноша спросил, почему это случилось, и домашние ответили, что они плакали, а тысяцкие пришли, запечатали двери и ушли; парень их выругал. С наступлением темноты он, смешав масло с сажей, запечатал двери других домов точь-в-точь так, как было у них. Утром, когда тысяцкие с воинами пришли, чтобы сжечь дом, они увидели, что все двери во всем городе запечатаны. Пошли и доложили об этом царю. Царь, подумав, сказал:

— Коли так, я выдам свою дочь за того, кто признается, что он вор.

Парень пошел в царский дворец и сказал, что вор — это он.

— Ну, брат, это ты врешь! — возразили тысяцкие.

— А вот доложите царю, что, если он хочет, я покажу деньги, украденные из его казны.

Царь велел узнать, правду ли он говорит. Тысяцкие пошли с юношей и, увидев яму, полную золота, доложили царю, что парень говорит правду. Царь приказал вызвать его к себе. Когда парень явился, тот спросил:

— Сынок, скажи, ты мой вор?

— Да, — ответил он.

— В таком случае я выдам за тебя свою дочку.

Но сделаешь ли ты для меня одно дело?

— Какое дело? — спросил парень.

— Соседний царь смеется надо мною, — говорит. что это за вор, что до сих пор его не

могут поймать. Можешь ли ты проделать с ним какую-нибудь штуку?

— Это пустое дело. Прикажи только дать мне овцу и козла.

Когда привели овцу и козла, он их зарезал, снял с них шкуры и, взяв их с собой, пошел ко дворцу того царя. У дворца было озеро: парень вздул шкуру козла, сел на нее и переправился на другой берег. Потом он надел шкуру овцы, прицепил к своим волосам бубенчики, взял в руки копье, вбил имевшиеся с ним сорок гвоздей в стену дворца, поднялся по ним и увидел в окно царя, читавшего псалом. Он тотчас же залез внутрь, размахнулся копьем, зазвенел бубенцами и объявил, что пришел отнять у него душу. Царь при этих словах стал дрожать и молить дать ему три дня сроку. Юноша сказал:

— Хорошо, будь по-твоему.

Спустился, вынул гвозди и притаился у дворца.

Утром царь вызвал вельмож и сказал:

— Через три дня я должен умереть. Явился ангел и хотел взять мою душу. Я стал молить его дать мне три дня сроку, и он дал.

Вельможи стали над ним смеяться.

— Напрасно вы смеетесь, — сказал царь, — если бы вы его увидели, у вас душа бы в пятку ушла.

По прошествии трех дней тысяцкие и воины решили убить ангела, если он явится. Парень пришел, как в первый раз: размахнулся копьем, зазвенел бубенцами, и, сколько тут ни было тысяцких и воинов, все от испуга замерли, как

пчелы. Парень, увидя, что кругом никого нет, схватил царя, зашил его в шкуру, вздул бурдюк и переправился через озеро. Под городом, когда он проходил мимо котельщиков, царь спросил его:

— Что это за шум? Где мы находимся?

— Лживый народ продан котельщикам, и они бьют этих людей по голове, — ответил парень.

Царь так и забормотал в шкуре:

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Наконец они прибыли во дворец. Когда вышел первый царь, парень развязал шкуру. Увидев другого царя, зашитого в мешке, царь сказал ему, показывая на парня:

— Вот, посмотри, — это мой вор.

Тот застыл от удивления.

Юношу нарядили в дорогое платье, посадили в совете, и царь выдал за него свою дочь, подарив ему половину своего богатства. Свадьбу играли семь дней и семь ночей.

Они достигли своей цели, да достигнем и мы своей.

Журнал «Базмавец» за 1897 г. Венеция. Записана проф. Р. Аджаряном, в Константинополе.

БАХДО

Жили-были мать и сын. Мать звали Асмар, сына Бахдо. Однажды мать позвала сына и говорит ему:

— Сын мой, отца у тебя нет, чтоб кормил нас своим заработком; до сих пор я клянчила у того и другого и вырастила тебя, а нынче я стала стара, сил у меня больше нет, поступай-ка ты к мастеру, научись какому-нибудь ремеслу, а иначе мы с тобой помрем с голоду.

Речь матери не понравилась сыну. Он заплакал и ушел из дому, чтоб только избавиться от ее надоедливых просьб. Но, выйдя из дому, он стал размышлять: «Куда же мне деться? А впрочем — давай-ка я поступлю к гончару». И, не долго думая, пошел он к гончару и попросился к нему в ученики. Гончар, видя, что парень смышленый, решил его взять и спросил. как его зовут.

— Посудолом, — ответил Бахдо.

— Как? — переспросил гончар.

— Меня посудоломом зовут, — ответил Бахдо.

Подумав немного, гончар решил: «А может, и впрямь его Посудоломом зовут», — и заключил с ним условие.

Мать Бахдо, узнав, что сын устроился у гончара, сильно обрадовалась.

Несколько дней спустя мастер сказал ученику:

— Послушай, Посудолом, я должен пойти по делу в соседнее село, ты хорошенько присмотри за лавкой, будь молодцом, — понял?

— Ладно, иди, куда тебе надо, я свое дело знаю.

Когда мастер ушел, парень сказал про себя: «Раз мастер зовет меня посудоломом, сыграю-ка я над ним шутку». И, взяв огромный камень, стал разбивать горшки, не оставив в целости ни одного.

На следующий день, возвращаясь из соседнего села, мастер зашел в гончарню и увидел разбитие горшки. Он так и обмер:

— Эх ты, Посудолом, Посудолом!.. — заорал гончар вне себя от ярости.

— Ага, больше тут не осталось посуды, чтоб я ломал!..

Мастер хотел было схватить парня да хорошенько его проучить, но тот убежал и, явившись к матери, сказал, что мастер его прогнал за то, что он нечаянно разбил несколько горшков.

— Поди теперь поступи в ученики к лапотнику, — сказала мать.

Бахдо пошел к лапотнику и попросился к нему в ученики.

— Ладно, я согласен. А как тебя звать? — спросил лапотник.

— Кожорез, — ответил Бахдо.

Проработал он у лапотника несколько дней. Однажды мастер говорит ученику:

— Кожорез, не выходи из лавки, я наведаюсь домой и скоро вернусь.

— Ладно, не выйду, — сказал паренек.

Как только мастер вышел из лавки, Бахдо, взяв нож, изрезал все кожи лапотника на мелкие куски. Вернувшись в лавку и увидя изрезанные кожи, лапотник ахнул и бросился на Бахдо.

— Чего же ты меня бьешь, ведь ты сам говорил мне: кожурежь, — вот я и резал.

От лапотника он поступил к стекольщику и, назвавшись стеклобойцем, разбил все стекла...

Несчастная мать не знала, как быть с сыном. И вот однажды она говорит ему:

— Сынок, пойду-ка я к святому дереву, что у крепостной стены, помолюсь и попрошу у него совета для тебя, — что дерево скажет, то и сделаю.

Купив на пять грошей ладану и на пять грошей свечей, мать пошла молить святое дерево, чтоб оно наставило ее сына на путь-дорогу. Бахдо, тайком от матери, по другой дороге пошел к дереву и спрятался в его дупле. И когда мать, воскурив ладан и поставив свечи, на коленях стала просить совета для сына, Бахдо из дупла отвечал семь раз: «Сына отдай в ученье к дядюшке!..»

А дядюшка Бахдо был большим вором. Когда мать пошла к нему и стала просить, чтоб он взял ее сына в ученики, дядюшка согласился, но с условием — если у мальчика окажется сноровка.

— Вот я его испытаю. если выдержит испы-

тание — приму, — сказал дядюшка и велел мальчику подняться на дерево и достать из-под наседки голубиные яички, да так, чтоб наседка не заметила.

Мальчик взобрался на дерево, тайком от наседки достал яички и, спустившись, передал их дядюшке.

— А покажи-ка теперь, дядюшка, как ты положишь их назад в голубиное гнездо!

Когда дядюшка, взяв яички, взобрался на дерево, Бахдо незаметно снял с дядюшки штаны. Сойдя с дерева, дядя поразился, увидев свои штаны в руках Бахдо.

— Бери, дядя, назад свои штаны, — сказал Бахдо, — и знай, что в воровстве я тебе не уступлю.

Дядюшка поцеловал Бахдо в лоб и обещал брать его с собой на воровство.

Однажды Бахдо заметил нагруженного верблюда, идущего по улице. Не долго думая, он зашел в пурню (пекарня), купил горячий хлебец и, показывая хлебец верблюду, заманил его к себе домой. Здесь он, сняв ношу с верблюда, зарезал его и, разрезав мясо на куски, положил в кадки. Матери он ничего не сказал, потому что был пост.

Хозяин верблюда, не найдя его, пустил гонцов по селу разыскать животное, но оно не нашлось. Узнав об этом, одна старуха решила, что верблюда, должно быть, украл Бахдо, и, не долго думая, пошла к его матери и сказала:

— Ханум[1], я больна. Врач мне наказал есть свежее верблюжье мясо. Вот сын твой

[1] Ханум — госпожа.

давече зарезал верблюда, дай мне кусок верблюжины — помолюсь за это о твоем сыне.

Мать Бахдо, ничего не подозревая, спустилась в погреб, достала оттуда пять-шесть кусков верблюжьего мяса и, положив их в передник старухи, спровадила ее домой. Не успела старуха оставить порог их дома, как наткнулась на самого Бахдо.

Тот сильно рассердился про себя на мать, но не показал виду и, обратившись к старухе, сказал:

— Нани, нани, что же это так мало мяса дали тебе! Вернись, я прибавлю еще несколько кусков верблюжины, а ты за это помолись обо мне.

Старуха поверила Бахдо, спустилась вместе с ним в погреб, но тут Бахдо размахнулся, сильным ударом по голове убил старуху и ночью тайком вынес и зарыл ее труп в землю.

После этого Бахдо вместе с дядюшкой по ночам ходили и грабили царскую казну. Как ни старался царь — не мог поймать воров. Тогда он приказал перед воротами в казну вырыть большую яму, наполнить ее смолой и покрыть сверху соломой с расчетом, что вор ночью упадет в яму и завязнет в смоле. Ночью, когда Бахдо с дядюшкой отправились грабить царскую казну, Бахдо сказал дядюшке, чтобы тот шел вперед. Дядюшка пошел вперед и у ворот казны упал в яму и завяз в смоле. Сколько ни старался Бахдо вытащить дядюшку — все напрасно. Тогда он, достав кинжал, отрубил дядюшке голову и, взяв ее с собою, понес и зарыл у себя в погребе.

Утром царская стража, найдя в яме обезглавленного человека, пошла доложила об этом царю.

Царь приказал:

— Повесьте труп этот на дереве, да тайком следите: кто, увидя труп, заплачет — того и задержите.

Бахдо, понимая, что его мать узнает труп своего брата и заплачет, пошел купил два кувшина и, отдав их матери, сказал:

— Труп твоего брата повесили на дереве. Возьми эти кувшины и пойди к дереву. Как только увидишь на нем труп, разбей кувшины и плачь, сколько хочешь. Когда же царская стража прибежит и спросит, почему ты плачешь, скажи: как мне не плакать, ведь я разбила кувшины.

После того, как мать вдоволь наплакалась над трупом своего брата и миновала рук царской стражи, Бахдо ночью незаметно снял труп дядюшки с дерева, взвалил его себе на спину, понес его и зарыл в землю. Царь, его визиры и стража изумились и не знали, как им быть.

На следующий день царь велел разбросать по дороге к роднику сорок-пятьдесят золотых монет и следить — кто их подберет, того и захватить.

Бахдо, узнав об этом, намазал подошвы лаптей смолой, взял два кувшина и стал таскать из родника домой воду. Дорогою деньги прилипали к его лаптям, и он незаметно для царской стражи подобрал все монеты. Как ни сердился царь после этого, но все же не мог ничего придумать, чтоб поймать вора.

Между тем багдадский царь, узнав о таких проделках вора, послал тому царю письмо, в котором написал ему: «Стыд и позор тебе, что в своей стране ты не можешь найти вора!»

Царь смутился и разослал гонцов по всей стране, которым велел объявить следующее: «Пусть ловкий вор явится к царю, он не только его не тронет, но и наделит подарками!»

Бахдо пошел и предстал перед царем:

— Царь, я — твой вор, делай со мной, что хочешь!

Увидя парня, царь удивился. Затем, показав письмо багдадского царя, сказал:

— Если ты сумеешь доставить мне самого багдадского царя, я дочку свою выдам за тебя замуж. Хочу, чтобы мы проучили его и поумерили его гордость.

— Царь, будь покоен, это — дело моей левой руки!

Бахдо, прихватив с собой шубу, увешанную бубенцами, поехал в Багдад и ночью тайком проник в покои царя. Тут он осторожно достал из мешка шубу, надел ее и, стал у изголовья спавшего царя, начал трястись. Царь проснулся от звона бубенцов и, дрожа от испуга, спросил: «Кто ты!»

Бахдо ответил:

— Я — архангел Гавриил, явился по твою душу.

— Молю тебя, не бери мою душу, дам все — что захочешь, — сказал царь.

— Мне ничего не надо, — полезай в этот мешок! — ответил Бахдо.

Царь, дрожа, исполнил приказ Бахдо, и тот,

взяв на плечо мешок с царем, без шума вышел из царских покоев, сел на коня и помчался в свою страну.

Представ перед своим царем и положив перед ним мешок, Бахдо попросил царя развязать его. Радости царя не было предела, когда он увидел перед собой испуганного и дрожащего багдадского владыку.

— Ну, что скажешь? Помнишь, как насмехался ты надо мною? Недаром говорят — чужой беде не смейся!..

Царь исполнил свое обещанье: выдал дочь за Бахдо и подарил ему роскошный дворец.

Они достигли своей цели, да достигнете и вы своей.

С неба упали три яблока: одно тому, кто рассказал, другое тому, кто слушал, третье тому, кто услышал.

Записана в Турецкой Армении экспедицией Ерванда Лилаяна в 1915 г. Рукопись хранится в Государственном музее Армении (Эривань).

Сказка эта, как и предыдущая, — «Сказка о воре», записанная проф. Р. Аджаряном, — напоминает рассказ о египетском царе Рампсините (Геродот, кн. II).

СКАЗКА О ЗМЕЕ И ШИВАРЕ[1]

Жил-был царь. Видит он однажды во сне, что с неба сыплются лисицы. Собрал он всех мудрецов и ворожеев своей земли, рассказал им свой сон и велит разгадать его в течение сорока дней — «не то отрублю всем вам головы!»

В селе, недалеко от города, где правил царь, жили муж и жена. Они были до того бедны, что с трудом добывали свой хлеб.

Узнав о приказе царя, жена пристала к мужу, чтобы тот пошел разгадывать сон... «Если не разгадает, отрубит ему царь голову, и я избавлюсь от него», — подумала жена про себя.

Как ни противился муж — все напрасно, жена настояла на своем. Видя, что не может унять жену, муж взял палку и пустился в путь. Дорогою встретил он большую змею, выползшую из-под камня.

— Куда держишь путь, Шивар? — спросила змея.

— Сам не знаю, — ответил мужик.

— Шивар, ты не бойся, — сказала змея, — поди к царю, скажи ему: «Царь, ты видел во сне, что с неба сыплются лисицы, — это значит, что ты окружен льстецами, обманщиками, потому надо тебе быть настороже, чтобы не

[1] Шивар — человек, сбитый с толку.

иметь от них вреда». Но знай: сколько получишь за это от царя, половину должен дать мне.

Мужик пошел и передал в точности царю слова змеи.

Царь очень обрадовался, велел визирам из казны отпустить мужику четыре верблюжьих ноши золота, разогнал мудрецов и ворожеев и мужика назначил своим рамилдаром[1].

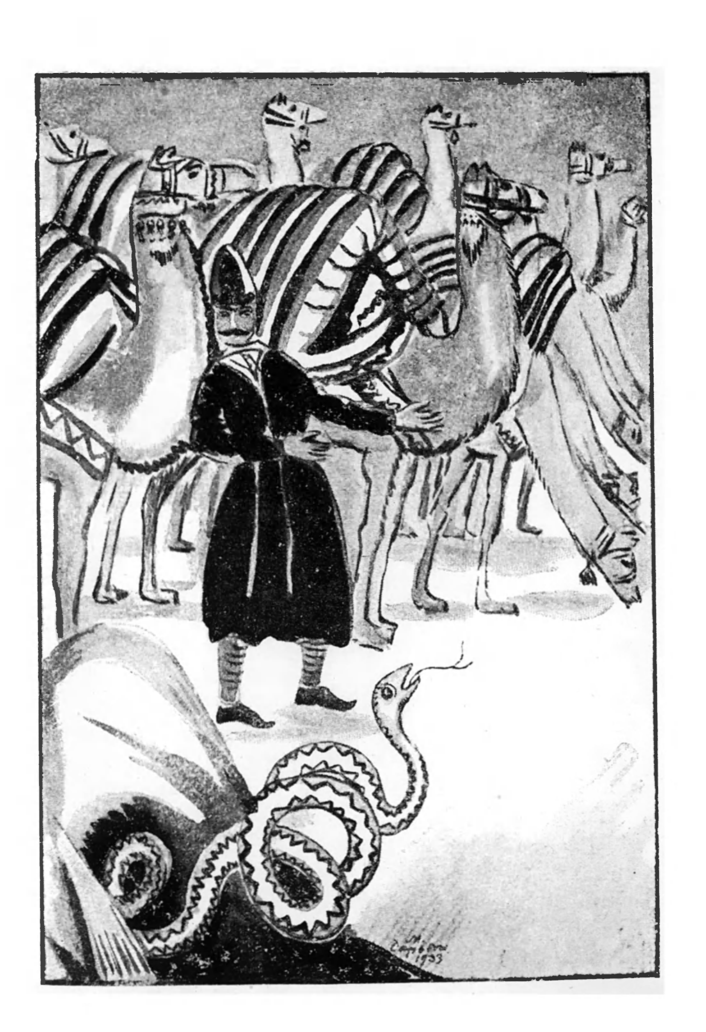
Шивар, взяв золото, вернулся домой, но не по той дороге, по которой пришел к царю, чтобы змея его не увидела и не потребовала своей доли золота.

Увидя золото, жена Шивара сильно обрадовалась.

Прошло несколько лет, и царь вновь видит сон: с неба льется кровь. Царь опять созвал мудрецов, чтобы те разгадали ему этот сон. Но тут он вспомнил о своем рамилдаре Шиваре и велел разыскать и доставить его во дворец. Когда царские гонцы разыскали Шивара и рассказали ему, почему вызвал его к себе царь, Шивар испугался: «Как мне быть? В первый раз змея мне помогла разгадать сон царя, но сейчас я не могу пойти к ней за помощью, ведь тогда я не дал змее ее доли, и царь снесет мне голову. Но делать нечего, пойду опять к змее — может, она меня выручит, а не то — пусть убьет», — подумал Шивар про себя и пошел к змее.

Когда Шивар дошел до камня, змея выползла из-под него и сказала:

[1] Рамилдар — толкователь снов (персидское слово).



— Здравствуй, брат Шивар, как ты поживаешь? В прошлый раз ты меня обманул и из царского добра не выделил мне доли, но не беда. На этот раз царь видел во сне, что с неба лилась кровь, — это значит, что враги хотят напасть на него, пусть соберет войско и будет наготове, и тогда он избавится от беды. Но на этот раз смотри, принеси мне половину того, что ты получишь от царя.

— На глазу[1], — ответил Шивар и, отвесив змее низкий поклон, пошел к царю.

Представ перед царем, Шивар сказал:

— Царь, здравствуй, ты видел во сне, что с неба льется кровь. Это значит, что тебе угрожают враги. Собери все свое войско, будь начеку, и враги не будут опасны для тебя!

Царь поблагодарил Шивара, вознаградил его вдвое больше, чем первый раз, и отправил домой.

Шивар, увидя дар царя, совсем потерял голову и забыл про добрую услугу змеи. Подумав немного, он решил пойти убить змею и завладеть ее добром.

«Хватит его тогда не только мне и моим внукам, но и моим праправнукам, — змея же мне ничего уже не сделает; а что до царя — так ведь не каждый день ему видеть сон!» — решил Шивар.

И, нагрузив на верблюдов царское добро, он направился к большому камню. Тут, как только выползла змея, Шивар быстро нагнулся, схватил камень и бросил в нее. Но та успела повер-

[1] На глазу — восточное выражение, оно означает: твое желание у меня на глазу, т. е. будет выполнено.

нуть назад, и камень только задел ее, оторвав ей кончик хвоста.

Прошло еще несколько лет, и царь опять увидел во сне — с неба сыплется пшеница. На этот раз царь не собрал своих мудрецов, а прямо послал за Шиваром. Когда пришли к нему царские гонцы, Шивар так и обмер:

— Жена, на этот раз я уж наверняка пропаду, царь мне снесет голову!

И, подумав немного, Шивар решил про себя: «Коли уж пропасть, так пусть убьет меня змея, которой я за добро платил злом». И пошел Шивар к большому камню.

— А, здравствуй, Шивар, глупенький братец ты мой! Почему это ты не подумал, что царь может еще раз вызвать тебя, и ты без меня не сможешь обойтись? — сказал выползшая из-под камня змея.

— Эх, сестрица, — ответил он змее, — сознаю, плохо я с тобой поступил; вот и пришел я к тебе, чтобы ты поступила со мной так, как тебе хочется.

— Нет, за зло я отвечу добром, — сказала змея. — Поди к царю и скажи: «Ты видел во сне, что с неба сыплется пшеница. Это значит — в стране твоей будет изобилие, и ты до конца жизни не будешь знать печали». Царь за это даст тебе много золота, половину его ты принесешь мне.

— На глазу, — ответил Шивар, — дай бог, чтоб на этот раз я мог предстать перед тобой с чистым сердцем.

Когда Шивар явился к царю и объяснил ему сон, тот его угостил шербетом и велел

отпустить ему из казны вдвое больше золота, чем прошлый раз. Нагрузив царское добро на верблюдов, Шивар пустился в путь. Дорогою он думал: «Змею, сделавшую мне так много добра, я раз обманул, а другой раз чуть не убил. Мне достаточно того, что имею, а вот все понесу да и отдам змее за ее добро».

Придя к большому камню, Шивар вызвал змею:

— Бери свою долю, — сказал Шивар выползшей из-под камня змее.

— Братец, не нужно мне земное добро, — ответила та, я хотела испытать тебя: в первый раз, когда ты, возвращаясь от царя, свернул с дороги, был лисий год — время обмана, потому-то ты меня обманул и пошел по другому пути; другой раз, когда ты швырнул в меня камнем и пролил мою кровь, был год крови, потому-то и царь во сне видел кровь, льющуюся с неба. Ныне же, когда царь во сне увидел пшеницу, — время изобилия, и люди перестали жадничать. Бери свое добро и вернись к себе домой.

Сказав эти слова, змея исчезла. Шивар, нагрузив золото на верблюдов, вернулся к себе и до конца жизни кейфовал.

Но тебе и мне ничего не досталось.

Записана экспедицией Ерванда Лалаяна в Турецкой Армении в 1915 г. Рукопись хранится в Государственном музее Армении (Эривань).

ЖЕНЩИНА С ПРИДУРЬЮ

Жили-были старик и старуха. У них был сын, которого они только что женили. Однажды невестка, чистя тахту, наклонилась и нечаянно выпустила воздух.

Оглянувшись от стыда во все стороны, не слышал ли кто, она увидела козла и очень застыдилась:

— Козлик-джан, расцелую тебя, только не рассказывай об этом моему свекру.

Но козлик ел сено и качал головой.

— Бери мой пояс, только молчи! — взмолилась молодуха, сняла пояс и повесила его на козла.

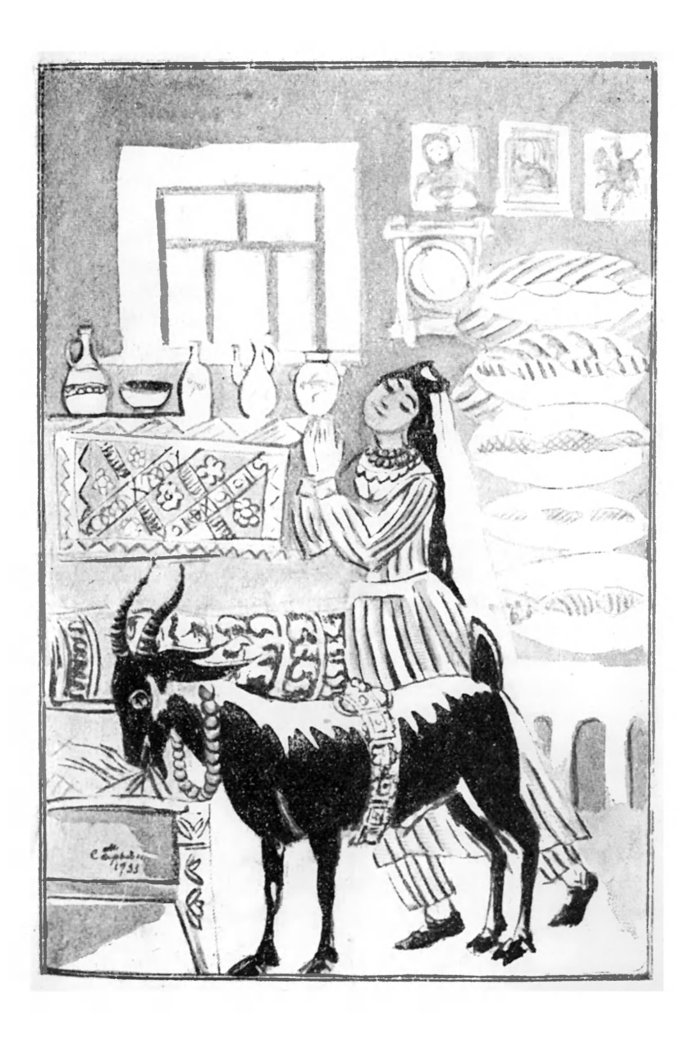
Но козлик продолжал качать головой. Решив, что он хочет сказать свекру, невестка сняла с себя накидку и набросила на козла. Но козел все качал головой.

— На, бери мои бусы!..

В это время вошла свекровь. Узнав, в чем дело, она тоже стала приставать к козлу.

Под вечер вернулся свекр и попросил у невестки воды напиться. Но та, боясь подойти к кувшину, стоявшему в углу рядом с козлом, не двинулась с места.

Раза три-четыре повторил свекр свою просьбу и, видя, что невестка не трогается с места, спросил жену:



— Что стало с невесткой? Почему она не дает мне воды?

— Муженек, — ответила старуха, — скрываю от бога, но от тебя не скрою: чистя тахту неподалеку от козла, невестка наша выпустила ветер и теперь не хочет пройти мимо козла, боясь, что он расскажет об этом тебе. Сколько ни молила она козла не рассказывать об этом,— все напрасно. Дала она ему свой пояс, накидку, бусы. Козел заладил одно, что расскажет.

— Не беда, пусть не глупит! Пойду-ка я к шатахскому ворожею да спрошу: к добру ли это, — ответил старик и пустился в Шатах [1].

Придя к шатахскому ворожею, он спросил у него:

— Сегодня невестка наша, чистя тахту, выпустила ветер — к добру это или к худу?

— Смотря как: ежели лихо — дзырт! — к добру, а ежели тихо — тырт [2] — к худу.

Вернувшись к себе, свекр расспросил невестку и, узнав, что ветер, выпущенный невесткой, был зычный — дзырт! — велел послать за зурначами — бить в барабан и танцовать...

Муж молодухи, возвращаясь с поля и услышав звуки зурны, идущие из их дома, с удивлением спросил первого попавшегося односельчанина:

— Скажи-ка, братец, почему трубят в зурну у нашего дома?

— Неужто не знаешь? Женка твоя сегодня выпустила зычный ветер. Шатахский ворожей

[1] Шатах — район, смежный с Ванским.

[2] Дзырт и тырт — звукоподражательные междометия.

погадал и сказал, что это к добру, — вот на радостях и трубят в зурну.

Муж молодухи в сердцах повернул назад, сказав про себя: «Я буду не я, если когда-нибудь вернусь к этим сумасшедшим!»

Пустившись в путь, он добрался до чужой деревни и попросил в одном из домов дать ему ночлег.

— Милости просим, мы рады гостю, — ответили ему и отвели угол для ночевки.

Хозяйка дома собиралась печь хлеб и послала старшую дочь за водой. Девушка, дойдя до родника и сев под деревом, стала говорить про себя: «Вот выйду я замуж, рожу сына, назову его Кикосом. Будет он мальчик резвый, пойдет к роднику, полезет на это дерево, сорвется, упадет и сломает себе шею!»

При этих словах она разревелась:

— Ой, Кикос мой сломал шею! Ой, Кикос-джан!..

Старуха, видя, что старшая дочь не возвращается, послала за нею среднюю. Завидя сестру, старшая дочь кинулась к ней навстречу и рассказала ей про свое горе. Средняя сестра села с ней вместе и подняла вой о Кикосе.

Послала мать младшую, — младшая также стала реветь о Кикосе.

Наконец пришла к роднику сама старуха, обеспокоенная отсутствием дочерей. Все три дочери в слезах бросились к ней навстречу и рассказали про смерть Кикоса. Заревела и старуха.

Гость, видя, что дома никого не осталось. вышел на улицу и расспросил у сельчан дорогу

к роднику. Придя туда и увидя ревущих женщин, он спросил старуху о причине их горя.

— Как нам не плакать, батюшка! — сказала старуха. — Вот старшая дочь моя выйдет замуж, родит сына, назовет его Кикосом, Кикос будет мальчик резвый, пойдет к роднику, взберется на это дерево, сорвется с него и сломает себе шею. Ой, ненаглядный ты наш Кикос! Ой, Кикос-джан!!!

— Да чтоб обрушился кров этих рехнувшихся! Удрал я от своих сумасшедших — попал к новым сумасшедшим. Лучше уж вернусь к своим...

Записана экспедицией Ерванда Лалаяна в Турецкой Армении в 1915 г. Рукопись хранится в Государственном музее Армении (Эривань).

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКЕ

АНАИТ

I

Однажды единственный сын царя Ваче, молодой Вачаган, опершись на перила балкона, смотрел в сад. Было весеннее утро. Все певчие птицы земли, словно сговорившись, собрались на деревьях, чтоб сообща дать концерт и посоперничать друг с другом. Одна играла на свирели, другая трубила в трубу, но победа оставалась за певцом. Певец этот был соловей, соловей Авгании, единственный утешитель влюбленных. Как только он начинал, другие птицы мигом замолкали и, навострив слух, учились тайнам его песни: одна подражала щебетанью, другая — трели, третья — свисту; и вдруг все вместе повторяли заученные мотивы. Но Вачаган их не слушал. Другая забота была у него на сердце.

Из мрачного раздумья вывела его мать, царица Ашхен. Подойдя и присев к нему, она спросила:

— Милый Вачик, видно у тебя есть горе, но ты прячешь его от нас. Скажи, сынок, в чем причина твоей грусти?

— Матушка, радости и блага жизни не манят меня. Я хочу уйти от мира, удалиться в пустыню. Ты не знаешь, как хороша деревня Ацик.

— Ты идешь, значит, в Ацик только затем, чтобы увидеть свою хитроумную Анаит?

— Откуда ты знаешь ее имя, мама?

— Соловьи нашего сада принесли мне эту весть. Милый Вачик, не забудь, что ты сын авганского царя. Царский сын должен выбрать себе в невесты либо царевну, либо княжну, а не крестьянку какую-нибудь. У грузинского царя три дочери, можешь выбрать любую. У князя гугарского прекрасная дочь, единственная наследница его богатых поместий. Прекрасна также дочь князя сюникского, — наконец, чем хуже Варсеник, дочь нашего военачальника, выросшая на наших глазах и воспитанная нами?

— Мать, если ты непременно хочешь, чтоб я женился, так знай, что я желаю одну Анаит...

Вачаган вспыхнул от смущения и убежал в сад.

II

Вачагану только что минуло двадцать лет. Он был слишком нежен, бледен и хрупок.

— Сын мой Вачаган, — говаривал отец, — ты знаешь, что на тебя вся моя надежда; ты обязан хранить память о нашем очаге и поддерживать светильник нашего дома неугасимым. Тебе следует жениться, ибо таков закон мира.

Чтоб избежать этих разговоров, Вачаган с утра отправлялся в горы и долины на охоту и приезжал домой только поздно вечером. Многие княжичи добивались дружбы с ним, но

тщетно: он их избегал. С собой он брал лишь храброго и преданного слугу Вагинака да верную овчарку Занги. Встречные не могли разобрать, кто из них царевич, а кто слуга, — оба были одинаково по-охотничьи одеты, за плечами лук, широкий кинжал на поясе.

Случалось им останавливаться в разных деревнях, и Вачаган знакомился с бытом крестьян и узнавал их повседневные заботы и нужды. Многие лихоимцы-судьи неожиданно отстранялись, а на их место назначались лучшие. Многих воров ловили и наказывали. Многие бедные семейства и общины получали помощь от царя, не поведав ему своей нужды. Как бы некая невидимая сила везде все замечала и обо всем заботилась. Подданные царя Ваче и не подозревали, что всем этим они обязаны одному царевичу.

Такие скитания принесли пользу и самому Вачагану. Он возмужал, поздоровел и окреп. Увидя ближе нужду народа, он понял, как много добра может сделать царь для своей страны.

Однажды, во время обычной охоты, Вачаган и Вагинак забрели в деревню Ацик и, усталые, присели у родника отдохнуть.

Деревенские девушки пришли к роднику за водой и поочередно наполняли свои кувшины. Вачагану захотелось пить. Он попросил воды. Одна из девушек, наполнив кувшин, поднесла его к Вачагану, но другая вырвала кувшин и вылила воду. Потом опять наполнила его и сызнова вылила. У Вачагана пересохло от жажды горло: с нетерпением ждал он, когда ему дадут

напиться, а девушка не обращала на это внимания; она словно играла, — то подставит кувшин под струю и наполнит его, то снова выльет, и так проделывала несколько раз. Лишь на шестой она подала кувшин Вачагану.

Напившись и передав кувшин Вагинаку, царевич заговорил с девушкой и спросил ее, почему она не дала им сразу напиться: пошутила ли, или хотела рассердить?

— У нас не в обычае шутить с незнакомцем, тем более, когда он жаждет, — ответила девушка. — Но вы устали и разгорячены, а в таком состоянии холодная вода вредит человеку. Оттого-то и медлила я, чтоб дать вам остыть и отдохнуть.

Ответ девушки удивил Вачагана, но еще сильнее очаровала его ее красота.

Он спросил:

— Как зовут тебя?

— Анаит, — ответила девушка.

— Кто твой отец?

— Мой отец — здешний пастух, Аран. Но зачем тебе знать наши имена?

— А разве грех об этом спросить?

— Если не грех, так скажи и ты, кто ты и откуда?

— Солгать тебе или сказать правду?

— Что найдешь достойным себя.

— Достойным я себя считаю правду. А правда в том, что нельзя мне покуда открыть, кто я. Но даю слово, что скоро сообщу.

— Хорошо, а теперь дай мне кувшин.

Простившись с царевичем, Анаит взяла кувшин и удалилась, а оба охотника вернулись

домой. Верный Вагинак сообщил обо всем, что произошло, царице, и вот как узнала мать Вачагана тайну своего сына.

III

Видя, что все усилия отговорить Вачагана от его намерения тщетны, царь и царица, посоветовавшись друг с другом, согласились с его выбором. Позвав Вагинака, они сообщили ему свое решение, снабдили его большими подарками, дали в сопровождение двух вельмож и послали его в Ацик на сватовство.

Пастух Аран принял их приветливо. Гости сели в сенях на ковре, разостланном Араном, и сам он сел возле них.

— Что за чудесный ковер! — сказал Вагинак. — Должно быть его соткала хозяйка.

— Нет, у меня нет жены, — ответил Аран.— Вот уж десять лет, как она скончалась. Ковер соткан руками моей дочери Анаит.

— Такого украшения нет и в палатах нашего царя. Мы рады, что дочь твоя искусна. Молва о ней дошла до дворца; царь послал нас к тебе для переговоров. Он хочет, чтоб ты выдал свою дочь за его единственного сына, наследника престола.

Вельможа ждал, что Аран не поверит, или вскочит с места от радости. Но пастух не сделал ни того, ни другого. Он понурил голову и стал водить указательным пальцем по узорам ковра.

Из этого раздумья его вывел Вагинак; он сказал:

— Что ты опечалился, брат Аран? Мы принесли тебе радость, а не горе. Мы не хотим взять дочь твою силой; пожелаешь — отдашь, не пожелаешь — не отдашь.

— Дорогие гости, — ответил Аран, — я благодарен моему властелину за то, что он хочет взять из бедной хижины своего слуги одно из украшений для царских палат. Может и правда — нет во дворце другого такого украшения, как вы это только что заметили о ковре. Но дело в том, что я не волен в моей дочери. Подождите, вот она придет и если согласится, я ничего не скажу против.

В это время пришла Анаит с корзиною спелых фруктов. Она поклонилась гостям, выложила фрукты на блюдо и, подав его, села за пяльцы. Вельможи глядели на нее и дивились быстроте ее ловких пальцев.

— Анаит, почему ты работаешь одна? — спросил Вагинак. — Я слышал, что у тебя много учениц.

— Да, — ответила Анаит, — но я отпустила их на уборку винограда.

— Я слышал, что ты грамоте учишь своих учениц.

— Да, обучаю. Теперь даже наши пастухи читают и учат друг друга, когда пасут стада. Пройдись по нашим лесам, ты найдешь исписанными все древесные стволы. Крепостные стены наши и камни, и скалы исписаны углем. Один напишет слово, другие продолжают... Так горы и овраги наши наполнились письменами.

— У нас наука не в таком почете. Городские

жители ленивы. Но если ты приедешь к нам, ты всех заставишь быть прилежными. Анаит, прерви работу, у меня к тебе дело. Посмотри, какие дары послал тебе царь.

Вагинак развязал тюк и вынул шелковые платья и драгоценные украшения. Анаит мельком взглянула на них и спросила:

— За что же так милостив ко мне царь?

— Сын нашего царя, Вачаган, увидел тебя у родника; ты подала ему воды и запала ему в сердце. Ныне царь посылает нас, чтоб просить тебя в жены своему сыну. Это кольцо, это ожерелье, эти запястья, словом, все — для тебя.

— Значит, тот охотник был царским сыном?

— Да.

— Он прекрасный юноша. Но знакомо ли ему какое-нибудь ремесло?

— Анаит, он сын царя. На что ему ремесло, когда все подданные его слуги.

— Оно так, но сегодняшний господин может завтра стать слугою. Ремеслом же всякий должен владеть, будь он царь, слуга или князь.

Слова Анаит удивили вельмож, они переглянулись. Но пастуху Арану понравилось слово дочери.

— Значит, ты отказываешь царевичу только потому, что он не знает ремесла? — спросили вельможи.

— Да, и все, что принесли вы, возьмите с собой назад. И скажите царевичу, что он мне мил, но, да простит он мне, я поклялась не выходить замуж за человека, не знающего ремесла.

Послы увидели, что Анаит тверда в своем решении, и не стали настаивать. Ночь провели они у Арана, а на следующий день вернулись во дворец и рассказали царю обо всем, что видели и слышали.

Царь и царица очень обрадовались, узнав о решении Анаит. Теперь, думали они, Вачаган откажется от своего намерения.

Но Вачаган сказал:

— Анаит права. И царь — человек, а потому он должен быть в каком-нибудь деле мастером.

Увидя, что сын не на шутку вздумал учиться ремеслу, царь созвал совет из вельмож, и они единогласно порешили, что самое подходящее занятие для царевича — это тканье парчи, ремесло, чуждое их стране. Послали людей и из глубины Персии привезли искусного мастера. За один год Вачаган научился ткать парчу и собственноручно соткал Анаит драгоценный кусок из тонких золотых нитей, который и послал ей в подарок с Вагинаком.

Получив его, Анаит сказала:

— Теперь я не возражаю. Пословица говорит:

Судьбы испытанья ему нипочем:
Стукнет нужда — станет ткачом.

— Итак, объяви царевичу о моем согласии и отнеси ему в подарок этот ковер.

Начали готовиться к свадьбе и справляли ее семь дней и семь ночей. Великим торжеством и радостью была эта свадьба для всего народа. Царь Ваче всех крестьян освободил от податей на целых три года, и долго еще пели крестьяне такую песню:

Встало солнце золотое в день венчанья Анаит.
Дождь из золота пролился в день венчанья Анаит.
Все поля озолотились, все налоги позабылись.
Все наполнились амбары благодатными хлебами.

Честь и слава нашей мудрой,
Златорукой Анаит!

IV

Вскоре после свадьбы Вачагана верный его друг и слуга Ватинак бесследно исчез. Долго искали его, но, наконец, потеряли всякую надежду найти его среди живых. Тем временем царь и царица, дожив до глубокой старости, скончались, и, по истечении траура, народ посадил на престол Вачагана.

Однажды Анаит сказала своему мужу:

— Мой господин и царь, я замечаю, что ты не имеешь точных сведений о своем царстве. Люди, которых ты сзываешь на совет, не говорят тебе всей правды. Чтоб успокоить и развеселить тебя, они говорят, будто все идет хорошо. А почем знать, что происходит в твоем царстве на самом деле? Ты должен время от времени обходить свою страну то под видом нищего, то работать с народом в одежде рабочего, то торговать.

— Анаит, ты права, — ответил царь. — Раньше, охотясь, я так и делал. Но теперь как же уйти мне? Кто станет управлять моим царством, пока я буду в отлучке?

— Я сама стану править и сделаю это так, что никто не будет знать о твоем отсутствии.

— Хорошо, завтра я пущусь в странствие.

И если через двадцать дней не вернусь, то знай, что или меня нет в живых, или же я попал в беду.

V

Переодетый простым крестьянином, царь Вачаган пустился в далекие края своего царства. Многое он видел, многое слышал, но то, что случилось с ним на возвратном пути в городе Пероже, превзошло все его ожидания.

В середине города находилась обширная площадь, служившая рынком; вокруг нее расположились мастерские ремесленников и лавки купцов.

Однажды Вачаган сидел на этой площади. Вдруг он увидел толпу народа, шедшую вслед за старцем с пышной белой бородой и молитвенно поднятыми к небу руками. Старец ступал очень медленно. Перед ним очищали дорогу и под каждую его ногу подставляли по кирпичу. Вачаган спросил первого встречного, — кто этот старец. Тот ответил:

— Это наш великий жрец, разве тебе неизвестно? Смотри, он до того свят, что даже ногой не ступает на землю, чтоб случайно не раздавить насекомого.

В конце площади постлали ковер, великий жрец преклонил на нем колено, чтоб отдохнуть. Вачаган протиснулся поближе, чтобы разглядеть и послушать старца. У великого жреца зрение было острое. Взглянув на Вачагана, он тотчас же увидел, что тот чужеземец, поманил его рукою и спросил:

— Кто ты и чем занимаешься?

— Я рабочий из чужой страны, — ответил Вачаган, — и пришел в этот город работать.

— Хорошо. Идем со мною, я дам тебе работу и щедро вознагражу.

Вачаган кивнул головой в знак согласия и смешался с толпой. Великий жрец шепнул несколько слов своим жрецам, те разошлись в разные стороны; через некоторое время они возвратились с носильщиками, нагруженными всевозможными припасами. Тогда великий жрец поднялся и с той же торжественностью направился к своему жилищу. Вачаган молча последовал за ним. Так они дошли до края города.

Здесь великий жрец благословил народ, отпустил его домой. Остались лишь жрецы, носильщики да Вачаган. Они продолжали свой путь и, удалившись от города, дошли до какого-то строения, обнесенного стеною, и остановились у железных ворот. Великий жрец достал из кармана огромный ключ, отпер ворота и, впустив всех, снова их запер. Перед ними находилась обширная площадь по середине которой возвышался увенчанный куполом храм, окруженный маленькими кельями. У этих келий носильщики сложили свои ноши, и великий жрец отвел их вместе с Вачаганом в другую сторону храма, открыл там новую железную дверь и сказал:

— Войдите, там вам дадут работу.

Ошеломленные, они вошли молча; великий жрец запер за ними и эту дверь. Только теперь очнулись наши чужеземцы и посмотрели вокруг:

они находились в каком-то подземелье, мрачном на вид. Зная, что обратный путь отрезан, рабочие пошли вперед.

VI

Долго они шли; вдруг блеснул слабый свет. На свет они вышли к пещере, из которой раздавались стенания и крики. Наши узники с изумлением осматривали эту каменную яму, словно выдолбленную в скале, и напряженно прислушивались к крикам. В эту минуту перед ними явилась тень; приближаясь и сгущаясь, она принимала постепенно человеческий образ. Вачаган приблизился к этой тени и громко воскликнул:

— Кто ты, человек или дьявол? Подойди и скажи нам, где мы находимся?

Тень приблизилась и дрожа остановилась перед ними. То был человек с лицом мертвеца, со впалыми глазами и выдающимися скулами, лишенный волос, — словом, голый скелет, все кости которого можно было сосчитать. Этот живой труп, еле двигая челюстью, заикаясь и плача, проговорил:

— Идите за мной. Я покажу вам, куда вы попали.

Они пошли по узкому коридору и вышли в другую пещеру, где многие голые люди лежали на холодной земле и, казалось, испускали последнее дыхание. Потом они перешли в другое логовище и увидели там расставленные в порядке громадные котлы, в которых люди, похожие на мертвецов, варили обед. Вачаган

наклонился к котлам, чтоб узнать, что в них варят, и с ужасом отступил и не сказал товарищам, что увидел. Потом они вышли в новый коридор, длиннее первого, где при тусклом свете несколько сот мертвенно-бледных людей беспорядочно работали: одни вышивали, другие вязали, третьи шили. Проводник провел их обратно и, когда они вернулись в прежнюю пещеру, сказал:

— Тот же старец, что обманом завлек вас сюда, привел в эти подземелья и нас. Неизвестно, сколько времени я здесь, ибо нет тут ни дня, ни ночи, а лишь один бесконечный сумрак. Знаю только, что все, кто попал сюда со мной и до меня, погибли. Сюда завлекают людей или знающих какое-нибудь ремесло, или не знающих; первых заставляют работать до самой смерти, вторых уводят в бойню, и оттуда они попадают в те ужасные котлы, что вы видели. Старый дьявол не один, все жрецы его помощники, их кельи над нашим адом...

Пока он так говорил, Вачаган узнал в нем своего преданного Вагинака. Но он ничего не сказал ему, чтоб радость встречи не порвала, как меч, тонкую нить его жизни.

VII

Когда Вагинак ушел, Вачаган спросил своих спутников, кто они и что умеют делать. Один назвался портным, другой — ткачом, остальных Вачаган решил объявить своими помощниками. Вскоре раздались шаги, гулко отдававшиеся по коридорам, и перед ними предстал жрец, сви-

репый на вид, сопровождаемый вооруженной толпой.

— Это вы новоприбывшие? — спросил жрец.

— Да, мы слуги твоей милости, — отвечал Вачаган.

— Кто из вас знает ремесло?

— Мы все знаем, — сказал Вачаган, — умеем ткать драгоценную парчу, вес коей стоит во сто крат больше, чем вес золота.

— Неужели так дорого стоит ваша ткань?

— В словах моих нет лжи, ведь ты можешь проверить их.

— Конечно, я проверю их. А теперь скажите мне, какие инструменты и материал вам нужны, и идите работать в общую мастерскую.

— Там наша работа не удастся, — возразил Вачаган. — Нам лучше работать здесь. А что до пищи, так мы не мясоеды, лишь вкусим мясо, тотчас же умрем, и вы лишитесь громадной выгоды.

— Хорошо, — сказал жрец, — вам пришлют хлеба и овощей, но берегитесь обмануть нас. Если работа ваша окажется не столь драгоценной, как вы похваляетесь, я велю отправить вас на бойню да перед смертью хорошенько помучить.

Жрец исполнил свое обещание, прислал им плодов и хлеба. Они поделились этой пищей с Вагинаком, раздали тайком и другим хлеба, который стал им вместо причастия и оживил их, как хлеб жизни. Вачаган принялся за свою работу, обучив ей своих товарищей. В скором времени он приготовил кусок великолепной парчи с такими узорами, в которых, при

умении, можно было прочесть историю этого ада.

Жрец явился, увидел приготовленную парчу и пришел в восхищение. Свернув тщательно свою работу и передав ее жрецу, Вачаган сказал:

— Я говорил тебе прежде, что ткань наша во сто крат ценнее веса золота. Теперь же прибавлю, что стоит она в двое больше того, что я сказал, ибо на ней есть талисманы, способные хранить каждого, кто ее носит, в веселье и добром здоровье. Жаль только, что простые люди не ценят этих талисманов по достоинству. Их поймет лишь мудрая царица Анаит.

Жадный жрец широко раскрыл глаза, услыхав об истинной стоимости парчи. Он пожелал один воспользоваться излишком золота и, не сказав ни слова великому жрецу и даже не показав ему ткани, отправился в путь.

VIII

В отсутствии Вачагана Анаит хорошо управляла страной, и все были довольны, не зная, что это управляет она; но сама царица была очень встревожена, ибо прошло уже десять лишних дней после назначенного срока, а Вачаган все не возвращался. Ночью она видела страшные сны и просыпалась от ужаса. Днем предметы казались ей изменившимися, и все приобрело необычайные свойства. Занги беспрестанно выла и, кидаясь в ноги, жалобно взвизгивала. Конь Вачагана не брал корму и

ржал, как жеребец, отставший от матери. Куры кричали по-петушиному, а петухи, вместо зари, пели под вечер фазаньим голосом. Глухо катились речные волны, не журча и не прыгая, как прежде. Храбрая Анаит впала в необычайный страх, и даже собственная тень казалась ей чудовищем.

Однажды утром, когда она прогуливалась в саду, вошел слуга и передал ей о прибытии иностранного купца с дорогим товаром.

Анаит приказала немедленно привести незнакомца.

Вошел человек со страшным лицом, отвесил царице низкий поклон и поднес ей на серебряном подносе золотую парчу. Она поглядела на ткань и, не обратив внимания на узоры, спросила о ее стоимости.

— Милостивая госпожа, она стоит в триста раз больше, нежели вес золота. Во столько обошлись мне работа и материал, а мой труд и усердие поручаю оценить твоей милости.

— Неужели так дорога она?

— Милостивая царица, в ней скрыта неоценимая сила. Ты видишь ее рисунки. Это не простые узоры, но талисманы. Тот, кто их носит, будет всю жизнь храним от горя и грусти.

— Неужели так? — спросила Анаит и развернула парчу, дабы разобрать талисманы, которые были вовсе не талисманами, а узорами из букв; Анаит молча прочла в них следующие слова:

«Несравненная моя Анаит, я попал в страшный ад. Доставивший парчу — один из демо-

нов - хранителей этого ада. Со мной и Вагинак. Ищи нас к востоку от Пережа под обнесенным стеною капищем. Если не подашь помощи, все мы погибнем.

Вачаган»

Анаит не удовольствовалась однократным чтеньем, но пробежала письмо во второй и третий раз, не доверяя своим глазам. Наконец, притворившись, что все углублена в талисманы, она стала размышлять, как ей быть.

— Ты прав, узоры твоей парчи обладают веселящей силой, — радостно сказала она переодетому жрецу. — Еще утром грустила я, сейчас мне стало неизъяснимо радостно. Парче этой цены нет. Не пожалела бы я за нее и половины моего царства. Но не правда ли, ни одно творение не может быть выше своего творца?

— Многие лета царице, ты говоришь истину. Не может тварь сравниться с творцом.

— Если и ты знаешь, что это так, приведи ко мне мастера этой парчи, чтобы я его наградила так же, как и тебя.

— Милостивая царица, я не видел и не знаю мастера этой парчи. Я купец и купил этот кусок в Индии у одного еврея, а тот у араба а уж араб — кто знает, у кого и в какой стране.

— Но ты, кажется, говорил, во что обошлись тебе материал и работа. Значит, ты не покупал парчи, но сам дал ее выткать.

— Милостивая царица, мне так говорили в Индии, а я...

— Замолчи, не ожидай от меня милости.

Талисманы открыли мне, кто ты таков. Эй, слуги, схватите этого человека и заключите его в темницу!

IX

Когда это приказание было исполнено, Анаит велела трубить тревогу. Тотчас же стали собираться горожане и, тревожно перешептываясь, запрудили все пространство перед дворцовым балконом. Никто не знал, в чем дело, и все спрашивали друг у друга. Но вот на балкон вышла Анаит, вооруженная с головы до ног:

— Граждане, — сказала она, — жизнь вашего царя в опасности. Кто любит его, кому дорога его жизнь, тот пусть едет за мной. К полудню мы должны быть в городе Пероже.

Не прошло и часа, как все были вооружены. Анаит на добром коне обскакала ряды своей конницы, скомандовала «вперед» и помчалась в Перож, вздымая за собой облако пыли. Войско ее было еще далеко позади, когда она остановила огненного коня посреди площади Перожа. Жители, приняв ее за сошедшее с неба божество, пали перед нею на колени и поклонились до земли.

— Где ваш начальник? — гордо спросила Анаит.

— Я, твой слуга, здешний начальник, — поднявшись, сказал один из коленопреклоненных.

— Так это ты столь беспечен, что даже не знаешь, что творится в капище твоих богов?

— Твой покорный слуга ничего не знает.

— Ты, быть может, не знаешь даже, где твой храм?

— Помилуй, как не знать!

— Так веди меня туда.

Начальник повел Анаит к капищу, а за ними последовала и толпа. Когда жрецы увидели приближающуюся толпу, они приняли ее за богомольцев и открыли первую железную дверь. На коне въехав на площадь, Анаит приказала раскрыть храм. Тут только сообразили жрецы, что им угрожает, и, обступив Анаит, решили защищаться. Главный жрец с вооруженными слугами, призывая горожан вступиться за поруганное святилище, кинулся на отважную наездницу. Но умный конь Анаит затоптал его могучими ногами, а тем временем подоспело и войско, быстро покончившее с остальными жрецами. Народ со страхом и недоумением следил за происходящим.

— Подойдите ближе, — крикнула Анаит, — и посмотрите, что скрыто в святилище ваших богов.

Двери храма взломали, и ужасное зрелище представилось народу. Из адской норы выползло множество людей, более похожих на выходцев с того света. Многие были при смерти и не могли стоять на ногах. Другие, ослепнув от света, шатались и ползли, как муравьи. Последними вышли Вачаган и Вагинак с опущенными глазами, чтобы дневной свет не лишил их зрения. Воины ворвались в ад и вынесли оттуда тела умерших людей, орудия пыток, ремесленные инструменты и котлы с ужасною мертвечиной. Пристыженные горожане помогли им разбить и очистить капище.

Только покончив с этим, вошла Анаит в наскоро сооруженную палатку, где ждали ее Вача-

ган и Вагинак. Влюбленные уселись рядом и не могли наглядеться друг на друга. Вагинак плача припал к руке своей госпожи.

— Несравненная моя царица, это ты спасла нас сегодня!

— Ошибаешься, Вагинак, — возразил Вачаган, — царица спасла нас еще в ту пору, когда спросила тебя: «А знает ли ремесло сын вашего царя?» Помнишь ли, как насмеялся ты над ее вопросом?

X

Весть о приключении царя Вачагана разнеслась по всем городам и селам. Говорили об этом даже в чужих странах, и все восхваляли Вачагана и Анаит. Народные певцы (ашуги) обходили армянскую землю и слагали песни в честь этого события. Жаль, что их песни не дошли до нас; но то, что сделали Вачаган и Анаит, в виде сказки рассказывается и до наших дней.

Хорошо было тогда в нашей стране. Предки наши любили труд. Не было человека, не знавшего ремесла, и многие мастерства достигли высокого совершенства. Женщины учились ткать и шить, земледельцы сами готовили свои орудия. И работали они не порознь, а сообща. Любо было глядеть, как сильные юноши с кузнечными молотами в руках сыпали удары на железо, обращая его в меч или сошник. Так они вместе обрабатывали поля, вместе и жали.

И говорили люди:

— Искусство и знание должны быть сплетены меж собой так, как парча царя Вачагана с ее загадочными талисманами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На свете всякая страна,
Когда в ней мудрый управитель.
Цветет, как райская обитель,
Крепка, сыта, населена.
И всяк, откуда б он ни вышел,
Когда владеет мастерством,
На трудном поприще земном
Себе найдет и хлеб, и крышу.
О, мастерство! Родник живой,
Ты поишь дни и нивы наши
То щедроводной, то скупой,
Но не пустеющею чашей...
Где цвел когда-то райский сад
Моих отцов страны священной,
Там смерть царит теперь и ад.
В полях голодный вой гиенный,
Нет среди нас ни Анаит
Премудрой, нет ни Вачагана,
Кто воскресит, кто возвратит
Тот рай утраченный армянам?
Одно осталось нам в удел:
Учись ремеслам и науке,
О, мой народ, — чтоб ты сумел
Из ада высвободить руки!

Сказка Хазароса Агаяна [1]. Перевод сделан с небольшими сокращениями. Стихотворные вставки переведены Мариэттой Шагинян.

[1] Хазарос Агаян (1840 — 1911) — популярнейший детский писатель, прозаик и поэт, автор превосходной «Песни о прялке», переведенной на русский язык Вал. Брюсовым (см. сборник «Поэзия Армении», Москва, 1916). Тексты сказок «Анаит» и «Арегназан», послужившие материалом для художественной обработки и не встречающиеся ни в одном из печатных и рукописных сборников армянских сказок, по словам сына писателя, теоретика армянской музыки, Мушега Агаянца, были записаны Хазаросом Агаяном в одной из деревень предгорной Армении.

АРЕГНАЗАН

I

Давным-давно, когда земля была полна чудесами и злые духи вели меж собой нескончаемую борьбу, жил-был у подножья Арарата старый князь, по имени Арман. У него было трое детей, оставшихся после смерти жены: две девушки, одна красивее другой, а третье дитя, еще более прекрасное, нежели сестры, но только добрые духи укрыли до времени от смертных его пол. Такова была воля добрых духов, решивших по истечении назначенного срока дать ему пол либо женщины, либо мужчины.

Арман не отличал его от дочерей и всех трех наряжал одинаково девушками. «Пусть и оно считается девочкой, пока не свершится воля добрых духов», — так думал он про себя и для созвучия назвал дитя Арегназан, ибо старшую звали Заназан, а среднюю — Зарманазан. Арегназан выросла, считая себя девушкой, что не мешало ей, впрочем, питать ко всему девичьему сильнейшую ненависть. Не было у нее доброй матери, которая могла бы учить ее домоводству, а отец брал ее на охоту, учил обращаться с конем и оружием.

Однажды Арман созвал своих детей и сказал:

— Дети, служил я нашему доброму царю, и

он меня любил. Эти поля и леса, эти луга и горы дарованы мне за верную службу. Теперь вы выросли, а я состарился. Хочу отправить одну из вас, переодетую юношей, ко дворцу царя, чтоб и она могла заслужить почести, подобные моим? Кто из вас согласен поехать?

— Я, батюшка! — вызвалась старшая дочь.

— И я! — закричала средняя.

Арегназан молчала.

— А ты, Назаник? — спросил ее князь.

— Почему бы и не поехать, батюшка, — ответила Арегназан, — да только не хочу перебивать дорогу у старшей сестры.

— Ну, так я назначу вам испытание, — решил отец, — пусть каждая по очереди нарядится охотником, выберет себе оружие и до света пойдет на охоту. Кто вернется с дичью, того и пошлю к царю.

На следующее утро по уговору старшая дочь поехала за дичью. У оврага навстречу ей выехал всадник в маске, вооруженный с головы до ног. От страха она замерла на месте. А всадник подскакал к ней и грозно воскликнул:

— Эй, отрок, пригожий отрок,
Куда ты скачешь, говори!
Эй, отрок, пригожий отрок,
Чего ты ездишь до зари?

Девушка ответила ему, запинаясь:

— Еду... не еду... не знаю, куда...
Коль воротиться — сгорю со стыда.

— А, так ты не знаешь, куда? Поворачивай ка назад, а не то снесу тебе голову с плеч!

Сказавши это, всадник взмахнул мечом, а девушка пронзительно воскликнула:

— Не убивай меня, не убивай, я девушка!

— Коли ты девушка, так вернись домой и корми своих кур. Мало нарядиться в мужскую куртку, надо, чтоб под нею билось мужское сердце.

Сказавши это, всадник исчез.

Перепуганная девушка возвратилась в замок.

— Где же твоя дичь? — спросил отец. — И почему ты вернулась так скоро?

— Да меня схватила дорогою лихорадка, — ответила она князю.

На следующий день был черед средней дочери, и ее постигла такая же участь. На третий день князь снарядил и послал Арегназан. Не успела она отъехать, как и ее встретил замаскированный всадник и еще издали закричал:

— Эй, отрок, пригожий отрок,
Куда ты скачешь, говори!
Эй, отрок, пригожий отрок,
Чего ты ездишь до зари?

Арегназан ответила с сердцем:

— Тебе что за дело, куда я еду?
Разве скачу по чужому следу?
Разве, как ты, не дав солнцу взойти,
У мирных проезжих торчу на пути?

— Так, по-твоему, я разбойник? Поплатишься ты мне за эти слова! — страшным голосом воскликнул всадник и обнажил меч.

— Что ты разбойник, показывает твоя маска, а каков ты мужчина, пусть судит мое копье, —

ответила Арегназан и, пришпорив коня, напала на всадника.

Целый час длилась их борьба; никто не уступал. Только силы замаскированного все ослабевали, Арегназан же не чувствовала никакой усталости. Наконец она ловко сбила противника с лошади и уже занесла меч над ним, чтоб отрубить ему голову, но в эту минуту всадник скинул свою маску...

— Ах, батюшка! Сними ты свою маску минутой позже, — сделалась бы я отцеубийцей!

Князь Арман усадил дочь возле себя и не мог на нее налюбоваться. Наконец, совершенно оправившись, он сказал:

— Дочь моя Арегназан, привет тебе! Вижу, что ты можешь заменить мне сына, ибо в груди твоей бьется мужское сердце. Ступай же служить, но помни, что царские чертоги подобны западне: коли оступишься, назад не воротишься. Люби правду, не криви душой, не бери на себя тяжести греха, и да будет над тобою мое благословение.

II

Когда Арегназан приехала ко двору и представилась царю под видом сына Армана, царь очень обрадовался:

— А я полагал, что у нашего Армана нет взрослого сына. Как твое имя?

— Слуга твой Арег.

— Арег... Хорошее имя! Не скучай, сынок. В чем будешь иметь нужду — обращайся прямо ко мне... Завтра у нас охота, и ты поедешь со мною.

У царя была единственная дочь, по имени Нунуфар. Красотой своей она соперничала с солнечным светом. Во время разговора царя с Арегназан, Нунуфар тайком из-за занавеса смотрела на нее и восхищалась ею.

— Это в точь-в-точь тот юноша, которого я часто вижу во сне, — шептала она про себя.

На другое утро затрубили в рог. Собралось множество всадников, вооруженных ширококрылыми луками, длинными копьями и иным оружием. С ними были соколы и собаки, — словом, все, что нужно для благородной охоты. Поехали они в обширное поле, со всех сторон окруженное лесами. Погнали собаки из лесу всю дичь на поляну, а охотники, составив цепь, принялись нещадно ее истреблять.

Арегназан охотилась рядом с царем. Вдруг царь, гоняясь за оленем, упал с лошади. Он остался невредим, зато очутился перед медведем, а конь его испугался и ускакал. Медведь встал на задние лапы, зарычал и двинулся на царя. Арегназан стрелою бросилась на помощь и одним ударом меча рассекла надвое голову свирепого зверя.

Царь был спасен, и Арег стала героем дня.

— Вот повезло! — говорили друг другу охотники. — Жаль, что нас не было возле царя.

Весть о случае с царем в тот же день долетела до города. Надо было видеть, как шумно встретили горожане охотников.

— Да здравствует царь! Да здравствует храбрый Арег! — кричали они в один голос и пели:

Кто избавил царя, кто избавил царя
От медведя, от лютой смерти?
Это витязь Арег, храбрый витязь Арег,
Он избавил царя от смерти.
Меч свой вынул Арег и медведю рассек
Прямо надвое страшный череп.
Жив наш царь, — да продлят небеса его век, —
Жив Арег, победитель зверя!
Он отважен и ликом похож на зарю,
И не будь он с царем, — уж верьте, —
Не спастись бы царю, не уйти бы царю
От медведя, от лютой смерти!

При виде такого ликования Арег думала: «Ах, до чего хорошо быть юношей! Никогда не удостоится девушка подобной чести!»

— Ты мне сегодня показал свои способности, Арег, — сказал царь. — Находись впредь неотлучно при мне. Выбери завтра лучшего из коней и возьми себе отборное вооружение.

Тем временем Нунуфар сидела у себя и думала:

«Само небо, видно, предназначило его для меня. Но когда же я встречусь с ним лицом к лицу, когда он увидит меня? И почему бы не позвать его сюда? Нет у меня ни друга, ни подруги; пусть он придет и станет мне самым дорогим и близким!»

Так подумав, Нунуфар хлопнула в ладоши и велела вошедшей служанке итти к Арегу:

— Скажи, чтоб он пришел к Нунуфар. И еще скажи, что я хочу его видеть.

Служанка пошла и передала Арегназан слова своей госпожи. Но та ответила:

— Нет, я не могу притти к ней.

— Почему же, господин? Ведь она приказала, — настаивала служанка.

— Мне незачем итти к ней, вот и все.

— Господин, она говорит: «Приди повидаться со мною».

— Иди и ответь: «Не приду».

Служанка ушла. Когда Нунуфар узнала об отказе Арега, ей стало нестерпимо стыдно. С стесненным сердцем металась она по комнатам, раскрывая двери и окна; комната, как печь, жгла и душила ее. Видя такое беспредельное горе своей госпожи, служанка осмелилась сказать:

— Госпожа, дивлюсь я, как ты терзаешься из-за такого пустяка. Наверное, он стыдится и потому не пришел. Когда он услышал, что ты зовешь его, то весь покраснел от стыда, словно роза, и уж красив он был!

— Говори, говори, продолжай... Я не все расслышала. Ах, как, должно быть, упала я в его глазах, как гадко станет он обо мне думать...

От душевных терзаний Нунуфар занемогла и слегла в постель. Испуганный царь созвал лекарей. Они долго совещались и, наконец, объвили, что не могут понять ни причины болезни, ни найти средств к ее исцелению.

Царь впал в отчаяние; Нунуфар была его единственной дочерью и наследницей царства. Приуныли придворные, загрустили горожане, и только Арегназан оставалась равнодушной. Ей и в голову не приходило, что она была причиной болезни царевны.

Для забавы к Нунуфар приставили царского шута, а в сиделки ей дали жену визиря.

Жена визиря была вдова; был у ней взрослый сын, и ей давно уже казалось, что он достоин сделаться царским зятем более, нежели кто-нибудь другой. Поэтому она день и ночь ухаживала за Нунуфар и всячески старалась заслужить ее любовь.

— Госпожа моя, а что ты мне дашь, если я тебя исцелю? — сказал однажды вечером шут, обращаясь к царевне.

— Говори сию минуту, дурак, если знаешь какое-нибудь средство, — вмешалась жена визиря.

— Скажи-ка, царевна, если от двух отнять одно, а потом опять прибавить одно, — будет ли снова два?

— Ну, конечно. Съешь из двух яблок одно, а вот я попрошу жену визиря дать тебе еще одно, и опять будет два.

— Вот так штука! А я-то думал, что съеденное — съедено, потерянное — потеряно, полюбившееся — не заменить! Почему же эта женщина осталась вдовой? У нее умер муж, так пусть бы приставила к себе нового человека — и опять стала бы не одна, а двое. Готов ей служить, если она захочет!

— Ты обо мне, дурак, не заботься! — сердито сказала жена визиря. — Говори лучше, какое средство ты придумал для царевны?

Но шут подпрыгнул, ударил себя в лоб и скороговоркой пропел:

Ах, глупа у шута голова!
Кто же станет на шута сердиться?
Чтоб **одно** снова стало **два**, —
Подойдет не всякая единица.

То, что есть, — то всегда и есть.
Чего нет — никогда не станет.
К сердцу сердце чужое не причесть,
Цифрой сердце никто не обманет!
Есть в палатах белый, как снег,
Румяный, как роза, храбрый красавец...
Пусть к Нунуфар прибавят «Арег», —
Станет **два**, и от боли избавится!

Пропев эти слова, шут подпрыгнул несколько раз и выбежал из комнаты. Жена визиря прикусила язык и впала в раздумье. «Теперь я все поняла, — думала она. — Дурак расстроил мои планы. Ну, хорошо же. Упеку я твоего Арега в такое место, откуда он и не воротится!»

На другое утро она встала раньше всех и пошла к царю.

— Государь, — сказала она, — я пришла тебе сообщить радостную весть. Приснилась мне наша царица и сказала, что единственное средство для спасения Нунуфар — это живая вода.

— Жи-ва-я вода, — протянул царь. — Но кто может достать живую воду?

— Государь, царица сказала, что достать ее сможет только Арег.

Царь тотчас же позвал Арега и велел ему отправиться за живой водой.

— Поезжай, сынок, — достанешь этой воды, отдам за тебя Нунуфар, а с нею и все мое имущество.

— И без такого обещания исполню, государь, твою волю, — ответил Арег. — Да только где искать эту живую воду?

— Кто может знать, где ее искать, сынок? Добрые духи открывают это лишь своим избранникам. Поворотись лицом на восток, объез-

жай все страны и государства, кого повстречаешь — расспрашивай, и коли воды не найдешь, так, по крайней мере, многое увидишь и многому научишься. Казна моя для тебя открыта, возьми золота и драгоценных камней, сколько тебе понадобится.

III

Арегназан пустилась в дорогу на верном своем коне, по имени Базик, которому за день нипочем был и четырехдневный путь. Долго она ехала, миновала много царств, много перенесла бедствий, пока не достигла Волшебного царства.

Однажды, жарким солнечным днем, Арегназан остановилась на берегу озера, привязала Базика в тени, сама уселась возле и, достав из сумки еду, принялась утолять голод. Вдруг она заметила, что стая голубей спустилась на берегу неподалеку от нее; голуби скинули перья, превратились в красивых девушек и бросились в воду. Арегназан в первую минуту изумилась, а потом захотела подшутить над ними и поглядеть, что из этого выйдет; она незаметно подкралась к берегу и спрятала перья одного из голубей.

Девицы вышли из воды, накинули свои крылья и улетели, но одна из них, не найдя крыльев и стыдясь остаться нагою на берегу, бросилась обратно в воду. Тогда Арегназан вышла к воде с голубиными крыльями в руках. Девушка-голубь по шею погрузилась в озеро и жалобно запела:

Ах, отдай мне крылья, крылья,
Дай вспорхнуть и улететь!
Уж давно мне сны открыли
Все, что должен ты хотеть...
Ах, услышь мой огорченный,
Полный жалобою клич, —
Коль, девицей нареченный,
Хочешь мужества достичь,
Дай мне крылья, дай мне крылья,
Дай мне крылья, — и тогда
Все придет, что боги скрыли,
Все, — усы и борода...

Девушка-голубь умолкла и, склонив голову, с нежнейшей улыбкой смотрела на Арегназан. Но той так понравился напев, что она думала: «Ах, не есть бы, не пить, а только слушать эту песню!» И она стала просить попеть еще и еще. Но пока голубь пела, сознание на минуту покинуло Арегназан. Она почувствовала что-то странное, хотя и очень сладкое. Наклонившись к воде, она стала смотреть на себя: это было точь-в-точь прежнее лицо ее, но только обрамленное курчавой бородкой и черными красивыми усами. И этот образ показался ей таким прелестным, что она не могла на него наглядеться.

«Это, видно я, — подумала она про себя. — Теперь я, действительно, Арег».

— Прекрасный голубь, ты дала мне то, что было единственным моим желанием, — обратилась она к девушке-голубю. — Так вот тебе твои крылья, и еще, если можешь, достань мне живой воды.

Девушка-голубь, накинув свои крылья, вспорхнула и тотчас же принесла Арегу в клюве сосуд

с живой водой, Арег спрятал его и весело отправился домой, болтая с конем и сам отвечая себе за коня.

IV

Не помня дороги, он ехал наугад, пока не показались перед ним башни и строения большого города. Он подъехал к городским воротам и спросил у стражи:

— Добрые люди, что это за город, и где у вас останавливаются приезжие?

Но люди ничего не ответили.

Второй раз спросил Арег — и опять не было ответа. Тогда он толкнул их: это были статуи. Велико было его изумление, когда он увидел, что перед ним окаменелый город. И что ни шаг, то новая картина: тут толпа беседующих людей с открытыми ртами; один ругал другого, да так и окаменел; здесь свадебное пиршество со всей обстановкой; продавец фруктов взвесил фрукты и сыплет в корзину покупателя, и вдруг окаменели и сам он, и весы, и фрукты, и покупатель...

— Горожане! — крикнул Арег, надеясь получить ответ.

Но возвратился лишь отзвук его крика. В этом отзвуке Арегу послышался чей-то слабый стон:

— О..к...а...м...е...н...

Арег различил, откуда идет голос, и поспешил туда. Он вошел в прекрасный дворец с окаменевшими фонтанами и цветами; в саду он наткнулся на каменного человека с живою головой.

— Кто ты? — спросил Арег.

— Воды... воды... — еле внятно пробормотала голова.

— В вашем саду и вода окаменела, ну, да я дам тебе каплю живой воды. Вот, напейся!

Он влил немного воды в рот статуи, и дрожь пробуждения пробежала по всему ее телу. Она медленно задвигалась всеми членами, наконец, ожила и стала ходить. Тотчас же схватила Арега за руку и, таща его за собой, испуганно произнесла:

— Бежим, бежим, мой сын, спрячемся во дворец, пока не увидела нас старуха!

Арег взял за поводья коня и, ошеломленный, последовал за ожившей статуей. Во дворце он спросил:

— Скажи мне, что это за старуха такая, которую ты так боишься?

— Знай же, сын мой, что эта старуха — страшная волшебница! По ее слову окаменел мой город, и она каждый день приходит сюда любоваться на свое злодейство. Я — царь этого города, и зовут меня Андас; волею старухи я окаменел наполовину, чтоб я мог видеть свое бессилие.

— А не знаешь ли ты, в чем заключается сила этой волшебницы?

— В жезлах, — ответил царь Андас.

— Так отнимем у нее эти жезлы и лишим ее силы! — воскликнул Арег.

Но едва он произнес эти слова, как в небе показалась старуха. Она летела верхом на помеле и погоняла кнутом из змеиной кожи. Арег вместе с царем Андасом выбежал ей навстречу.

Увидя Андаса, страшная старуха прыгнула к нему, поднявши жезл, и зашипела:

— Кто заклятие нарушил,
Кто вернул Андасу душу?

Чары есть у вас, — чары есть на вас!
Камнем был Андас, — камнем будь Андас!

Сказав так, она замахнулась жезлом, но Арег выбил его у нее из рук и в одно мгновение связал старуху по ногам и по рукам. Волшебные жезлы он у нее отобрал и лишил ее таким образом всякого могущества.

— Как теперь наказать тебя, мерзкая старуха! — воскликнул царь Андас.

— Не ты, не ты победил меня, царь Андас! — ответила ему колдунья. — Нечего тебе и гордиться. Давно было уже записано в книге судеб, что когда девушка превратится в юношу, настанет конец моей власти, и я лишусь жизни от ее руки!

— Что ж, я не прочь лишить тебя жизни, только прежде оживи весь город, — сказал Арег.

Старуха мрачно вытянулась и с величием произнесла следующие слова:

— Да, час настал! Сниму с тебя оковы,
О, город каменный, — освободись от чар!
Я натворить сумела много злого, —
Пусть им насытится владыка Бэлиар!
Гремите, тучи,
Сверкайте молньи,
Теките, воды,
Растите, травы,
Свистите, птицы,
Проснитесь, зверь и человек!

Едва старуха произнесла эти слова, как загрохотала мертвая тишина, и город ожил с быстротой мысли. Все стали продолжать прерванное дело, как ни в чем не бывало. Петух, окаменевший на средине песни, допел ее; зурначи, окаменевшие с зурной во рту, продолжали играть; плясавший, остановившийся с поднятыми руками, снова заплясал. Никто, кроме царя, и не подозревал, что между двумя мгновениями прошло сорок лет.

К царю подошли военачальник и визирь, отвесили низкий поклон и сказали:

— Государь, войско готово и ждет твоего приказания. Вражеские войска приближаются к городу.

— Постойте... постойте! — воскликнул царь Андас. — В самом деле, ровно сорок лет назад, в день нашего окаменения к городу подошли вражеские войска... Но ведь они разбежались, найдя нас окаменевшими!

Военачальник и визирь удивленно переглянулись и шепнули друг другу:

— Царь помешался!

Сомнение их было естественно. Визирь перед окаменением сидел за обедом и окаменел, поднося ложку ко рту, а теперь положил ложку в рот, кончил обед и пришел. Военачальник окаменел в то время, когда собирался сесть на коня и вложить ногу в стремя. И вот он перекинул ногу через седло, тронул поводья и приехал.

Как же могли они представить себе, что сорок лет были окаменелыми!

Арег заметил их смущение и понял, что они

не поверят ни ему, ни царю. Поэтому он взял один из жезлов и сказал:

— Посмотрите вокруг: вы одеты в зимние одежды, а вокруг вас лето. Посмотрите на эту связанную старуху, она — причина вашего окаменения. И если вы еще не верите, узнайте силу ее жезлов.

Арег ударил старуху и проговорил:

— Эй, старуха!
Воля духа
Бэлиара,
Уриэла,
Саданэла —
Чтобы ты окаменела!

Старуха мгновенно превратилась в осла, потом в ворона и, наконец — в камень. Визирь и военачальник, столь же пристыженные, как и испуганные, поверили словам царя Андаса.

Узнавши, что Арег — спаситель царства, жители города оказали ему всяческие почести, и целых двадцать дней длились устроенные для него пиршества. Царь Андас не хотел отпустить от себя Арега, но однажды ночью юноше приснилось, будто Нунуфар при последнем издыхании. Проснувшись, он оседлал верного Базика и поспешил возвратиться домой.

V

А Нунуфар в самом деле была при последнем издыхании. На нее не действовали больше ни вздохи отца, ни остроты шута, ни заботливость вдовы визиря. Она не имела силы ни говорить, ни даже шевельнуть рукой.

В эту тяжелую минуту внезапно разнеслась весть, что Арег возвратился. Служанка Нунуфар первая кинулась к нему и позвала его к госпоже. На этот раз Арег не стал медлить. Достав сосуд с живой водой, он поспешил к Нунуфар. Девушка была уже без памяти. Арег капнул живой водой на ее помертвевшие губы, и она раскрыла глаза. Но в ту же минуту Нунуфар увидела Арега.

— Явился Арег! — сказала она тихонько и закрыла лицо обеими руками, словно щитами, чтоб никакое другое впечатление, вторгнувшись, не замутило этого.

Царь обнял Арега и зарыдал, как ребенок. Из глаз окружающих полились слезы умиления и радости.

Воспользовавшись общим волнением, ожившая во мгновение ока Нунуфар скользнула с постели и, скрывшись в соседнюю комнату, вышла оттуда разодетая, как подобает царской дочери. Красота ее наполнила счастьем Арега.

Рука об руку вышли они в царскую залу, где собрались придворные. Был тут и старый князь Арман вместе со своими двумя дочерьми, которых уже давно призвала к себе Нунуфар, тоскуя по Арегу. Все были веселы и счастливы.

Арег подвел Нунуфар к царю и, опустившись перед нам на колени, попросил благословенья. Со слезами радости обнял царь своих детей, благословил их и сказал следующие слова:

— О, могучее небо, я — человек, и недоступно мне полное знание доброго и злого. Но ты знаешь за нас, что кому нужно, и за пазу-

хой у тебя скрыты тайные щедроты. Осыпь ими моих детей и дай им насладиться всеми земными благами!

Как только царь кончил, зала озарилась странным светом. Наверху возникла радуга, тонкая и сияющая; все смотрели на нее и любовались, как постепенно сгущались ее цвета. И вот, когда радуга определилась во всем своем блеске, по ней, как по лестнице, сошли в залу чудные небесные девы. Каждая из них была словно маленькое солнце, а числом этих солнц было десять. Одежда их была соткана из облаков и звездных лучей. Зала наполнилась благоуханием.

Огненные девы по очереди стали подходить к молодым и, протягивая им цветы, осыпать их пожеланиями. В одной Арег узнал свою прекрасную деву-голубя.

Заиграла музыка, начались танцы, и ошеломленные придворные, придя немножко в себя, осмелились предложить девам сладкие напитки и попросить их потанцовать вместе со всеми. Огненные девы охотно приняли участие в танцах, но от напитков отказались. Они имели при себе иные напитки и, напившись, дали отведать и новобрачным. Нунуфар, сестры Арега и женихи их — все пригубили напиток, не испытывая никакого удовольствия. И только одному Арегу дано было вкусить его небесную сладость.

Сорок дней и сорок ночей длилось свадебное пиршество. Когда оно кончилось, Арег с Нунуфар сделали небольшое путешествие по Ван скому берегу.

Едва лодка выплыла на середину озера, Арег вынул волшебные жезлы старухи, выпрямился во весь рост и сказал:

— Тоните, жезлы, в водах Вана
И не всплывайте никогда!
Власть чародейства и обмана
Да сгинет, сгинет без следа.
Тоните! Впредь да не случится,
Что силой вашею навек
Из человека превратится
В осла иль в камень человек.
Закон земли да не нарушить
Отныне чарами. Над ним
Лишь небу власть! И наши души
С молитвой небу предадим.

Сказав так, он бросил жезлы в озеро и таким-то образом упразднил владычество темных сил.

В это самое время упали с неба три яблока.

Молитве Арега небо вняло,
Сбросило небо вниз три яблока.
Было одно зеленым-зелено,
Словно сейчас сорвано с ветки.
Было другое красным-красно,
Словно летом алая роза.
А третье было подобно снегу.
Арега тогда Нунуфар спросила:
— Зачем, скажи, таковы три яблока?
— Не знаю, милая! — Арег ответил. —
Должно быть они подобны жизни.
Взгляни, зеленое — словно младенец,
А это белое — словно старец.
Третье ж, красное, — краше первых,
Цветом похоже на нашу зрелость.
— Дай же съедим красное яблоко! —
Арегу тогда Нунуфар сказала,
Она предложила, а он исполнил:

Красное яблоко съели вместе
И утолили сердечную жажду.

* *
*

Исполать вам, красные юноши и девушки,
Небо да исполнит и ваше желанье,
А на меня прошу не гневаться
Коли наскучило мое сказанье.

Сказка Хазароса Агаянца.
Переведена почти без сокращений.
Стихотворные вставки переведены
Мариэттой Шагинян.

ХОЗЯИН И РАБОТНИК

Жили-были два брата-бедняка. Когда нужда их совсем доконала, они решили: пусть младший останется дома, а старший пойдет наймется в работники и будет заработок посылать домой. Как задумали, так и сделали. Младший остался дома присматривать за хозяйством, а старший отправился в чужие края и нанялся работником к богатому хозяину. Срок работы должен был, по уговору, истечь к весне, когда запоет кукушка. Но хозяин поставил работнику такое условие: «Если до истечения срока уговора один из нас рассердится — пусть он платит неустойку; если ты рассердишься, плати мне тысячу рублей; я рассержусь — плачу тебе столько же».

— Но ведь у меня нет тысячи рублей.

— Не беда, взамен прослужишь у меня даром десять лет.

Работник сначала испугался и не хотел итти на такие условия, но потом, поразмыслив, согласился: «Что бы там ни говорили, не буду сердиться, а если хозяин рассердится — пусть платит мне по уговору», — подумал он про себя и нанялся в работники.

На следующий день рано утром хозяин послал работника в поле.

— Поди, — сказал он, — пока светло, коси и вернись с наступлением темноты.

Работник весь день проработал в поле, а когда вечером усталый вернулся домой, хозяин спросил:

— Почему это ты вернулся?

— Как почему? Солнце зашло — вот я вернулся, — ответил работник.

— О нет, этак нельзя! Я тебе говорил, покуда светло, нужно косить. Солнце зашло, но зато взошла его сестра — луна. Она также недурно светит.

— Как это можно? — удивился работник.

— Да ты, видимо, сердишься? — спросил хозяин.

— Не сержусь... что ты, а только я сильно устал... отдохну маленько... — ответил работник заплетающимся от испуга языком и опять пошел в поле работать.

Так он косил до захода луны, но вслед за ней взошло солнце. Работник, изнуренный, свалился наземь:

— Будь проклято и твое поле, и твой хлеб, и твои деньги!.. — начал он с отчаянья поносить хозяина.

При этих словах откуда-то появился хозяин.

— Да ты это что, сердишься? Если сердишься — знай уговор наш нерушимый и понапрасну потом не болтай, что я беззаконно поступил с тобой.

И силой уговора заставил он работника — либо заплатить неустойку в тысячу рублей, либо работать на него бесплатно в течение десяти лет.

Очутился работник меж двух огней: и тысячи рублей нет, чтоб дать их хозяину и избавить

душу, и работать у такого человека десять лет немыслимо.

Думал он, думал и, наконец, дал хозяину письменное обязательство: уплатить ему тысячу рублей, и с пустыми руками вернулся к себе домой.

— Ну, что, как дела? — спросил младший брат.

Старший подробно рассказал ему все, что с ним случилось.

— Не беда, не горюй, — сказал младший брат, — теперь ты оставайся дома, а я пойду наймусь в работники.

Хозяин опять поставил условие: до весеннего кукования кукушки. Если рассердится работник — заплатит ему тысячу рублей или проработает на него бесплатно десять лет, если же рассердится хозяин — он платит работнику тысячу рублей и отпускает его на волю.

— Нет, этого мало: если ты рассердишься, ты мне платишь две тысячи рублей, если же я — дам тебе две тысячи рублей или стану работать на тебя даром двадцать лет.

— Ладно, — радостно согласился хозяин, сейчас же заключил условие, и младший брат поступил к нему в работники.

На следующий день солнце поднялось, а работник все еще спит.

Хозяин стал его будить:

— Помилуй, скоро полдень, а ты все лежишь.

— Чего ты — сердишься?.. — приподнимая голову, спросил работник.

— Не сержусь, — ответил хозяин, — а хочу сказать, что надо пойти в поле косить траву.

Наконец работник встал и начал медленно натягивать на ноги лапти.

— Поторопись же, братец, этак нельзя!..

— Да что ты, сердишься?

— Нет, и не думаю, я хочу лишь сказать, что опаздываем на работу...

— Это дело другое. Смотри, уговор наш — нерушимый!

Покуда слуга надел лапти и пошел в поле, наступил полдень.

— Стоит ли работать теперь? — сказал он хозяину. — Видишь, все обедают, — давай-ка пообедаем и мы.

Сели они обедать. После обеда работник говорит хозяину:

— Люди мы трудовые, а потому нам нужно малость поспать, набраться силы, — и, уткнув голову в траву, заснул до вечера.

— Послушай, побойся ты бога, уже темнеет, все скосили свои поля, лишь наше осталось нескошенным!.. Да чтоб сломалась шея того, кто тебя ко мне послал! Что это за наказание!.. — начал было с отчаянием хозяин.

— Да ведь ты сердишься? — подняв голову спросил работник.

— Нет, не сержусь, а лишь хочу сказать, что стемнело, пора домой.

— Это другое дело, пойдем, — а уговор остается.

Вернувшись домой, хозяин застал гостя. Послал он работника на скотный двор зарезать одну из овец.

— Какую? — спросил работник.

— Какая попадется.

Слуга вышел. Прошло немного времени — и вот бегут к хозяину люди и говорят, что его работник с ума сошел, — режет овец одну за другой. Выбежал хозяин из дому — видит и впрямь: зарезано все его стадо. Тут он вышел из себя и стал поносить его:

— Да чтоб обрушился твой кров, что это ты наделал!..

— Ведь ты же сказал: «какая попадется, такую и режь», — вот я и зарезал: я ничего дурного не сделал, — спокойно ответил работник и спросил: — Но, как вижу, ты сердишься?

— Нет, не сержусь, но мне жалко, что ты зря истребил мое стадо...

— Ладно, — не сердишься, так буду работать.

Младший брат проработал так несколько месяцев и до отчаяния довел своего хозяина. Тот решил как-нибудь избавиться от работника. По уговору, работник должен был уйти с весенним кукованьем кукушки, между тем начиналась зима и до весеннего кукования кукушки было далеко.

Подумал-подумал хозяин и решил проделать над работником штуку: повел он жену в лес, поднял ее на дерево и наказал куковать, как только он придет в лес с работником. Сам же пошел домой и велел работнику собраться с ним вместе в лес на охоту. Как вошли они в лес, жена хозяина и давай куковать:

— Ку-ку! Ку-ку!..

— О-го! Поздравляю тебя, кукушка кукует, твой срок службы истек.

Паренек сейчас же понял проделку хозяина.

— Нет, — сказал он, — слыхано ли дело, чтобы среди зимы куковала кукушка. Я эту кукушку должен убить и посмотреть, что это за птица такая!

При этих словах он прицелился, направив ружье на дерево, на котором сидела жена хозяина.

Хозяин с ревом бросился на него и едва уговорил работника не стрелять.

— Да чтоб ты сдох, скотина, извел ты меня!..

— Ты сердишься, как я вижу? — спросил работник хозяина.

— Да, да, братец, сержусь, — ответил тот, — пойдем уплачу я тебе неустойку, и отвяжись ты от меня. Заключил условие — так должен терпеть. Теперь-то уж я понимаю, что старая поговорка значит: «не рой чужому яму — сам в нее попадешь».

Расторгнув договор и получив неустойку, младший брат вернулся домой. А богач поумнел и не заставляет больше работника работать при луне в поле.

Сказка записана и художественно обработана поэтом Ованнесом Туманяном.[1]

[1] Ованнес Туманян (1869—1924)—выдающийся поэт. крупнейший представитель новоармянской литературы, отражавший в своем творчестве преимущественно патриархальный склад жизни армянской деревни. Художественно переработанные сказки О. Туманяна (в стихах и прозе), выпущенные в 1930 г. Армгизом под ред. П. Н. Макинциана, обличают в нем первоклассного сказителя, пленяющего читателя редким даром звукописи и безыскусственным светлым юмором.

ХРАБРЫЙ НАЗАР [1]

I

Жил-был бедняк, по имени Назар. Этот Назар был человек никчемный и ленивый. До того был он труслив, что один ни за что не переступал порога своего дома. Все часы он проводил бок-о-бок с женой — выходил с ней из дому, возвращался с ней домой.

Потому-то его и прозвали трусливым Назаром.

Однажды трусливый Назар вышел ночью вместе с женою за порог своего дома и увидел озаренную луною землю.

— Жена, ну и ночь для нападения на караван!.. Так бы я сейчас и пустился в путь да разграбил бы шахский караван, идущий из Индостана.

— Помалкивай и сиди на месте! Так я и поверила, что нападешь ты на караван!

— Дрянь ты этакая, почему ты мне не даешь разграбить шахский караван и наполнить дом чужим добром? Какой же мужчина я после

[1] В сборниках армянских сказок встречается ряд необработанных вариантов этой сказки. В настоящей книжке помещен вариант, записанный в турецко-армянской деревне Г. Сврандзтяном (см. сказку Дижико, стр. 55).

этого и на какого же чорта ношу папаху,[1] если ты осмеливаешься мне перечить!

В разгар перебранки жена, вне себя от ярости, вбежала в сени и заперла за собой дверь.

— Да чтоб я зарыла в землю твою трусливую головушку! Поди теперь пограбь караван! — сказала она в сердцах.

Оставшись один у запертой двери, Назар чуть не сошел с ума от страха. Сколько ни молил Назар жену впустить его в дом, та заупрямилась и не открыла двери.

Отчаявшись, Назар прикорнул у стенки в ожидании утра. Взошло солнце, а жена все не показывалась. Время было летнее, в воздухе реяли тысячи мух, которые, пользуясь неподвижностью разобиженного Назара, целыми роями прилипали к его лицу. Когда Назару стало невмоготу, он поднял руку и ударил себя ладонью по лицу. От удара посыпались мухи.

— Вот те на!.. — удивился Назар.

Хотел сосчитать, сколько он убил мух одним махом, — не мог. Подумав, он решил, что их было не меньше тысячи.

— Вот так дело! — говорит он про себя. — До сих пор не знал, что я такой молодец... Если одним махом я могу убить тысячу тварей, на какого же чорта прилип к дурехе-жене?..

Встал Назар и прямо пошел к сельскому попу.

— Благослови, батюшка!

— Господь благословит.

[1] Папахи не носит женщина, следовательно, мужчина, не носящий папахи, походит на женщину, — высшая форма обиды для мужчины на Востоке.

— Батя, так и так, — и начинает рассказывать попу про свой подвиг, добавив при этом, что он хочет порвать с женой и, вместе с тем, просит попа записать его подвиги, чтобы все знали об этом.

Поп, шутки ради, и напиши на тряпочке:

> Могучий Назар, незнакомый со страхом,
> Разящий тысячи одним махом!

и дает ему эту тряпочку.

Назар, укрепив ее к кончику длинного шеста, повесил на плечо где-то им добытый ржавый меч, и, сев на осла соседа, пустился в путь.

II

Выехав из села, он нашел какую-то дорогу и затрусил по ней вперед, сам не зная, куда ведет она. Когда он отъехал порядком от села, на него вновь нашел страх, и чтобы подбодрить себя, начал Назар понукать осла и мурлыкать себе под нос. Чем дальше, тем больше усиливался страх, и чем больше усиливался страх, тем сильней он начинал выкрикивать и понукать осла, отчего и этот также начал реветь... От такого воя и крика разлетались птицы с ближайших деревьев, убегали из кустов зайцы, лягушки бросались в воду...

Когда же он въехал в лес, начал реветь пуще прежнего; ему казалось, что из-под каждого дерева, из-под каждого куста на него норовит напасть зверь или разбойник. Охваченный страхом, он ревел все громче и громче.

В это самое время по лесу из соседнего села

ехал верхом крестьянин и, услыша рев Назара, попридержал коня.

— Никак это разбойники!.. — решил он, и быстро сойдя с коня, пустился наутек что было сил. Назар же, с воем продолжая путь, наткнулся на оседланного коня, который как будто его и ждал. Не долго думая, он сошел с осла и сел на оседланного коня.

III

Долго ли, коротко ли он ехал — одному ему известно, и, наконец, приехал в одно село. Ни Назар село, ни село Назара не знали. Как быть? Вдруг долетели до него звуки зурны. Двинулся он на эти звуки и попал на свадьбу.

— Добрый день!

— Добро пожаловать, честь и место!

— Пожалуйста сюда, на почетное место! Гость — посланец божий.

Повели и посадили его на почетном месте за супрой (скатертью) и стали со всех сторон потчевать.

Гости полюбопытствовали узнать — кто этот странный незнакомец. Сидевший на краю супры подтолкнул соседа, тот своего, этак, толкая друг друга, добрались до попа, сидевшего рядом с Назаром на почетном месте. Поп по складам прочел на знамени Назара:

Могучий Назар, незнакомый со страхом,
Разящий тысячи одним махом!

Прочитав, поп с ужасом сообщил сидевшему рядом, тот своему соседу, сосед третьему, третий четвертому, — этак добрались до самого

крайнего, сидевшего у дверей, и все пришли в замешательство, узнав, что гость —

Могучий Назар, незнакомый со страхом,
Разящий тысячи одним махом!

— Ах, это Храбрый Назар! — воскликнул один из гостей, известный бахвал. — Как он изменился, сразу и не узнать!..

И нашлись люди, которые стали рассказывать про его подвиги и вспоминать о вместе проведенных днях.

— Как же столь знатный человек обходится без слуг? — с удивлением спрашивали другие.

— Таков уж у него нрав, не любит иметь при себе слуг. Однажды я спросил его об этом — говорит: «На что мне слуги, — все люди мои слуги!»

— А почему же он не носит приличного меча и обходится этим дрянным железом?

— Молодечество Назара в том-то и заключается, что он одним ударом плохого меча разит тысячу тварей, а хорошим-то мечом всякий храбрец может орудовать.

Услышав эти разговоры, собравшиеся поднялись и выпили за здоровье Назара, а один из почетных гостей, подойдя к Назару, произнес такую речь:

— Про твою доблесть мы слыхали давно, жаждали видеть тебя и теперь осчастливлены, что видим тебя среди нас!

При этих словах Назар испустил вздох и потряс рукой. Собравшиеся безмолвно стали смотреть друг на друга, желая угадать всю силу, заключенную в этом вздохе...

И, разойдясь, пьяные гости разнесли повсюду, что идет —

Могучий Назар, незнакомый со страхом,
Разящий тысячи одним махом!

Рассказывали про необыкновенные его подвиги, расписывали страшную его внешность, во многих семьях новорожденных нарекали Бесстрашным Назаром.

IV

Покинув деревню, Назар продолжал путь и, доехав до зеленой лужайки, спешился, пустил коня пастись, воткнул знамя в землю и сам лег спать в его тени.

Оказывается, в этих местах жили семь богатырей-братьев, замок которых высился на вершине соседней горы. Глядя вниз с вершины горы и завидя Назара, богатыри-братья диву дались. «Что за сердце у этого молодца, сколько у него голов, чтоб без опаски приехать и прилечь на их земле и пустить пастись своего коня?» — думали они про себя. У богатырей были палицы весом в сорок лидров[1] каждая. Прихватив их, они спустились с горы и прибежали к Назару. Но тут, прочитав на знамени:

Могучий Назар, незнакомый со страхом,
Разящий тысячи одним махом!

сразу опешили.

— Так вот оно что, сам Храбрый Назар пожаловал к нам!..

[1] Мера емкости, равная в Турецкой Армении 18 фунтам. Употребляется на Востоке как мера веса для указания тяжести вещи.

Дело в том, что весть о появлении Храброго Назара от пьяных свадебных гостей докатилась и до братьев-великанов, и они теперь, словно в землю вкопанные, стояли и ждали его пробуждения.

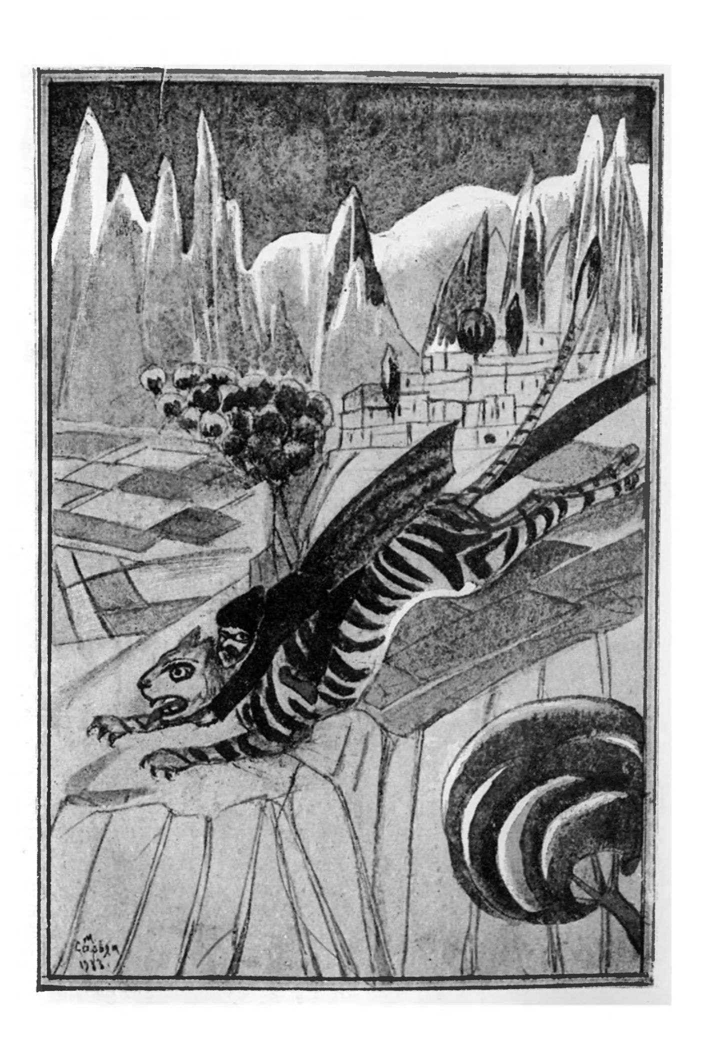
Проснувшись, раскрыв глаза и увидя перед собой семерых богатырей с сорокалидровыми палицами за плечами, Назар так и обмер, душа у него ушла в пятки. Дрожа точно осенний лист, он норовил скрыться за своим знаменем. Богатыри же, заметив, как он побледнел и дрожит, решили, что Назар разъярился и вот-вот одним махом уложит семерых. Они стали просить

> Могучего Назара, незнакомого со страхом,
> Разящего тысячи одним махом:

— Слышали мы твое страшное имя, жаждали видеть тебя и теперь счастливы, что ты сам пожаловал на нашу землю. Мы все семь братьев — твои покорные слуги. Замок наш — на вершине горы, в нем живет наша красавица-сестра. Умоляем тебя пожаловать вкусить с нами хлеба-соли.

Назар пришел в себя, сел на коня, а братья-великаны, прихватив его знамя, пустились вперед и торжественно доставили Назара в свой замок.

Тут Назару были оказаны царские почести, и так много рассказывали про его храбрость и бесстрашие, что красавица, сестра великанов, влюбилась в него. Нечего и говорить, что вместе с этим увеличились почести, воздававшиеся Назару.



V

Как раз в это самое время в тех краях, откуда ни возьмись, появился тигр, ввергший народ в ужас. Кто бы иной мог посметь выступить против тигра, как не Назар. Взоры всех были устремлены на него. Наверху бог — внизу Назар!

Услыша слово «тигр», Назар вскочил с места, чтоб убраться восвояси, но окружавшие его решили, что он бросился ловить зверя. Красавица-невеста уцепилась за него и спросила: «Куда же это ты без оружия, захвати сначала оружие!» Принесли ему оружие, и Назар выбежал с ним из дому, чтобы к бесчисленным своим подвигам прибавить еще один. Мчась, куда глаза глядят, он забрел в лес, соскочил с коня и взобрался на первое попавшееся дерево, чтоб, скрывшись в его ветвях, не встретиться с лютым зверем. Душа Назара превратилась в зернышко проса. И, как на зло, тигр пришел и улегся под этим самым деревом. При виде тигра у Назара отнялся язык, помутнело в глазах, ослабели руки, и — бац! — свалился он на самого зверя. Тигр, устрашившись, вскочил и стремглав пустился по долам и по горам с прилипшим к его спине Назаром.

И что же увидели люди? Сев на тигра, мчится Храбрый Назар!

— Эй, народ, посмотрите, Храбрый Назар укротил тигра и мчится на нем точно на коне!..

Подбодрившись, вооружившись, стар и млад с диким воем со всех сторон бросились на

тигра — кто с кинжалом, кто с мечом, кто с ружьем или дубинкой — и убили тигра.

Когда Назар очнулся и развязался у него язык, первое, что он сказал, было:

— Зря вы убили зверя! С трудом приручил я тигра, чтоб сделать из него коня и поездить на нем вволю...

Весть о подвиге Назара дошла до замка. Весь народ вышел воздать ему почести. О нем стали складывать песни.

И поженили Храброго Назара на красавице-сестре семи великанов. Семь дней, семь ночей пировали на свадьбе!

VI

И что же вы думали — на этой самой красавице давно уж хотел жениться царь соседней земли! Узнав, что ее выдали замуж за другого, он собрал всю свою рать и выступил против семи братьев.

Тогда семь богатырей пошли к Храброму Назару, поклонились в пояс и, стоя перед ним, ждали приказа.

Услыхав о войне, Назар ужаснулся и выбежал из дому, чтоб улизнуть в свое село. Люди же решили, что он хочет сразу напасть на вражескую рать, и, встав ему поперек пути, стали молить не выступать одному, без оружия, против врага.

Принесли оружие, вооружили его, жена же заклинала братьев не допустить Назара увлечься храбростью и одному напасть на вражескую рать. И через лазутчиков стали рас-

пространяться среди народа и вражеского стана слухи, что Храбрый Назар один-одинешенек. без оружия, рвется на поле брани и что с трудом удалось его успокоить, — и вот он, окруженный богатырями, идет на врага. На бранном поле посадили Назара на вороного коня. Видя его на таком коне, войско воодушевилось и с криком: «Да здравствует Храбрый Назар! Смерть врагу!» — обступило Назара.

Резвый конь под Назаром, почуя, что ездок в седле дрянной, дико заржал и пустился, что было мочи, прямо на вражий стан. Богатыри и все войско, уверенные, что Храбрый Назар сам погнал коня, с криком и воем пустились за ним. Назар же, чувствуя, что не совладает с конем, протянул руки, чтоб схватиться за первое попавшееся дерево, но, как на грех, оно оказалось гнилым: не успел он за него схватиться, как оно надломилось, и в руке у Назара очутился большущий сук. Вражеское же войско, слышавшее о храбрости Назара, убедилось в ней собственными глазами. Обуянное страхом, оно повернуло назад и изо всех сил пустилось наутек, крича: «Спасайся, кто может, несется на нас Храбрый Назар, вырывая деревья!..»

Неизвестно, сколько было перебито вражеских воинов; уцелевшие положили свое оружие у ног Назара, поклялись ему в покорности и объявили себя его подданными.

И вот со страшного поля брани Назар возвращается в замок великанов. Народ воздвиг ему триумфальные ворота. И пением, музыкой, цветами, девушками, шествием, речами так

пышно встретил его, что он, обалдев, теряет голову.

После такого почета, оказанного Назару, его объявили царем и посадили на трон. Сделавшись царем, Назар назначил великанов своими подручными. И дошел Бесстрашный Назар до того, что почувствовал: земля у него на ладони.

Говорят, что и по сей день здравствует и владычествует Храбрый Назар. И когда заходит при нем речь о доблести, уме и таланте, смеется он и говорит:

— Доблесть, ум и талант — глупости. Дело в счастье. Кейфуй, если ты счастлив!..

И рассказывают, что по сей день кейфует Храбрый Назар и смеется над миром.

Сказка записана и художественно обработана поэтом Ованнесом Туманяном.

Приложение

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Составлены проф. Н. П. Андреевым

Здесь кратко даны указания на параллели к помещенным сказкам. В этих указаниях отмечается номер сюжета по системе финского фольклориста Аарне, приводятся русские параллели, известные автору примечаний, указывается номер соответствующей сказки в сборнике бр. Гриммов, а также том и номер комментария Больте и Поливки к сказкам бр. Гриммов. В отдельных случаях указываются специальные исследования и приводятся другие библиографические данные. Пользуясь этими указаниями, интересующийся читатель сможет найти широкий международный сравнительный материал, в свете которого ярче выступит своеобразие армянских сказок и яснее определится смысл и значение их.

Во избежание повторений нами приняты условные сокращения для часто встречающихся названий (список этих сокращений см. на стр. 367 — 368).

Издания, указываемые в отдельных случаях, называются полностью.

Н. П. Андреев

АРМЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1. *Мудрый ткач.* Рассказ из группы рассказов о мудрецах; таковы, напр., старинные повести об Акире, о Басарге и т. п., находящие параллели и в сказках (см., напр., «Указатель» * 922 I - Смирнов, 297).

Для первой половины рассказа (о ткаче, качавшем колыбель и тростник нитками от станка) параллели мне неизвестны. Состязание ткача со странником относится к типу рассказов о диспуте жестами (но в них обычно оказывается, что туземный «мудрец совсем не так понял жесты чужеземца, как тот предполагал). Такой рассказ вошел, напр., в «Повесть бывшего посольства в португальской земле» (см. В. В. Сиповский, Русские повести XVII — XVIII вв., I, СПБ. 1905, стр. 268 — 284).

О диспуте жестами см. А. Н. Веселовский, Опыты по истории развития христианской легенды. Журнал Мин. Нар. Просв., ч. 185 (1876), 2, стр. 334 сл., и ч. 191 (1877), стр. 76 — 98, 124 сл. R. Köhler, Kleinere Schriften II, Weimar, 1899, стр. 479 — 494.

V. Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes VIII, Liège, 1904, стр. 125 — 126, № 112.

«Zeitschrift des Vereins für Volkskunde» 16 (1906), стр. 453 сл.; 24 (1914), стр. 88 — 90, 317 сл.; 28 (1918), стр. 126 — 129; 30/32 (1920/22), стр. 63 сл.

2. *Три брата.* По «Указателю» это сюжет 925 * (в новом издании Thompson'а — 655). В русском материале параллели мне неизвестны; на русском языке см. И. П. Минаев, Индейские сказки и легенды, собранные в Камаоне в 1875 г., СПБ. 1877, стр. 69 — 71, № 32 I; Н. Я. Марр, Грузинский извод сказки о 3 остроумных братьях из «Русуданиани» — Восточные заметки, 1895, стр. 221 — 259.

Рассказ этот входит в состав «Тысячи и одной ночи»; см. Chauvin, Bibliographie etc. VII, Liège, 1903, стр. 158—161, № 438.

3. *Разум и сердце.* См. «Указатель» 945. Параллели в русском материале мне неизвестны. В украинской сказке (Манжура, Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ., стр. 67 — 68) аналогичный сюжет соединен с рассказом о царевне, которую герой берется заставить говорить. Указания на немецкие, датскую и чешскую сказки с таким же соединением сюжетов см. у Bolte-Polívka, III, стр. 56—57.

4. *Наговор жены.* Анекдот из серии многочисленных рассказов о женских хитростях и уловках. Тема близка к типу 1406 A (по «Указателю»), но там обычно две или три жены дурачат своих мужей. В русском сказочном материале параллели мне неизвестны (явно книжного происхождения рассказ, вошедший в «Письмовник» Курганова — напр., 5-е изд, 1793, стр. 201—242, № 320 [1], в украинском можно указать: Рудченко, Народные южнорусские сказки, I, Киев, 1870, № 59; Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, II, СПБ. 1878, отд. 2, №№ 29, 31; Роздольский, Галицькі народнї новелї — Етнографічний збірник, VIII, У Львові, 1900, № 23; Кравченко, Этнографические материалы, собранные в Волынской и соседних с ней губерниях, №№ 168, 175, 181 - Труды Общества исследователей Волыни, XII, Житомир, 1914; Гнедич, Материалы по народной словесности Полтавской губ. Роменский уезд. Вып. IV, Полтава 1916, № 1502 (в ряде случаев, как и в армянской сказке, речь идет об одной жене).

Самый способ одурчения мужа в армянской сказке напоминает анекдот о болтливой жене («Указатель» 1381: Афанасьев 2[illegible] а, в; Ончуков 76, (186); Садовников 36; Соколовы 14 107; Худяков II, 75; Чудинский 8; см. также Bolte-Polívka I, стр. 527—528):

[1] В действительности — 321; 320 стоит в книге по ошибке.

здесь обычно муж показывает жене зайца в рыболовной сети, рыбу в поле и т. п.

Сюжет об одурачении мужа широко распространен был в средневековой литературе; см. J. Bédier, Les fabliaux. 5 éd, 1925, стр. 265—272.

5. *Глупец.* См. «Указатель» 460 В. Входит в цикл рассказов о путешествии на тот свет и т. п. (ср. еще «Указатель» 460 А, 461, 465 С).

Ср. Афанасьев 173, примечание (3-е изд., т. II, стр. 245—246); Смирнов 321. В армянской сказке эффектна концовка — герой оказывается необыкновенным глупцом.

6. *Дижико.* См. «Указатель» 1640. Один из популярнейших сюжетов о трусе, выдающем себя за храбреца-богатыря. См. Афанасьев 234, 235, а, в и примеч; Зеленин, Вятск. 43; Иваницкий 26; Красноярск. I, 49; Соколовы 72; Смирнов 109, 257, 325; Худяков II, 51; III, 121.

В собрании братьев Гриммов аналогичная сказка помещена под № 20 («Храбрый портнишка»). Многочисленные параллели (европейские, азиатские, южноамериканские) указывают Bolte-Polívka I, 20.

7. *Невеста родника.* В сущности эта сказка аналогична русской сказке о Финисте — ясном соколе («Указатель» 432: Афанасьев 129, а в; Зеленин, Вятск. 74; Зеленин. Пермск. 67; Худяков I, 5). Многочисленные параллели указывают Bolte-Polívka II, стр. 261 - 266.

Начало армянской сказки напоминает начало сказки «Ох» («Указатель» 325; см. ниже, № 16).

8. *Волшебная палочка.* Рассказ из цикла преданий о людях, умеющих превращать других людей в разных животных. В частности, несколько напоминает сказку «Царская собака» («Указатель» 449 А: Афанасьев 141а, в; Зеленин, Вятск. 39. 102; Садовников 19; Соколовы 65, 88; Смирнов 2).

9. *Соловей Хазаран.* Соответствует типу сказок о молодильных яблоках, живой воде и т. п. («Указатель» 551: Афанасьев 104 а — h; Зеленин,

Вятск. 47; Ончуков 3, 8, 166; Соколовы 139); [1] Смирнов 1, 334; Худяков II, 41; Эрленвейн 28; Озаровская 36.

В сборнике бр. Гриммов — 97; многочисленные параллели указывают Bolte-Polívka II, 97.

10. *Златоглавая рыба.* Рыба играет здесь ту же роль, какую обычно играет в подобных сказках благодарный мертвец. См. «Указатель» 507 C (Ончуков 152 — соответствие лишь приблизительное); Садовников 5. Но армянская сказка передается со своеобразными подробностями.

Теме о благодарном мертвеце посвящено специальное исследование Sv. Liljeblad, Die Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern. Lund, 1927.

11. *Бадикан и Хан-Боху.* В основе здесь лежит сюжет о Кощеевой смерти, но разработан он весьма своеобразно. Ср. «Указатель» 302: Афанасьев 93а—с, 95, (97), 150 с; Азадовский 1; [2] Зеленин, Пермск. 6; Красноярск. I, 1, 43; 2, 15; Ончуков 107, 167; Садовников 61; Сказки из разных мест Сибири 14; Смирнов (26, 130), 345; (Худяков III, 100 — весьма своеобразный текст); Эрленвейн 1, 12 Многочисленные параллели указывают Bolte-Polívka III, стр. 431—443.

12. *Волшебный перстень.* Один из популярнейших мировых сюжетов.

См. «Указатель» 560: Афанасьев 112 а, в и примеч.; Азадовский 11; Азадовский, Русская сказка. II, 38; Зеленин, Вятск. 9, 117; Зеленин, Пермск. 46 (68), 87; Красноярск., I, 2, 39; Озаровская 30; (Ончуков 225); Садовников 5; Соколовы 6, 120, 146; Смирнов 30, 34, (35), 283, 301; Худяков I, 7, 8; III, 92; Эрленвейн 20.

Аналогичная сказка печаталась в сборнике бр. Гриммов до 1850 г. (в изд. 1815 г.—№ 18, в изд. 1819 г.—

[1] Этот текст перепечатан также в издании Азадовского «Русская сказка», I, 8.

[2] Перепечатано в изд. Азадовского «Русская сказка» I, 17.

№ 104), но затем исключена из сборника, как заимствованная из монгольского сборника «Шидди-Кюр». Bolte-Polívka II, 104а указывают многочисленные параллели. Специальное исследование посвятил этому сюжету A. Aarne: Das Märchen vom Zauberring (Vergleichende Märchenforschungen I. Mèmoires de la Société Finno-Ougrienne XXV, Helsingfors 1908).

13. *По одежке протягивай ножки.* Параллели мне неизвестны.

14. *Лгун.* Сходный рассказ имеется, напр., в начале сказки № 8 у В. Гнатюка: Етнографічні материяли з Угорськоі Руси, т. V («Етнографічний збірник» XXIX. У Львові, 1910: Казки з Бачки), стр. 65 слл.: герой должен говорить царю небылицы, причем царь по уговору должен признавать их правдой; он говорит о долге царева отца его отцу, получает долг, богатеет и сам становится царем.

За ложь герой получает руку царевны: «Указатель» 852 (см., напр., украинскую сказку: «Етнографічний збірник» IX, стр. 96—98, № 55). Подобный рассказ обработан в виде латинского стихотворения в X веке (см. Bolte-Polívka II, 112, стр. 507; ср. здесь же многочисленные указания на другие варианты).

15. *Женщина, давшая себя поцеловать нищему.* Параллели мне неизвестны.

16. *Охик.* См. «Указатель» 325 («Хитрая наука» или «Ох»); сюда же включен сюжет 563 («Чудесные дары»); такое соединение в других случаях мне не встречалось.

Для первого (основного) сюжета ср. Афанасьев 140 a—d, (e); Азадовский 4;[1] Зеленин, Вятск. 30 и примеч; Зеленин, Пермск. 57; Иваницкий 10; Садовников 64; Смирнов 24, 72; Худяков I, 19; III, 94; Эрленвейн 18.

В сборнике бр. Гриммов 68; Bolte-Polívka II, 68 (многочисленные параллели).

[1] Перепечатано в издании Азадовского «Русская сказка» I, 18.

Для второго (вводного) сюжета о чудесных дарах см., напр., Афанасьев 108; Зеленин, Вятск. 25, 98; Иваницкий 14; Садовников 30; Худяков II, 48, 49.

В сборнике бр. Гриммов 36; многочисленные параллели у Bolte-Polívka I, 36.

17. *Трое безбородых и разоритель Яро.* Очень распространенный сюжет о ловком обманщике. См. «Указатель» 1539: Афанасьев 223 a, b, c, (249 I); Азадовский 22; Зеленин, Вятск. 135; Зеленин Пермск. 21; Иваницкий 44; Красноярск. I, 42; Ончуков 131, 269; Садовников 32; Соколовы 5, 87, 104, (135), 145; Смирнов 315; Худяков I, 30. У бр. Гриммов 61; Bolte-Polívka II, 61.

Для восточных версий характерны «безбородые», выступающие в качестве обманщиков.

18. *Врач Лохман.* В русском материале параллели мне неизвестны. Украинский рассказ об ученике знаменитого врача, притворяющемся глухонемым, см. в книге: Sadok Barącz, Bajki, fraszki, podania, przystowia i pieśni na Rusi (2-е изд. Lwów, 1886), стр. 120—127 («Lekarz»).

О змеиных царях и о целебной силе, полученной от змей, существуют довольно многочисленные рассказы (напр., тип 672 по «Указателю»: «Корона змеи» и «Чернобыльник»; ср. Садовников 47); иногда подобные эпизоды входят в сказку о волшебном кольце («Указатель» 560). Ср. Bolte-Polívka I, 17; II, стр. 464—465.

О знаменитом враче Лукмане ср., напр., Chauvin, Bibliographie... VIII, стр. 133, № 126.

19. *Мертвец-молодец.* См. «Указатель» *533 B; параллели в русском сказочном материале: Смирнов 179, 214. Входит в группу сказок о ложной невесте или жене.

20. *Змея преданней жены.* В русском материале параллели мне неизвестны. См. Chauvin, Bibliographie... II, 71, стр. 106—107 (здесь указаны параллели из восточных и западных сборников)

21. *Сын пахаря.* Сложный рассказ рамочного типа. Рамочный рассказ о чудесном мальчике отчасти напоминает сказку Афанасьева 134 (см. «Указатель» *671 I; ср еще Зеленин, Пермск. 48; Красноярск. 1, 1, 6; Ончуков 242; Соколовы 61; Смирнов 99).

Вторая часть рамочного рассказа (о засмеявшейся рыбе) напоминает по своему построению сказки о нерассказанном сне (см. «Указатель» 725; напр., Афанасьев 133), а по теме—многочисленные рассказы о неверных женах (в том числе рамку «Тысячи и одной ночи»). О засмеявшейся рыбе-самце и о лицемерии женщины см. F. F. Communications № 98, Helsinki 1932, стр. 127 и 132, примеч. 1. О любовнике царицы, переодетом женщиной, см. напр., A. Wesselski, Märchen des Mittelalters (Berlin, 1925), стр. 197.

Рассказы мальчика (сына пахаря) довольно обычны в сборниках «Семь мудрецов» и т. п. См., напр., Chauvin. Bibliographie... II, стр. 122, № 115; III, стр. 112, № 115, и V, стр. 289 № 173 (царь на охоте; сокол или собака проливают отравленное питье); III, стр. 100, № 59, и VIII, стр. 66—67, № 31 (о змее и собаке, убившей ее и несправедливо наказанной).

В несколько другой связи вставные рассказы о соколе и о птичке, принесшей чудесные семена, даны в узбекской сказке: Н. П. Остроумов, Сарты. Вып. II. Ташкент 1893, стр. 36—40, № VIII, причем рассказ о младшем брате напоминает здесь рассказ о змее и собаке (герой убивает змею, а царь подозревает его в покушении на убийство).

22. *Аревахат и Одзаманук.* Входит в цикл рассказов о чудесных женихах. См. «Указатель» 443 B («Царевич-змея»; ср. Bolte-Polívka II, 88, особенно стр. 229 — 241); аналогичны также рассказы о девушках-змеях и др. чудовищах («Указатель» 406). В русском материале встречается царевич-козел и т. п. («Указатель» 430: Афанасьев 156; Красноярск. I, 2, 6)

В армянской сказке сюда же присоединен сюжет «Мачеха и падчерица» («Указатель» 480A (Афанасьев 58 а); Озаровская 38; Худяков I, 14;

Эрленвейн 9; ср. также «Живая старина» XXI, 1912, стр. 387—388); этот сюжет широко известен по сказкам бр. Гриммов, в сборнике которых он стоит под № 24. См. Bolte-Polìvka I, 24.

23. *Жена ткача.* Первая часть сказки напоминает рассказ о том, как человек убеждается, что жена готова предать и убить его ради другого (по «Указателю»—*894: Соколовы 99; см. Bolte-Polìvka II, стр. 365—367). Вторая часть рассказа, наоборот, доказывает верность и твердость женщин. Параллели мне неизвестны.

24. *Царь, заглядывавшийся на свою невестку.* См. «Указатель» 465 С: Афанасьев 122 с, 123, 124 а; Зеленин, Пермск. 42, 101; (ср. еще Красноярск. I, 1, 1).

Начало сказки (сыновья царя бросают стрелы) напоминает сказку «Царевна-лягушка» («Указатель 402; Афанасьев 150 и др.).

25. *Хромой, безбородый и кривой.* Рассказ этот относится к циклу рассказов о мудром разрешении судебных споров; в частности, можно указать сюжет «Венецианского купца» Шекспира. См. Chauvin, Bibliographie... VIII, 26, стр. 60—62, где имеем близкое соответствие армянской сказке. В русском материале аналогичен этой сказке рассказ о рыжем и красном («Указатель» *1588: Афанасьев 249 xx).

26. *Сказка о красной корове.* Один из распространеннейших мировых сюжетов - «Золушка». См. «Указатель» 510А: Афанасьев 162, 163; Ончуков 129; Смирнов 33; Худяков I, 15.

В сборнике бр. Гриммов № 21; Bolte-Polívka I, 21.

27. *Девушка, заслуживщая мужской пол.* В русском материале рассказы о перемене пола мне неизвестны; Bolte-Polívka III, стр. 85 указывают греческую, румынскую и древне-ирландскую версии. См. «Указатель» 514; есть варианты финские, датские, норвежские, итальянские (из Сицилии).

Опасные поручения, выполняемые героиней с помощью коня, сходны с теми, какие видим в сказках

типа 328 по «Указателю»; ср. Bolte-Polívka III, стр. 33—37 (напр., Сборник для описания местностей и племен Кавказа, IX, стр. 162 сл.); сходны также сказки типа «Конек-Горбунок» («Указатель» 531; см. ниже № 30).

28. *Сказка о Хабрмане.* Выполнение трудных поручений царя женихом напоминает сказки о волшебном кольце («Указатель» 560; см. выше № 12). Чудесное происхождение Хабрмана, исчезновение его и поиски его женой включают эту сказку в цикл сказок о чудесных женихах («Указатель» 432 — см. выше № 7 — и 425: знаменитый сюжет «Амур и Психея»; см. Bolte-Polívka II, 88; III, 127). Бегство от отца с превращениями бегущих — см. «Указатель» 313 (Bolte-Polívka I, 51, 56; II, 70 a, 113; III, 186); ср., напр., Афанасьев 125. Армянская сказка, таким образом, оказывается весьма сложной по составу.

29. *Азаран Блбул.* Сказка в основном относится к тому же типу, что и «Соловей Хазаран» (№ 9, выше): «Указатель» 551; но здесь тот же сюжет развивается иначе.

30. *Птица Цари.* Начало и конец сказки (сыновья едут за лекарством для отца) напоминают тип 551 (выше, №№ 9 и 29). Основной же сюжет сказки относится к типу «Конек-Горбунок». См. «Указатель» 531: Афанасьев (77), 103 а, в, (107); Зеленин Вятск. 139, (Зеленин, Перм к. 10); (Красноярск. I, 1, 37); Озаровская 28; (Ончуков 126); Садовников 12, 60; (Соколовы 39); Смирнов 30, 184, (321); Худяков (I 24), III 111; Эрленвейн 8.

В сборнике бр. Гриммов 126; Bolte-Polívka III, 126.

31. *Сказка о козе.* Для первой части сказки (о продаже козы) параллели мне неизвестны. Вторая часть (о спрятанных любовниках) сходна с первой частью сказки «Дорогая кожа». См. «Указатель» 1535А: Афанасьев 242; Зеленин Вятск. 126, Пермск. 21, (стр. 351), 109; Озаровская 18; Ончуков 283; Садовников 27, (37); Смирнов 350. Ср. также

отдельный рассказ о спрятанных любовниках: Красноярск. I, 1, 8; Ончуков 14; Соколовы 67, 91, 103.

В сборнике бр. Гриммов 61; Bolte-Polívka II, 61.

32. *Ведьма.* Рассказ этот входит в состав «Тысячи и одной ночи». См. Chauvin, Bibliographie... V, стр. 245 — 250, № 147. В русском материале параллели мне неизвестны.

33. *Сказка о правом и неправом.* Знаменитый сюжет.—«Правда и Кривда». См. «Указатель» 613: Афанасьев 66; Зеленин, Вятск. 60, 69; Ончуков 158; Смирнов 83, 255, 286, 347; Худяков II, 47; (Эрленвейн 14). В сборнике бр. Гриммов № 107; Bolte Polívka II, 107 указывают многочисленные параллели.

Недавно открыт египетский текст (XII века до н. э.), рассказывающий о споре Правды и Кривды. См. «Zeitschrift für Volkskunde», Neue Folge III (1931), Heft 2, стр. 172 — 173, Heft 3, стр. 281 — 283.

Специальное исследование, посвященное данному сюжету: R. Th. Christiansen. The tale of the two travellers. F. F., Communications № 24, Hamina 1916. См. также A. Wesselski, Märchen des Mittelalters, стр. 202 сл.

34. *Чопчи.* Для первой части рассказа (об обогащении бедняка, споре его с человеком, узнавшим его тайну, и утрате власти и богатства) параллели мне неизвестны. Вторая часть—путешествие к богу с жалобой – является вариацией сказки «Глупец» (см. № 5, выше: «Указатель» 460 В).

35. *Змея и рыба.* Рассказ басенного типа.

36 *Сказка о сыне пахаря Огана.* Параллели мне неизвестны.

37. *Сказка о воре.* Основной сюжет здесь — знаменитый рассказ о сокровищнице Рампсинита См «Указатель» 950: Афанасьев 219 h; Зеленин, Пермск. 49, 50, 54; Красноярск. I, 1, 50; Ончуков 591, 60, 168.

Многочисленные параллели указывают Bolte-Polívka III, стр. 395 — 406. Начальный эпизод (сын пря-

чется в церкви и отвечает мате, и от имени бога) напоминает различные рассказы, где муж, церковный сторож, пастух и пр. говорят от имени бога, спрятавшись на дереве или в церкви; см. «Указатель» 1380 (напр., Афанасьев 241), 1476 (напр., Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с нею губерниях, П. 114), 1575* (см. Ончуков 263). Ср. Bolte-Polívka III, 139.

Заключительный эпизод (похищение царя в мешке) см. «Указатель» 1737: Ончуков 59 (в таком же соединении, как и в армянской сказке; чаще этот эпизод присоединяется к сказке о ловком воре типа 1525 А по «Указателю»).

38. *Бахдо.* Вариация предшествующей сказки (в основе тип 950). Начальный эпизод (о службе героя у разных мастеров и о причиненных им убытках) относится к циклу сказок о слуге, наносящем вред своему хозяину путем буквального исполнения его приказаний и т. п. (напр., Ончуков 109; по «Указателю» 1000 — 1029).

39. *Сказка о змее и Шиваре.* Параллели мне неизвестны.

40. *Женщина с придурью.* Сказка из цикла рассказов о глупых людях. Для эпизода с козлом параллели мне неизвестны (в сущности, это — вариация последнего эпизода этой же сказки). Второй эпизод (плач о будущем ребенке) см. «Указатель» 1450: (Афанасьев 227 а); Зеленин, Пермск. 26; (Красноярск. I, 1, 61); Ончуков 104 (Смирнов 191, 274, 322); Худяков II, 76.

В сборнике бр. Гриммов 34 («Умная Эльза»); Bolte-Polívka I, 34.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКЕ

41. *Анаит.* Это — обработка сказки из «Тысячи и одной ночи» о вышивательнице ковров. См. Chauvin, Bibliographie... VI, стр. 72 – 73, № 239. В русском материале параллели мне неизвестны.

42. *Арегназан.* Обработка сюжета о перемене пола; см. выше, № 27 («Девушка, заслужившая мужской пол»).

43. *Хозяин и работник.* Относится к указанному выше (см. № 38) циклу сказок о работнике.

В частности имеем здесь уговор не сердиться («Указатель» 1000: Ончуков 42, 102, 298; Садовников 26; Худяков I, 27; II 71; III, 95; Bolte-Polívka II, 293–294). Для эпизода с работой до темноты параллели мне неизвестны. Для эпизода с овцами см. «Указатель» *1006 I: Афанасьев 89; Зеленин, Вятск. 64; Ончуков 109, 298; Смирнов 278. Для эпизода с кукушкой см. «Указатель» 1029; в русском материале параллели мне неизвестны, в украинском см., напр., «Етнографічний збірник» XXX, № 127.

44. *Храбрый Назар.* Обработка того же сюжета, что и сказка «Дижико» (см. выше № 9; по «Указателю» 1640).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИИ

«Указатель»—Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Изд. Русск. Геогр. Общ. Ленинград 1929. Указывается порядковый номер сюжета.

Bolte-Polívka —Anmerkungen zu den Kinder-ung Hausmärchen der Brüder Grimm, neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polívka. I—III. Leipzig 1913—1918. Указываются том и номер сказки, в отдельных случаях—страницы.

Афанасьев — А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки. Указывается номер сказки, одинаковый во 2-м, 3-м и 4-м изданиях.

Азадовский — М. К. Азадовский, Сказки Верхнеленского края. Вып I. Иркутск 1925.

Азадовский, Русская сказка—М. К. Азадовский, Русская сказка. Избранные мастера. Изд. «Academia». Тт. I—II. Указываются том и номер.

Зеленин, Вятск.—Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губ. Пг. 1915. Указывается номер.

Зеленин, Пермск.—Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губ. Пг. 1914. Указывается номер.

Иваницкий—Н. А. Иваницкий, Материалы по этнографии Вологодской губ. М. 1890. Указывается номер сказки.

Красноярск.—Записки Красноярского подъотд. Восточно-сибирского отд. Русск. Геогр. Общ. По этнографии. Т. I. Вып. I и II, Красноярск 1902 — Томск 1906. Указываются том, выпуск и номер.

Озаровская—О. Э. Озаровская, Пятиречие. Изд-во писателей. Ленинград. 1931. Указывается номер.

Ончуков—Н. Е. Ончуков, Северные сказки. СПБ. 1908. Указывается номер.

Садовников — Д. Н. Садовников, Сказки и предания Самарского края. СПБ. 1884. Указывается номер.

Соколовы — Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края. М. 1915. Указывается номер сказки.

Смирнов — А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива Русск. Геогр. Общ. Вып. I и II. Пг. 1917. Указывается номер.

Худяков — И. А. Худяков, Великорусские сказки. I—III. М 1860, 1861, 1862. Указываются выпуск и номер.

Чудинский — Е. А. Чудинский, Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864. Указывается номер.

Эрленвейн — А. А. Эрленвейн, Народные сказки, собранные сельскими учителями. М. 1863. Указывается номер.

ИЛЛЮСТРАЦИИ М. САРЬЯНА
к армянским сказкам

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание

Народные сказки в художественной обработке

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

ACADEMIA

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

ACADEMIA